

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т А Р Х Е О Л О Г И И

ПАМЯТНИКИ
КАМЕННОГО И БРОНЗОВОГО
ВЕКОВ
ЕВРАЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1964

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
О. Н. БАДЕР

ПРЕДИСЛОВИЕ

После окончания древнекаменного века, палеолита, и совпавшего с ним четвертичного ледникового периода в Европе и Азии настала геологическая современность. Отступили на север и стаяли материковые льды, постепенно установились почти современный климат и близкие современным ландшафтные зоны, а в связи с этим изменились и условия существования человека. В истории человечества настала эпоха среднекаменного века, мезолита, а за ней и время неолита.

В эпоху мезолита, VIII—V тыс. до н. э., заметно изменился быт первобытных охотников. Исчезли такие крупные животные, как мамонт и носорог, а также многочисленные стада северных оленей, бизонов и диких лошадей. В погоне за благородным оленем и лосем, кабаном и косулей охотники эпохи мезолита принуждены были вести подвижный образ жизни, часто менять места своих стоянок. Поэтому места этих временных стоянок сохранили лишь тонкие и бедные находками культурные слои и с трудом обнаруживаются археологами. Поэтому вся эпоха мезолита изучена еще сравнительно слабо, и каждый вновь обнаруженный и вновь исследованный памятник этой эпохи представляет значительный научный интерес.

В этой книге мезолиту Верхнего Поволжья посвящена работа Л. В. Кольцова о давно открытой, но недавно исследованной стоянке у с. Коприно на Верхней Волге. Этот археологический памятник содержит несколько залегающих друг над другом слоев с культурными остатками, что позволяет составить представление о последовательных этапах развития культуры эпохи мезолита на этой территории.

На Южном Урале следы человека эпохи мезолита открыты лишь несколько лет назад, а в Зауралье они вообще почти неизвестны. Поэтому публикуемая здесь работа Г. Н. Матюшина имеет особый интерес. В ней автор дает краткую характеристику материальной культуры эпохи мезолита в Южном Приуралье и делает первую удачную попытку выделить мезолитический кремневый инвентарь на некоторых неолитических стоянках Зауралья, которые, следовательно, были заселены по крайней мере два раза: в мезолите и во время неолита, когда первобытное население лесной зоны перешло к оседлому образу жизни на базе рыболовно-охотничьего хозяйства.

Основная часть работ, составляющих эту книгу, касается эпохи, следующей за неолитом, — эпохи бронзы. Это время имело особое значение в истории древнего населения Евразии. В эпоху бронзы повсеместно

происходили существенные перемены в экономике древнего населения, переходившего от присваивающих форм хозяйства — охоты и рыболовства — к его производящим формам — животноводству и земледелию. Этим важным изменениям в хозяйстве почти повсеместно сопутствует появление древней металлургии; медные, а затем и бронзовые орудия труда и оружие начинают конкурировать с каменными.

Неравномерно развивающаяся металлургия, скотоводство и земледелие приводили к усилению обмена и межплеменных связей, улучшили условия существования, но они же обусловили и учащение военных столкновений, целью которых нередко становилось возникающее новое богатство: скот и металл. Развивающееся скотоводство нередко требовало расширения пастбищ — и возникала борьба за них. Эта борьба местами усиливается из-за наступившего в то время сухого, ксеротермического климата, обусловившего смещение к северу ландшафтных зон. Именно в это время происходят многочисленные передвижения племен на новые земли, подчас очень далекие, в связи с чем эпоха бронзы по праву может называться эпохой первого «великого переселения народов».

В этих условиях усиливается экономическая и общественная роль мужчины — воина и собственника стад, происходит «всемирно-историческое поражение женщины» (Энгельс), переход от матриархата к патриархату.

Третья статья сборника, написанная И. И. Артеменко, содержит интереснейший материал его недавних раскопок в северо-восточной Белоруссии. Автору удалось исследовать наиболее богатые из известных до сего времени погребений так называемой среднеднепровской культуры. От обширной группы племен этой культуры сохранились до нашего времени погребальные курганы и поселения. Эти племена, жившие в конце III и во II тыс. до н. э., отличались своеобразными особенностями материальной культуры, связывающей их с населением Верхнего и Среднего Поволжья на севере и востоке, Прибалтики — на западе и Средней Европы — на юго-западе. Эта обширная историко-культурная область II тыс. до н. э. была населена близкими в культурном отношении племенами первобытных земледельцев и скотоводов, употреблявших каменные сверленные шлифованные боевые топоры и выделявавших глиняную посуду шаровидной формы, нередко с орнаментом в виде отпечатков крученого шнура.

В статье О. С. Гадзяцкой приводится материал из раскопок Милославского могильника в Верхнем Поволжье, принадлежавшего населению соседней так называемой фатьяновской культуры, относившейся, как и среднеднепровская, к той же историко-культурной области и к той же эпохе.

В работе Е. Н. Черных впервые публикуются результаты спектральных анализов металла своеобразной абашевской культуры, памятники которой относятся ко второй половине II тыс. до н. э. и покрывают огромную территорию южной части лесной зоны от Калужской обл. до Урала. Изучение химического состава металла древних изделий подводит нас вплотную к решению вопроса о происхождении металлургического

сырья, использовавшегося в древности на различных территориях, а тем самым и к разрешению проблемы происхождения древней металлургии на тех же территориях.

В статье О. Н. Евтюховой дается систематическое описание глиняной посуды, происходящей от средневожских памятников той же абашевской культуры.

Еще одна группа культурно-родственных племен в середине II тыс. до н. э. занимала обширные пространства степей юго-западной Сибири от Урала до Енисея и оставила нам разнообразные памятники так называемой андроновской культуры. Ей посвящены публикуемые здесь работы Е. Е. Кузьминой. В первой из них автор детально знакомит читателя с итогами своих систематических раскопок в одном и том же узком районе Южного Приуралья, что облегчает установление хронологической последовательности западной группы андроновских памятников. Во второй работе автор прослеживает южные пределы распространения древней степной культуры по памятникам андроновского типа и устанавливается их соотношение во времени с древнеземледельческими культурами Средней Азии и Ирана.

Две работы М. Ф. Косарева посвящены культурам конца неолита и бронзовой эпохи в бассейне Средней Оби. Население этих лесных культур жило на севере по соседству с андроновским населением, со временем восприняло некоторые элементы сравнительно развитой андроновской культуры и передавало их дальше на север. В Среднем Приобье рано возникает самостоятельный очаг медно-бронзовой металлургии, сыгравшей существенную роль в истории материальной культуры Сибири.

Последняя статья сборника, принадлежащая В. В. Волкову, относится к археологии еще более восточных территорий Монгольской Народной Республики. Ряд публикуемых типов медно-бронзовых втульчатых топоров-кельтов, найденных в МНР и хранящихся в ее музейных собраниях, обнаруживает сходство с сибирскими формами тех же орудий и иллюстрирует древние связи, существовавшие между населением территорий МНР и СССР в эпоху бронзы.

Иллюстративный материал в книге позволит читателю составить конкретное представление о материальной культуре перечисленных выше районов в эпоху камня и бронзы.

Все статьи предлагаемого читателям сборника написаны наиболее молодыми сотрудниками сектора неолита и бронзы Института археологии АН СССР; эти исследования являются ценным вкладом в изучение древней истории Евразии.

О. Н. Бадер

Л. В. Кольцов

СТОЯНКА У с. КОПРИНО НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ

Стоянка Коприно находится в Рыбинском р-не Ярославской обл. Памятник располагается на правом берегу Волги, в 0,5 км от с. Коприно, в месте впадения в Волгу р. Петроковки. До поднятия уровня Волги терраса, на которой располагается памятник, имела высоту свыше 20 м над уровнем реки.

Памятник был открыт заведующим Копринским музеем краеведения А. Ф. Акифьевым. В 1933 г. поселение было обследовано О. Н. Бадером во время комплексного изучения бассейна Волги в связи с археологическими работами на Волгострое. Материал, собранный с памятника, незначителен. Стоянка была датирована эпохой мезолита¹.

В 1935 г. на стоянке работал П. Н. Третьяков. Он датировал поселение эпохой позднего неолита².

В августе 1959 г. Верхневолжской экспедицией ИИМК было организовано новое обследование стоянки Коприно³.

Памятник в настоящее время почти полностью разрушен, так как после подъема воды Волга очень сильно размывает здесь берег.

О разрушении стоянки говорят и обильные находки подъемного материала не только на бичевнике, но и в Волге.

Нашими раскопками и пробными шурфами удалось установить, что в настоящее время от стоянки осталась узкая полоса вдоль Волги шириной 5—8 м.

Для определения сохранившихся участков памятника была сделана зачистка берегового обнажения на протяжении 250 м. Удалось установить, что культурные остатки сохранились не на всей этой площади, а отдельными скоплениями вдоль всего бугра.

В местах скопления материала были поставлены раскопы. Шурфы размером 2 × 2 м между раскопами в подавляющем большинстве не дали материала.

Раскопки велись методом горизонтальных зачисток. Находки фиксировались по квадратам размерами 2 × 2 м по условным горизонтам толщиной в 0,10 м. Такие дробные горизонты были приняты в связи со спорным характером памятника для уточнения залегания материала.

Всего на памятнике было вскрыто в августе 1959 г. 280 кв. м. Коллекционная опись со стоянки Коприно включает в себя 3098 номеров.

¹ О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Участок Скнятино-Молога. Стоянки родового общества. Археологические работы на новостройках в 1932—1933 гг.—ИГАИМК, 1935, вып. 109, стр. 149—150.

² П. Н. Третьяков. К вопросу об эпилеолитических памятниках Верхнего Поволжья.—СА, 1940, № 5, стр. 103; Он же. Эпилеолитические поселения Скнятинских дон.—МИА, 1950, № 13, стр. 15, 16.

³ Кроме автора, в работах принимали участие зам. директора Рыбинского музея Л. С. Кример и В. В. Ковалев и студенты Ярославского пединститута им. Ушинского и Рыбинского механического техникума.

ОПИСАНИЕ РАСКОПОВ

Раскоп I (рис. 1, 1) расположен в центральной части бугра и вытянут вдоль береговой кромки с запада на восток. Площадь раскопа 56 кв. м (14 × 4).

Стратиграфия раскопа (по северо-восточному углу) (рис. 1, 2):

1) покровный, супесчаный, серый, плотный слой	0—0,06 м
2) супесь плотная, темно-серая (почти черная), с мелкой дресвой (ископаемая почва)	0,06—0,20 м
3) супесь пепельно-розовая, мягкая, рыхлая, с угольками	0,20—0,38 м
4) супесь бледно-желтая, с полоской ортзандов в нижней части, легкая, пористая, с редкими включениями угольков	0,38—0,68 м
5) супесь коричневато-желтая, слоистая, с несколькими полосками ортзандов, рыхлая	0,68 м
и глубже

В ряде мест раскопа глубина всех слоев понижается (об этом будет сказано ниже).

Находки в основном сосредоточивались на квадратах, расположенных ближе к восточной и западной стенкам раскопа, и составляли как бы два больших скопления. Они состояли из толстой керамики, сделанной на кругу, вероятно, русской (ее фрагменты в незначительном числе найдены в верхней, покровной супеси) и большого количества кремневых вещей. Кремневые орудия, отщепы, осколки встречались на большей части раскопа от поверхности до глубины 0,85 м.

Восточное скопление кремневых предметов располагалось в кв. 11—14. Оно состояло из значительного числа кремневых орудий, отщепов, ножевидных пластин, осколков, нуклеусов и кусков кремня. Находки начались здесь с глубины 0,25 м и закончились на глубине 0,75 м, в верхней части слоя 5 (коричневато-желтой слоистой супеси с ортзандами). Находки распределялись равномерно по всей площади. Начиная с глубины 0,70 м они довольно редки, сосредоточиваясь в основном в западном углу. Следов какого-либо углубления в этом месте обнаружить не удалось. Однако по концентрации находок на одинаковой глубине и компактности их расположения можно реконструировать на кв. 12 небольшую ямку овальной формы размерами 0,95 × 0,45 м, ориентированную с запада на восток. Глубина ямки не выяснена, но она не более 0,10 м.

В кв. 14, в пределах северо-восточного угла скопления кремневого материала, на глубине 0,45 м обнаружено овальное пятно красного прокаленного песка. Вероятно, это остатки небольшого очага. Размеры его: 0,80 × 0,45 × 0,10 м. Оно вытянуто с северо-востока на юго-запад. В этом пятне было найдено несколько мелких жженных косточек, 4 кремневых скребка, значительное количество отщепов и осколков. Вокруг очага на той же глубине залежали орудия и отходы производства.

Несколько менее чем в 0,5 м к югу от описанного выше очага был обнаружен валун продолговатой формы (кв. 13), который располагался у восточной границы указанного скопления и имел размеры 0,25 × 0,15 × 0,10 м. На нем отчетливо сохранились следы ударов. Вероятно, валун служил опорой при раскалывании кремневых желваков или, может быть, наковаленкой для обработки кремневых орудий. Большая часть кремневых предметов из этого скопления была на той же глубине, что очаг и валун.

Вероятно, здесь мы имеем остатки небольшой мастерской по обработке кремневых орудий. Найденные кремневые орудия и отходы, за небольшим исключением, одного цвета и равноценны по качеству. Возможно, что в данном случае для обработки использован один желвак.

Второе крупное скопление кремня было обнаружено на кв. 3 и 4, особенно на последнем. На окружающих квадратах находки тоже были более интенсивны, чем в центре раскопа.

Форма этого второго скопления неправильная, грушевидная, размеры: $3,40 \times 1,90$ м. Находки появились на глубине 0,35 м, кончились на глубине 0,50 м. Основная масса их концентрировалась на глубине 0,40—0,50 м.

В этом скоплении наблюдались также некоторые интересные детали. В центре кв. 4 был найден очаг из нескольких круглых, сильно обожженных валунов размерами от 12 до 35 см в диаметре. Один из них, гранитный, был прокален настолько, что при прикосновении рассыпался. Они были расположены на глубине 0,45 м от поверхности и составляли довольно правильный овал размерами $1 \times 0,6$ м. Внутри этой ограды из валунов находился слой прокаленного песка толщиной 0,10 м. В нем были встречены несколько пережженных кремней. Основная масса находок концентрировалась вокруг этого очага.

В 0,80 м от него, на той же глубине, в северной части кв. 3 обнаружена тонкая прослойка золы с содержащимися в ней мелкими угольками. Это зольное пятно имело округлую форму; диаметр его 0,45 м, толщина 0,03 м. Вокруг него тоже концентрировались находки. Третья деталь в этой части раскопа — темное, сильно гумусированное пятно на границе кв. 1 и 2. Оно имело расплывчатую, овальную форму, было ориентировано с северо-востока на юго-запад. Размеры: $1,20 \times 0,35$ м; толщина 0,30 м.

Таким образом, перед нами два места обработки кремневых орудий. Может быть, здесь существовало какое-то недолговременное жилище типа шалаша, от которого не осталось следов.

Раскоп II расположен в 28 м к востоку от раскопа I. Площадь раскопа 24 кв. м (6×4)⁴.

Находки начались с глубины 0,30 м и продолжались до глубины 0,85 м. Они состояли исключительно из кремневых орудий и отходов их производства и распределялись по всей площади довольно равномерно.

Раскоп III расположен в 30 м к востоку от раскопа II и вытянут вдоль береговой кромки с запада на восток. Площадь его 12 кв. м.

Находки начались на глубине 0,30 м и продолжались до глубины 0,47 м. Затем супесь была стерильной до глубины 0,90 м. С этой отметки опять начались находки и продолжались до глубины 0,95 м. Таким образом, в раскопе III были два слоя с культурными остатками, разделенные стерильной прослойкой. И в том и в другом слое были найдены только кремневые вещи.

Нижний культурный слой был расположен в коричнево-бурой, сильно гумусированной супеси мощностью до 0,18 м.

Наблюдается некоторое различие в характере инвентаря этих культурных слоев (об этом будет сказано ниже).

В верхнем культурном горизонте на кв. 1 (западная часть раскопа), на границе с кв. 2 и в центре, отмечалось небольшое ($1,00 \times 1,20$ м) скопление кремневых орудий. Оно было обнаружено на глубине 0,30—0,35 м, имело неправильную, подовальную форму.

На той же глубине в северной части кв. 1 отмечалось сильно гумусированное пятно толщиной в 0,15 м; в раскопанной части оно имело размеры $0,55 \times 0,60$ м. Интерпретировать это пятно трудно.

Нижний горизонт культурных остатков был гораздо беднее находками, которые более или менее равномерно распределялись по всей площади. В центре и в южной части кв. 2 на глубине от 0,80 до 0,84 м

⁴ Стратиграфия этого раскопа, как и раскопов V, VI и VII, аналогична стратиграфии раскопа I, поэтому мы не будем здесь ее описывать.

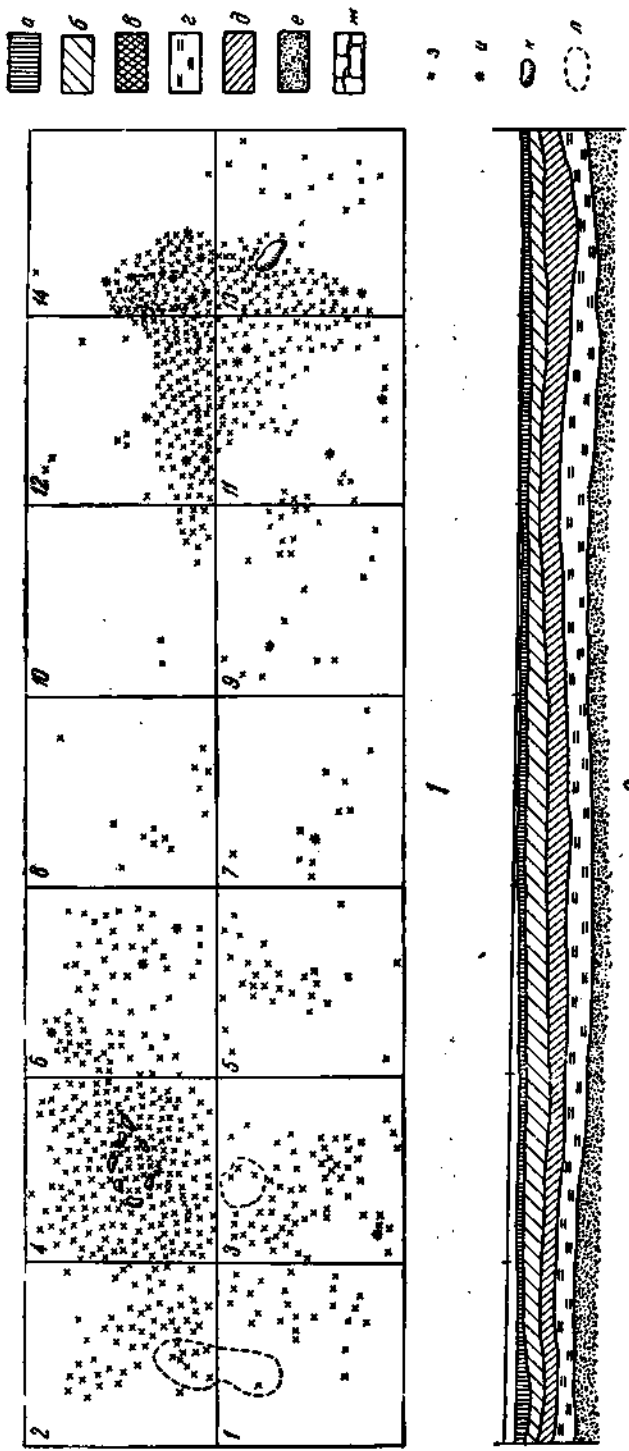

Рис. 1. (1, 2). Планы и профили расколов

1 — план раскопа I; 2 — разрез раскопа I по северной стенке;

Условные обозначения: а — покровная серая супесь; б — супесь темно-серая (первая ископаемая почва); в — супесь пепельно-розовая; г — супесь бледно-желтая; д — супесь коричнево-бурая (вторая ископаемая почва); е — супесь коричнево-желтая, слоистая; ж — остатки морены; з — кремь, и — камень, к — орудие, л — зольное пятно

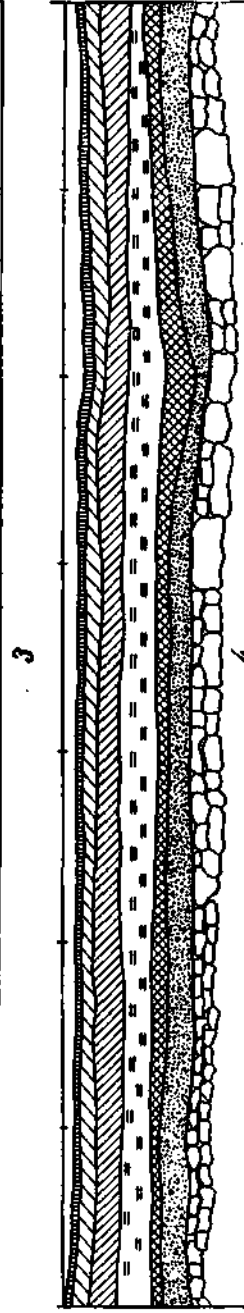
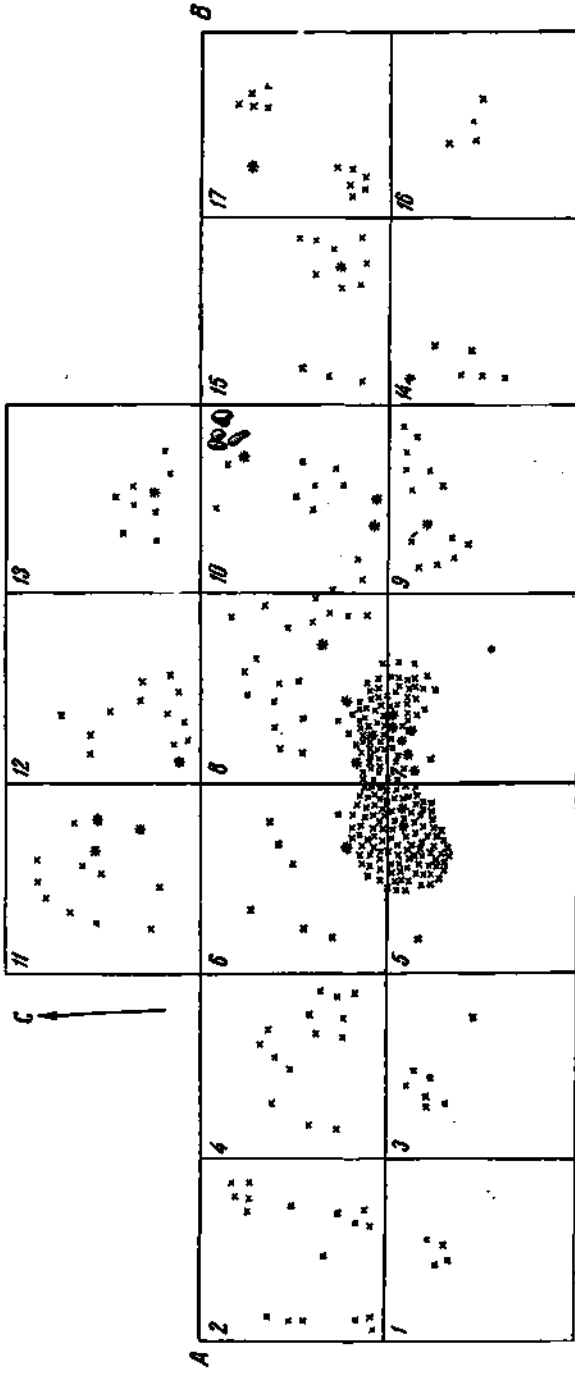

Рис. II (3, 4). Планы и профили раскопов
 3 — план нижнего культурного слоя в раскопе IV; 4 — разрез раскопа IV по линии А—В.
 Усл. обозначения см. выше

было обнаружено зольное подтреугольное пятно длиной около 1,2 м. В нем попадались очень мелкие угольки и обожженные кремни; вероятно, пятно является остатком кратковременного кострища.

Раскоп IV расположен в 20 м к востоку от раскопа III. Площадь раскопа 68 кв. м.

Стратиграфия раскопа (по северо-западному углу кв. 10) (рис. 1, 4)⁵:

1) покровная супесь серая	0—0,08 м
2) супесь темно-серая (первая ископаемая почва)	0,08—0,18 м
3) супесь пепельно-розовая	0,18—0,44 м
4) супесь бледно-желтая	0,44—0,84 м
5) супесь коричнево-бурая (вторая ископаемая почва)	0,84—1,10 м
6) супесь коричнево-желтая, слоистая	1,10—1,24 м
7) остатки морены	1,24 м

в глубже

Здесь находки, как и в раскопе III, делились на два культурных слоя. Остатки материальной культуры, состоящие из каменных орудий, начали встречаться на глубине 0,17 м и исчезли на глубине 0,45 м. Затем, после стерильной прослойки, появились опять на глубине 0,85 м и шли до глубины 1,20 м. Между материальной культурой этих слоев есть разница (об этом будет сказано ниже).

Верхний слой в этом раскопе довольно беден находками, которые распределяются по всему раскопу. Только в северо-западной части кв. 15 на глубине 0,40 м наблюдалось небольшое скопление кремневых отщепов и осколков и нескольких галек — отбойников или ретушеров.

Во втором слое (рис. 1, 3) было обнаружено четыре валуна (северо-восточный угол кв. 10). Они оказались на глубине от 0,90 до 1,05 м и имели различную форму и размеры. Самый большой был округлой формы и имел диаметр 0,16 м. На нем были следы работы в виде большого количества выбоин и царапин. Остальные валуны тоже носили следы использования. Возле валунов лежало около десятка кремневых галек, вероятно, приготовленных для раскалывания. На границе между квадратами 5 и 6, 7 и 8 находилось очень густое скопление кремневых отщепов и осколков. Оно началось на глубине 0,88 м и продолжалось до глубины 1,10 м. Скопление имело длину 2,80 м и ширину 1,15 м.

В северо-западном углу кв. 14 на глубине 1,10 м было найдено небольшое количество осколков и отщепов, лежавших здесь вместе с отбойником из массивной гальки.

Во всех остальных квадратах находки на втором слое распределялись равномерно.

Раскоп V расположен в 30 м к западу от раскопа I. Площадь его 24 кв. м (6 × 4).

Находки сосредоточивались в нижней части слоя 2 и в слое 3 в основном на глубине от 0,35 до 0,60 м.

Раскоп очень беден. Находки располагались на всей его площади. В южной части раскопа на глубине 0,50—0,53 м обнаружено небольшое скопление кремневых предметов темно-серого цвета, преимущественно отщепов, вероятно, из одного желвака.

Раскоп VI расположен между раскопами I и II. Площадь его 16 кв. м (4 × 4).

Находки сосредоточивались в слоях 2 и 3. Раскоп был беден. Можно отметить только небольшое бесформенное скопление кремня, обнаруженное на глубине 0,35 м.

Раскоп VII расположен на западном конце дюны. Площадь его 48 кв. м (6 × 8).

⁵ Стратиграфия раскопа III аналогична стратиграфии раскопа IV.

Находки сосредоточивались в слоях 2 и 3 на глубине 0,80—1,15 м. Раскоп очень беден. Юго-западная часть его почти не имела находок. Никаких бытовых деталей обнаружено не было.

Кроме этих раскопов, были поставлены восемь пробных шурфов размером 2 × 2 м. За исключением одного, расположенного в восточной части дюны, в 10 м к востоку от раскопа VI, они не дали материала.

Пять шурфов были поставлены между раскопами, один — в восточной части дюны, два — в 30 м к северу от раскопов. Таким образом удалось приблизительно очертить границы площади, оставшейся от памятника.

Памятник сильно разрушен. Поэтому остатки материальной культуры, полученные в результате раскопок 1959 г., весьма незначительны. Они подразделяются на два одновременных комплекса.

В верхнем культурном слое найдены кремневые орудия, 3 нуклеуса, ножевидные пластины без вторичной обработки; гораздо больше собрано отходов производства: отщепов, осколков, чешуек и т. д.

Материалом для изготовления орудий служил разноцветный валунный кремль (темно-серый, коричневый, темно-красный, светлый и т. д.).

Нуклеусы в верхнем слое массивные, бесформенные, со следами скалывания отщепов. Ножевидные пластины обычно длинные и довольно массивные (рис. 2, 1—3). Их немного: 13% от числа всех находок. Среди орудий преобладают скребки (43 скребка, или 84% от числа всех орудий). Все они изготовлены на отщепах или осколках (рис. 2, 6—9).

Скребки в основном двух типов — концевые (преобладают) и почти округлые. Скребки первого типа обычно имеют крутой рабочий край, более или менее выпуклый, оформленный крутой широкофасеточной ретушью. На немногих из них ретушь мелкая и узкая. Округлые скребки обычно изготовлены на массивных отщепах или осколках, часть которых представляет собой сколы с площадки нуклеуса. Ретушь, формирующая рабочий край у этих орудий, широкая и очень крутая, покрывающая половину, а иногда даже $\frac{2}{3}$ всего орудия. Около половины скребков верхнего слоя носят явные следы работы — заломы, выщербины и заполированность у лезвия. Длина этих орудий 2,4—5,9 см (в среднем 3,9 см), ширина 2—3,7 см (в среднем 2,8 см). Резцов найдено шесть. Все они относятся к типу угловых (рис. 2, 4, 5), изготовлены на массивных пластинках или пластинчатых отщепах. Резцовые сколы наносились преимущественно со спинки, реже — с брюшка. У одного орудия (рис. 2, 4) резцовый скол, по-видимому, был сделан дважды; скол, сделанный вторично, очевидно, с намерением подправить первый, короче его. Все резцы носят следы работы. Их длина 2,9—3,1 см, ширина 1,4—2 см.

Кроме указанных орудий, в верхнем слое обнаружена неправильная ножевидная пластина (рис. 2, 2) размером 6,1 × 1,3 см, с довольно изогнутым профилем и крутой затупляющей мелкой ретушью на одном из концов, который несколько скошен. Спинка пластинки несет следы нескольких сколов. На противоположном конце ее сохранилась часть валунной корки. Другая массивная ножевидная пластина (рис. 2, 3) имеет на одном из концов незначительную подретушевку, заостряющую этот конец. Таким образом, орудия верхнего слоя Копринской стоянки не очень характерны и дают мало оснований для датировки.

Нижний культурный слой встречен только в III и IV раскопах, т. е. в восточной части поселения. Он приурочен ко второй ископаемой почве. Находки залегают под ней и в ее нижней части.

Каменные орудия нижнего слоя изготовлены в основном из разноцветного валунного кремня, такого же, как и в верхнем слое. Кроме того, имеется несколько предметов из мелового кремня. В нижнем слое найден всего один нуклеус для ножевидных пластин, по форме приближающийся к конической. Он одноплощадочный. Площадка несколько

наклонна по отношению к вертикальной оси. Нуклеус несет негативы от сколотых мелких ножевидных пластинок (рис. 2, 14). На одной из его сторон сохранилась часть известковой корки. Длина нуклеуса 2,8 см, ширина площадки 1,1 см. Найдено 52 ножевидных пластинки (рис. 2, 10). Все они из разных сортов кремня, длиной в 1,8—4,8 см и шириной в 0,7—0,8 см.

На ножевидных пластинках сделано 62% орудий нижнего слоя (10 из 26). К числу таких орудий относится единственный наконечник стрелы (рис. 2, 32) из сильно патинизированного кремня. Его размеры: 3,8 × 1,4 см. Он обработан мелкой, довольно крутой ретушью со спинки. Ретушь нанесена с правой стороны пера и с противоположащей стороны черешка. Пластина, на которой было изготовлено орудие, обломана так, что с правой стороны черешка образовалась выемка. Ретушь на черешке, вероятно, послужила для придания наконечнику более правильной формы; однако он все же остался асимметричным. Подобные относительно примитивные наконечники имеются в ряде мезолитических стоянок Верхнего Поволжья.

В нижнем слое находились резцы двух типов: боковые и резцы на углу сломанной пластинки; кроме того, имеется серия микрорезцов. Большинство резцов и микрорезцов изготовлены на пластинках (8 из 12).

Резцы бокового типа, изготовленные на обломках ножевидных пластин (рис. 2, 24), имеют довольно длинные резцовые сколы на одном из углов пластинки и притупляющую ретушь на конце, примыкающем к резцовому сколу. Среди орудий этого типа необходимо выделить два экземпляра, изготовленных на массивных отщепах (рис. 2, 36, 37). Эти орудия имеют ближайшие аналогии в нижнем, геологически датированном эпохой верхнего палеолита слое стоянки Золоторучье I возле Углича. Резцы на углу сломанной пластинки имеют резцовые сколы на одном (рис. 2, 19, 21) или двух (рис. 2, 17, 23) углах пластинки. Нужно отметить также скребок-резец (рис. 2, 27), изготовленный на обломке пластины, у которого резцовый скол на одном из углов лежит на противоположном рабочему краю скребка конце. Скребок обработан крутой ретушью. В нижнем слое стоянки Коприно найдено несколько микрорезцов — пластинок или их сечений с микрорезцовыми сколами на углах (рис. 2, 16, 18, 22). Аналогичные орудия имеются в среднем слое поселения Елин Бор (раскопки производились автором в 1959 и 1961 гг.). Функцию, аналогичную резцам, выполняла, по-видимому, ножевидная пластинка, у которой на одном из углов ретушью с брюшка сформована неглубокая выемка, напоминающая по форме резцовый скол (рис. 2, 20). Длина резцов 1,2—6 см (в среднем 3,2 см), ширина 1—3,4 см (в среднем 1,7 см).

Скребки нижнего слоя делятся на два типа: концевые на пластинках, их сечениях и отщепах и округлые или полуокруглые на отщепах. Скребки первого типа (рис. 2, 26—28, 31, 33) имеют крутой, более или менее выпуклый рабочий край, сформованный ретушью с узкими фасетками. Иногда эти скребки бывают двойными (рис. 2, 28), а иногда ретушь, формирующая рабочий край, захватывает края пластинки (рис. 2, 33). Ко второму типу относятся небольшие скребочки, изготовленные на отщепах (рис. 2, 25, 29, 30, 34). Их крутой рабочий край обычно сформован мелкой ретушью с узкими фасетками. Ретушь захватывает иногда половину окружности отщепа, а иногда идет вокруг всего отщепа (рис. 2, 29). Среди скребков нужно отметить один, изготовленный на узком и длинном осколке, представляющий типичный верхнепалеолитический ладьевидный скребок (рис. 2, 35). Его узкий рабочий край сформован довольно крутой широкой ретушью, заходящей и на один из боковых краев орудия. Длина этих орудий 1,5—5,1 см (в среднем 2,8 см), ширина 1,9—2,6 см (в среднем 2,2 см).

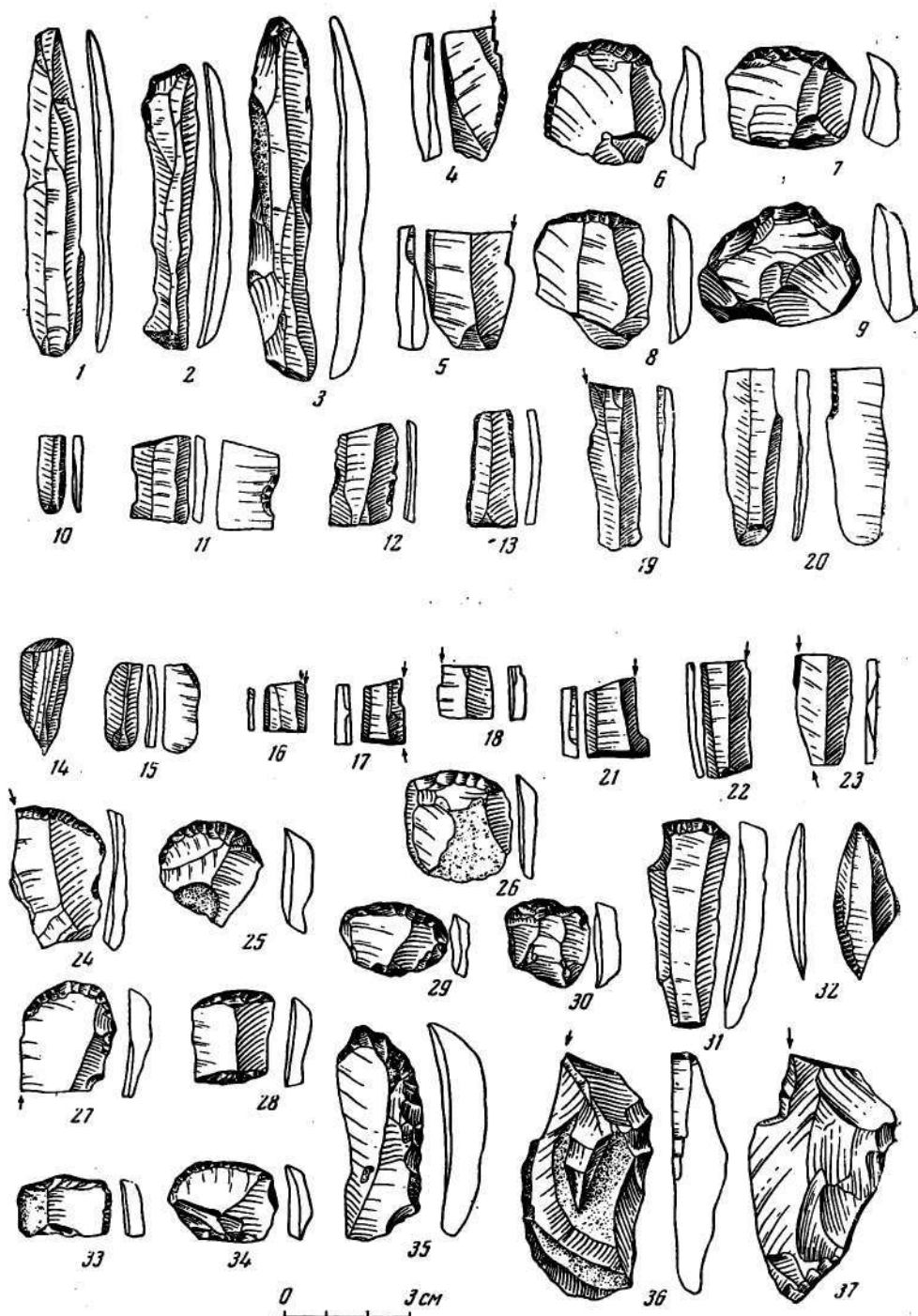

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Коприно

Необходимо отметить, кроме описанных предметов, 3 скобеля, сделанных на ножевидных пластинках (рис. 2, 11, 12, 15). Все они имеют выемки на краях, ретушированные мелкой крутой ретушью. Их длина 1,1—2,4 см, ширина 0,8—1,5 см.

Найдена также пластинка размером 2,7 × 4,2 см. Один боковой край пластинки целиком покрыт микроретушью. Второй край покрыт наполовину такой же ретушью, но заостряющей, а не притупляющей. Вероятно, эта пластинка служила вкладышем (рис. 2, 13).

П. Н. Третьяков в своих статьях⁶, говоря о своих работах на Копринской стоянке, считал ее поздненеолитической. Но он пишет только об одной погребенной почве. Эта (вероятно, верхняя) погребенная почва действительно, как указывает П. Н. Третьяков в первой из названных работ, залегает в западной части стоянки на довольно большой (до 0,80 см) глубине. К этой погребенной почве приурочен верхний культурный слой из наших раскопок. В раскопках 1959 г. здесь не было обнаружено керамики. Однако в то же время мы не можем оспаривать даты П. Н. Третьякова, так как его датировка этой погребенной почвы установлена анализом не только археологического, но и палеоботанического материала. Вполне вероятно, что верхний культурный слой относится к эпохе позднего неолита. Погребенная почва, под которой он залегает, по данным пыльцевого анализа, приведенным П. Н. Третьяковым, относится к атлантическому периоду.

Нижний слой, прослеженный нами только в восточной части стоянки, как в археологическом, так и в стратиграфическом отношении отличается от верхнего. Он залегает под второй погребенной почвой, в ее нижней части. Тот факт, что он был обнаружен не на всей площади поселения, нужно объяснить тем, что раскапывалась только периферия стоянки, большая часть которой разрушена. Этот культурный слой в своей сохранившейся части отделен от верхнего слоя четко выраженной стерильной прослойкой. Подстилает его тонкий слой песка, лежащий непосредственно на остатках морены⁷. По данным Г. Ф. Мирчинка⁸, время образования террасы, на которой располагается Копринская стоянка, относится к концу вюрмского оледенения. Таким образом, геологическое положение нижнего слоя может говорить в пользу его ранней, донеолитической датировки.

Нижний слой Копринского поселения и в археологическом отношении отличается от верхнего. Прежде всего, это наблюдается в характере заготовок для орудий. Если в верхнем слое это по преимуществу отщепы, то в нижнем — 62% орудий изготовлены на ножевидных пластинках. Есть разница и в соотношении таких групп орудий, как скребки и резцы: в верхнем слое больше скребков, а в нижнем — резцов. Это тоже говорит в пользу мезолитической даты. Наконец, наличие в этом слое таких ранних форм, как асимметричный наконечник стрелы на ножевидной пластинке с незначительной обработкой, ладьевидный скребок высокой формы, боковые резцы с подретушевкой у резцового скола, также говорит в пользу довольно ранней даты нижнего слоя. В комплексе есть микрорезцы, небольшие скребочки округлой формы; высокой степени достигает микролитизация. Принимая во внимание аналогичные ком-

⁶ П. И. Третьяков. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн, стр. 15—16. Он же. К вопросу об эпипалеолитических памятниках Верхнего Поволжья, стр. 101—105.

⁷ К сожалению, мы не имеем в своем распоряжении геологических данных о возрасте морены. Она прослеживается по правому берегу Волги на значительном протяжении вверх и вниз по течению от с. Коприно.

⁸ Г. Ф. Мирчинк. Четвертичная история долины Волги выше р. Мологи.— «Труды комиссии по изучению четвертичного периода», т. IV, вып. 2. М., 1935, стр. 15—17.

плексы Верхнего Поволжья, мы можем датировать его мезолитической эпохой.

Анализ типологического состава инвентаря нижнего слоя и техники обработки каменных орудий позволяет поместить его в эпоху развитого, но еще не позднего мезолита.

Наличие в Верхнем Поволжье ряда комплексов, аналогичных нижнему слою Копринской стоянки, позволяет поставить под сомнение утверждение А. Я. Брюсова в его совместной с Д. А. Крайновым статье о макролитическом характере северного мезолита⁹. По-видимому, в указанном районе имеются и кремневые комплексы с микролитовидным составом инвентаря, относящиеся также к мезолитической эпохе. Ссылка же Д. А. Крайнова и А. Я. Брюсова на нижний слой стоянки Золоторучье I не опровергает нашей точки зрения, так как этот слой геологически датируется эпохой верхнего палеолита¹⁰.

⁹ Д. А. Крайнов и А. Я. Брюсов. Проблема северного мезолита.— «Материалы совещания по изучению четвертичного периода», т. I, М., 1961, стр. 479—482.

¹⁰ Там же, стр. 481.

Г. Н. М а т ю ш и н

**СЛЕДЫ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ
НА НЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНКАХ ЮЖНОГО УРАЛА
И ЗАУРАЛЬЯ**

В довоенные годы было распространено мнение, что примесь микролитических изделий к инвентарю каменных орудий на стоянках Урала является типичной чертой неолитической культуры на этой территории¹. Однако в результате дальнейших исследований О. Н. Бадеру удалось установить, что микролитические материалы, встреченные в некоторых памятниках Прикамья (Н.-Адишево, Левшино), не связаны с неолитической и энеолитической керамикой этих поселений, а являются остатками более древних безкерамических стоянок эпохи мезолита².

В середине 50-х годов текущего столетия несколько памятников с микролитическим инвентарем было открыто и на Южном Урале. Некоторые исследователи отнесли микролитические находки к неолиту (Крижевская³), другие (Сальников⁴) — к эпохе раннего металла, третьей (Кипарисова⁵) — вообще обошли молчанием микролитические материалы как не характерные для инвентаря неолитических поселений (Чебаркуль I), на которых они были найдены.

В 1959—1962 гг. на территории Южного Урала автору удалось выявить более 80 памятников эпохи мезолита и неолита⁶. Ряд стоянок здесь был открыт А. П. Шокуровым и другими исследователями. Выявление большого количества поселений каменного века на Южном Урале и выделение О. Н. Бадером микролитического характера мезолита на территории Прикамья позволяют вернуться к вопросу о значении микролитического инвентаря в ранее исследованных памятниках.

Почти все выявленные в последние годы в башкирском Предуралье памятники с микролитическим инвентарем содержат микролитический комплекс находок без какой-либо примеси керамики и изделий из камня неолитического облика. Культурные остатки, встреченные на этих поселениях (Романовка II, III, Ильмурзино, Азопкино, Акбута и др.) представлены в основном ножевидными пластинами и изделиями из них. Среди микролитических материалов имеются наконечники стрел

¹ Н. А. Прокошев. К вопросу о неолитических стоянках Камского Приуралья.— МИА, 1940, № 1; А. В. Шмидт. Стоянка у станции Левшино.— СА, 1940, № 5.

² О. Н. Бадер. Стоянки Нижнеадишевская и Боровое озеро I на р. Чусовой.— МИА, 1951, № 22.

³ Л. Я. Крижевская. Стоянка Чебаркуль II эпохи неолита и раннего металла.— «Вопросы археологии Урала», вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 27—32.

⁴ К. В. Сальников. Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья.— КСИА, 1961, вып. 85.

⁵ Н. П. Кипарисова. Чебаркульская стоянка.— КСИИМК, 1955, вып. 59, стр. 54—60; Она же. О культурах лесного Зауралья.— СА, 1955, № 2, стр. 7—24.

⁶ Г. Н. Матюшин. Археологические исследования в окрестностях города Уфы.— «Вопросы археологии Урала», вып. 2. Свердловск, 1962; Он же. Новые неолитические памятники в Башкирии.— КСИА, вып. 92, 1963.

на ножевидных пластинах (рис. 1, 4—7, 13, 14), микрорезцы на углу и на середине сломанной пластинки (рис. 1, 10, 15, 17, 18, 26, 27, 30, 33, 34, 40, 42, 49), пластинки с выемками (рис. 1, 20, 23, 29, 31), концевые скребки (рис. 1, 28, 36, 37, 41, 45), остря (рис. 1, 16, 19), пластины со скошенным краем (рис. 1, 1—3, 11, 24, 25), удлинённые пластинчатые вкладыши с краевой ретушью и ретушированными концами (рис. 1, 35, 44), вкладыши (рис. 1, 8, 9, 12, 21, 32, 38, 39, 47, 48) и другие изделия, характерные для мезолитических памятников Восточной Европы, Средней Азии и Сибири. Обращает на себя внимание большое количество изделий с резцовыми сколами, пластин с выемками, пластин со скошенным и притупленным краем, наличие наконечников стрел на ножевидных пластинах и других изделий, типичных для мезолитических памятников. Характер большого количества пластин с выемками и преобладание орудий с резцовыми сколами на некоторых поселениях Урала могут найти аналогию в слоях 6—8 пещеры Джебел⁷. Следует отметить, что наконечники стрел предуральских стоянок имеют ранние формы, находящие аналогию в памятниках мазовшанского цикла Белоруссии и Польши и западной группы стоянок Волго-Камья. При этом инвентарь микролитического типа вместе с наконечниками стрел на памятниках башкирского Предуралья встречается в верхних горизонтах культурного слоя, что может служить основанием для выделения более раннего этапа. Для приуральских поселений с микролитическим инвентарем характерно также наличие пластинчатых вкладышей с обработкой. Они представляют собой удлинённые прямоугольные пластинки, один из длинных краёв которых притуплен, а другой покрыт тонкой пристраивающей ретушью. Притупляющей ретушью концы их срезаны под прямым углом. Такого рода вкладыши найдены при раскопках стоянки Елин Бор⁸ и других, более западных стоянок мезолита. Аналогичные пластинки встречены в слоях 6—8 пещеры Джебел⁹, стоянки Агиспе в Казахстане¹⁰ и других памятниках этого времени.

Таким образом, в Башкирии в стоянках с микролитическим инвентарем наблюдаются элементы как южного (микрорезцы, пластины с выемками), так и западного типа (наконечники стрел, пластинчатые вкладыши и др.).

Большое сходство микролитические стоянки Южного Урала имеют с памятниками мезолитического типа Прикамья, выделенными О. Н. Бадером. Это сходство прослеживается также в соотношении количества ножевидных пластин и отщепов. Как и в Прикамье, ножевидные пластины и изделия из них преобладают на Урале во всех поселениях с микролитическим инвентарем; в то же время количество ножевидных пластин резко падает в неолитических памятниках, где превалируют изделия с двухсторонней обработкой и отщепы. Ножевидные пластины во всех стоянках с микролитическим инвентарем составляют более 50% от общего числа пластин и отщепов, а в ряде памятников их доля превышает 80% инвентаря (например, Черкасово и Романовка II). В неолитических же памятниках Башкирии количество ножевидных пластин нигде не превышает 15—20% от общей суммы пластин и отщепов. Резкое преобладание ножевидных пластин в мезолите объясняется развитой вкладышевой техникой и имеет многочисленные аналогию в памятниках мезолита Восточной Европы и Средней Азии (например, пещера Джебел). Основную массу ножевидных пластин микролитических поселений составляют

⁷ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. — «Труды ЮТАКЭ», т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 154—193.

⁸ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. — КСИИМК, 1950, вып. XXXI, стр. 100, рис. 33, 7, 8.

⁹ А. П. Окладников. Указ. соч., рис. 104, 6; рис. 116, 5.

¹⁰ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. — КСИИМК, 1949, вып. XXV, рис. 15, 6—10.

небольшие пластинки (ширина их в большинстве случаев 7—8 мм при длине до 2 см). Эти преднамеренно поделенные прямоугольные пластинки, по всей вероятности, служили вкладышами; значительная их часть — типичные мезолитические вкладыши с краевой ретушью. В неолитических же памятниках Урала (с керамикой) подобные вкладыши, как правило, отсутствуют. В неолите изменяется не только количество, но и назначение пластин. Ножевидные пластины здесь становятся более широкими и длинными; они служат чаще всего ножами и реже скребками. Отщепы также меняют свой характер. Если в памятниках с микролитическим инвентарем отсутствуют крупные отщепы, преобладают бесформенные куски кремня, то в памятниках неолита значительную долю составляют крупные отщепы в 10—12 см высотой и 12—16 см шириной.

Таким образом, памятники бескерамические и с микролитическим инвентарем, обнаруженные в последние годы на территории Башкирии, по аналогии с мезолитическими памятниками Волго-Камья и нижними слоями пещеры Джебел можно отнести к мезолиту. Геологические исследования, проведенные в Башкирии В. Л. Яхимович на памятниках с микролитическим инвентарем, подтверждают этот типологический анализ. На основе геологических исследований¹¹ В. Л. Яхимович датирует мезолитические слои памятников Башкирии временем от XV тыс. до н. э. до VI тыс. до н. э. Имея между собой большое сходство, даже иногда идентичность в изделиях, памятники с микролитическим инвентарем башкирского Предуралья обладают и некоторыми особенностями, позволяющими предполагать хронологические различия между ними. Однако объем и основная цель настоящей статьи не позволяют остановиться на этом вопросе.

В результате последних исследований удалось установить, что для Южного Урала характерно господство микролитических изделий из ножевидных пластинок в мезолите и техники двухсторонней обработки камня в неолите.

Однако среди многих десятков мезолитических и неолитических памятников Южного Урала некоторые привлекают внимание смешанным составом находок как микролитического, так и неолитического типа. Это — стоянки Черкасовская в Свердловской обл., Усть-Юрюзанская в Башкирии, Чебаркуль I и II в Челябинской обл., поселение Боборыкино II в Курганской обл.

Н. П. Кипарисова, впервые встретившаяся с микролитическими материалами при раскопках стоянки Чебаркуль I, отметила, что обычно на неолитических стоянках Южного Урала «мелкий кремневый инвентарь очень беден. Исключение составляет Чебаркульская стоянка»¹². Однако, анализируя материалы этого памятника и дважды публикуя их, она исключила из описания микролитические находки, обратив все внимание только на типично неолитические изделия с двусторонней обработкой.

Л. Я. Крижевская, анализирувавшая подобные материалы из раскопок Усть-Юрюзанской неолитической мастерской, уделив им особое внимание, датировала их по керамике этого памятника серединой или второй половиной III тыс. до н. э.¹³ Аналогичные микролитические изделия, найденные при раскопках стоянки Чебаркуль II, она отнесла к началу III тыс. до н. э. по керамике этого поселения, аналогичной керамике памятников типа Стрелка¹⁴.

¹¹ В. Л. Яхимович. Кайнозой башкирского Предуралья, т. II, ч. 1. Уфа, 1953; Она же и др. Антропоген Южного Урала (в печати); Она же. [Выступление на III Уральском археологическом совещании в феврале 1962 г.]

¹² Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья, стр. 18.

¹³ Л. Я. Крижевская. Кремнеобрабатывающая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии.— МИА, 1960, № 79, стр. 278.

¹⁴ Л. Я. Крижевская. Стоянка Чебаркуль II...

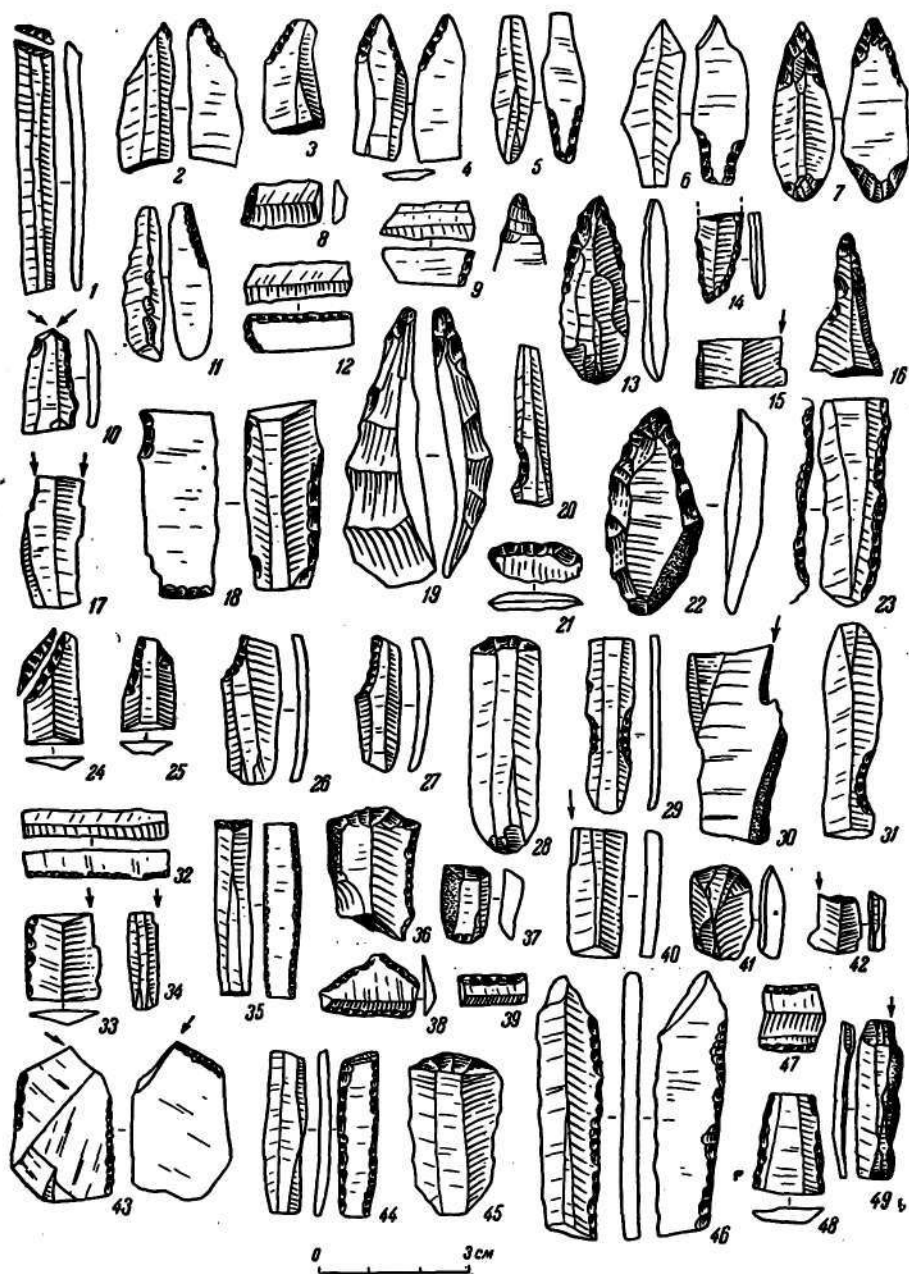

Рис. 1. Микролитические изделия стоянок предуральской и горной Башкирии
 1, 8, 10, 17, 19, 20, 25 — Романовка II; 2 — 5, 12 — 16, 18, 21, 22, 30, 41, 42, 48, 49 — Ильмуранно;
 6 — Старо-Канильково; 7, 9 — Старо-Мушта; 11 — Черкасово; 24—29, 32—37, 40, 43 — Азопкино;
 31 — Кара; 38, 39, 44—46 — Акбута.

Наиболее тщательные исследования провел К. В. Сальников при раскопках стоянки Боборыкино II. Ему удалось установить, что микролитические материалы не связаны с неолитической керамикой, но так как в раскопе с микролитическими находками была найдена керамика эпохи раннего металла, то К. В. Сальников отнес микролитические находки к эпохе ранней бронзы¹⁵.

Следует отметить, что стратиграфические наблюдения в Зауралье вообще очень сложны, так как четвертичные отложения здесь ничтожны. На большинстве памятников находки залегают в тонких слоях гумуса и суглинка, не превышающих, как правило, 0,5—0,7 м, и иногда прямо на поверхности палеозойских и более древних скальных пород, так как почвенный покров часто отсутствует. При таких условиях бывает невозможно стратиграфически отделить друг от друга остатки различных эпох. Такими многослойными поселениями, вероятнее всего, являются и все перечисленные выше стоянки со смешанным инвентарем.

Работы О. Н. Бадера о поселениях с микролитическим инвентарем Прикамья показали необходимость тщательного и всестороннего исследования памятников со смешанным инвентарем. Иногда возникает и ряд дополнительных трудностей, усугубляющих сложность расчленения смешанного инвентаря. Так, стратиграфические наблюдения на стоянке Чебаркуль I были осложнены еще и тем обстоятельством, что значительная часть памятника была разрушена ямой, из которой местное население брало чернозем для огородов.

Для выяснения стратиграфии памятника большего внимания заслуживают материалы первых раскопок (1952 г.), так как площадь памятника была тогда менее разрушена.

Таблица

Находки, найденные на стоянке Чебаркуль I

Условия находки	Ножевидные пластинки и изделия из них	Отщепы и орудия с двусторонней обработкой	Керамика
Подъемный материал	1	3	11
Выброс из ямы	55	127	117
Зачистка остатков культурного слоя на дне ямы	73	75	118
В раскопе			
верхний горизонт	2	8	60
средний горизонт	23	36	31
нижний горизонт	15	15	20
В шурфах на окраине стоянки	5	5	1
	174	269	358

Всего в 1952 г. на стоянке Чебаркуль I было найдено 269 отщепов и изделий из них, 174 ножевидных пластинки и изделий из них и 358 фрагментов керамики, не считая очень мелких, не дающих представления об орнаментации. Распределение находок показано на таблице¹⁶.

Из этих данных видно, что около половины отщепов и изделий из них найдены в выбросе из ямы; ножевидных пластин и изделий из них найдено здесь значительно меньше (31%). Учитывая, что при разруше-

¹⁵ К. В. Сальников. Указ. соч.

¹⁶ Н. П. Кипарисова при раскопках подразделяла материал на условные горизонты по глубине залегания в культурном слое (по 12—15 см по вертикали).

нии памятника в основном были сняты верхние горизонты, легко можно понять, что отщепы и изделия из них были сосредоточены именно в верхних горизонтах памятника, т. е. в гумусе. Безусловно, значительная часть материалов верхнего слоя была унесена вместе с черноземом. Не удивительно поэтому, что на огородах в ближайших поселках и на клумбах в санаториях часто встречаются изделия с двухсторонней обработкой и неолитическая керамика. Значительная часть изделий верхнего слоя могла остаться в яме и перемешаться там с материалами нижнего культурного слоя. Поэтому не случайно, что в яме при зачистке ее дна найдены керамика и изделия неолитического типа. И все же, несмотря на то, что чернозем снимался далеко не полностью и часть верхнего культурного слоя оставалась в яме, здесь обнаружено всего лишь около 26% от общего количества отщепов и изделий из них, тогда как почти половина (41,7%) ножевидных пластин и изделий из них выявлена при зачистке остатков культурного слоя на дне ямы. Так как дно ямы совпадает с нижним горизонтом раскопа, вполне возможно объединение материалов, собранных при зачистке ямы, с материалами нижнего горизонта раскопа. При этом получается, что в нижнем горизонте и при зачистке ямы найдено 33,2% отщепов и изделий неолитического типа и 53,8% всего количества ножевидных пластин и изделий из них. Следовательно, в верхних горизонтах памятника, в гумусе, концентрировались изделия неолитического типа, в нижних — в глине — изделия микролитического типа. Значительная часть керамики также найдена в выбросе из ямы. 54% всей керамики из раскопа было сосредоточено в верхнем горизонте, 28% — в среднем и только 18% (или всего 20 фрагментов) — в нижнем. Таким образом, при рассмотрении материалов раскопок 1952 г. хорошо заметно, что в верхних горизонтах памятника в гумусе концентрируются изделия из отщепов, орудия с двухсторонней обработкой и керамика, а в нижнем — в глине — сосредоточены микролитические материалы с очень небольшим количеством, очевидно, случайно попавшей туда керамики.

В 1953 г. при раскопках памятника обнаружено 1570 изделий из камня и 1530 фрагментов керамики. Среди кремневых изделий найдены:

нуклеусы и ножевидные пластины — 458

орудия из ножевидных пластин — 83

отщепы — 685,

осколки кремня — 102.

Всего отщепов и осколков — 787

орудия из отщепов и с двухсторонней обработкой — 159

шлифованные орудия и их обломки — 43

плитки с обработкой и без обработки — 25

орудия из талька, гранита и других пород камня — 15

Всего в 1953 г. при раскопках стоянки Чебаркуль I было обнаружено 468 ножевидных пластинок и изделий из них и 1039 отщепов и орудий с двусторонней обработкой.

По ширине ножевидные пластины, исключая орудия из них, распределяются следующим образом:

	Менее 5 мм	От 0,5 до 1 см	От 1,0 до 1,5 см	От 1,5 до 2,3 см	Всего
Без обработки . . .	4	164	110	36	314
С обработкой . . .	—	31	35	5	71
Итого . . .	4	195	145	41	385

Всего ножевидных пластин с обработкой и орудий из них найдено 154, или 33% всего числа ножевидных пластин. Обращает на себя внимание также преобладание пластинок небольших размеров. 344 из 385 ножевидных пластин имеют ширину до 1,5 см. Значительную часть изделий из ножевидных пластин представляют различного рода вкладыши с обработкой, среди них и характерные для мезолитических памятников Южного Урала пластинчатые вкладыши с ретушированными краями и притупленным концом (рис. 2, 9, 12, 15, 16), пластины с выемками (рис. 2, 17—22), пластины со скошенным краем (рис. 2, 8, 10, 23), микроскребки (рис. 2, 18), острия, сделанные на ножевидных пластинках (рис. 2, 4, 11), резцы на углу сломанной пластинки (рис. 2, 14, 7), пластины с ретушью и другие изделия. Все они находят полную аналогию в инвентаре мезолитических памятников Башкирии (рис. 1). Особенно близки некоторые пластинки со скошенным краем (рис. 1, 24, 25; 2, 10, 23), пластинчатые вкладыши (рис. 1, 44, 35; 2, 9, 12, 15, 16), пластины с выемками, микрорезцы (рис. 1, 30, 33; 2, 7, 14) и многие другие изделия. Некоторым своеобразием микролитического инвентаря стоянки Чебаркуль I является наличие трапеций (рис. 2, 1—3, 5) и выемка в основании некоторых пластин со скошенным краем. Одна из трапеций найдена на стоянке Сайма I (рис. 2, 6). Аналогичные трапеции встречаются в слое 6 пещеры Джебел¹⁷.

Все изделия микролитического типа найдены только в нижних горизонтах памятника и при зачистке глины в яме. Таким образом, в раскопах 1953 г. микролитический комплекс отделяется от неолитического не только типологически, но и стратиграфически. Даже скребки из ножевидных пластин, которые встречаются и в неолите, концентрируются в нижнем горизонте раскопа, а скребки на отщепках — в верхних. Все это позволяет сделать вывод, что микролитически находки на стоянке Чебаркуль I являются остатками более древнего поселения, чем орудия с двухсторонней обработкой и керамика.

Различаются и породы кремня у микролитических и неолитических орудий. Если для микролитических изделий использовался в основном черный высококачественный кремень и красно-зеленая яшма, импортировавшиеся из башкирского Зауралья, то значительное число неолитических орудий сделано из гранита, сланца, талька, хрусталя, залежи которых встречаются на берегах озер Челябинской обл.

Помимо значительного количества шлифованных изделий, среди двусторонне обработанных орудий встречаются типичные для всех неолитических памятников Урала наконечники стрел и копий листовидной формы (рис. 3, 1—7, 10), топоры и долота (рис. 3, 8, 14), ножи и скребки из крупных пластин и отщепов (рис. 3, 9, 11—13, 15—20) и другие типично неолитические орудия. Обращает на себя внимание характерный для горбуновской культуры «утюжок».

Большинство керамики, найденной на памятнике, является неолитической; к эпохе бронзы можно отнести только 6 фрагментов, а к эпохе железа всего 2. Значительная часть неолитической керамики представляет собой широко известные в лесном Зауралье полуяцевидные сосуды с гребенчато-волнистым орнаментом, с горизонтальными зонами прочерченных «гребенкой» волн, взаимопроникающих треугольников, с рядами «шагающей гребенки» и т. д. (рис. 4, 1—3, 13). Глина, из которой они изготовлены, имеет примесь талька, реже толченой слюды, песка и т. д. Такие же сосуды встречаются и на Абселямовской (рис. 4, 4—6, 9), Иткуль I, II, IV, Черкаскуль I (рис. 4, 7, 8) и других неолитических стоянках Зауралья. По форме сосудов, составу теста и орнаменту подобная керамика чрезвычайно близка к сосудам неолитических стоянок ран-

¹⁷ А. П. Окладников. Указ. соч., рис. 105, 1—3.

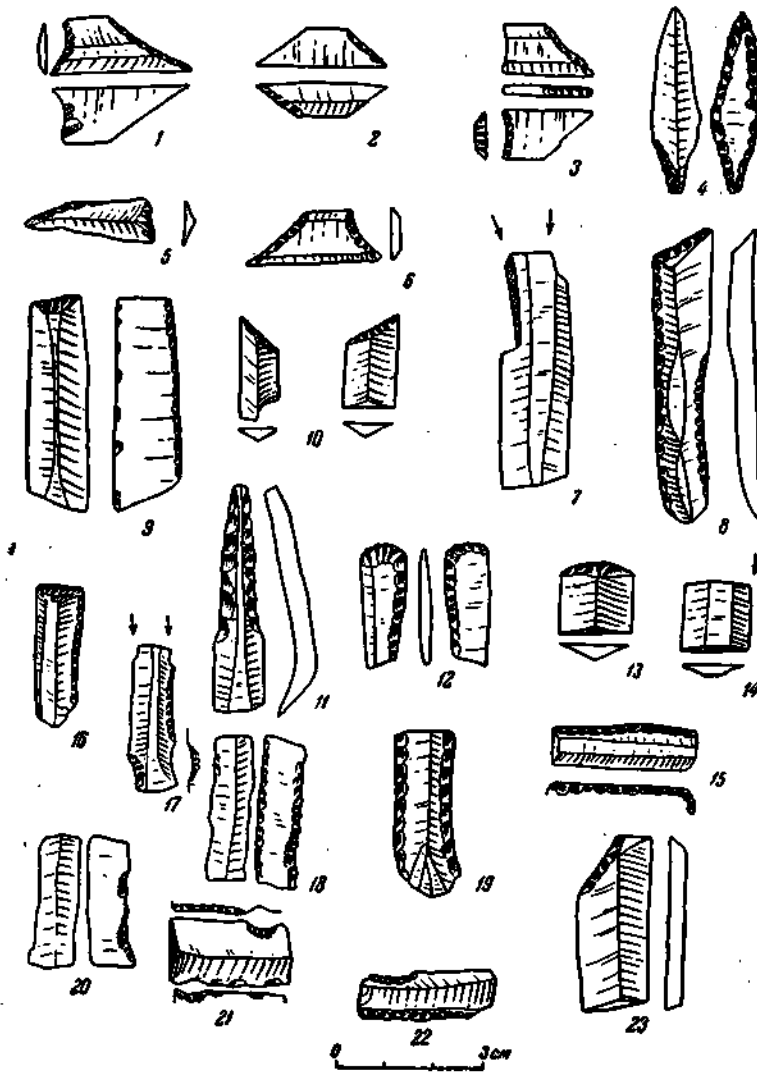

Рис. 2. Микролитические изделия стоянки Чебаркуль I

него этапа горбуновской культуры. Аналогичная керамика встречается на стоянках Стрелка, Полуденка I, в нижнем слое б разреза Горбуновского торфяника¹⁸ и других стоянках. По аналогии с ними неолитический слой стоянки Чебаркуль I может быть датирован серединой III — началом II тыс. до н. э. Следует отметить, что для неолитических памятников Среднего Урала не характерно наличие большого количества кремневых изделий, микролитические же изделия в них совсем отсутствуют. Отсутствуют микролитические изделия, как правило, и на стоянках неолитического времени на Южном Урале. Особенно хорошо это можно проследить на примере неолитических памятников Челябинской обл., где Н. П. Кипарисовой и другими выявлено более пятнадцати стоянок, помимо Чебаркульской I. Из них, исключая оз. Чебаркуль, только на одной найдено микролитическое изделие. Это — трапеция на

¹⁸ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. — «Труды ГИМ», 1956, стр. 726.

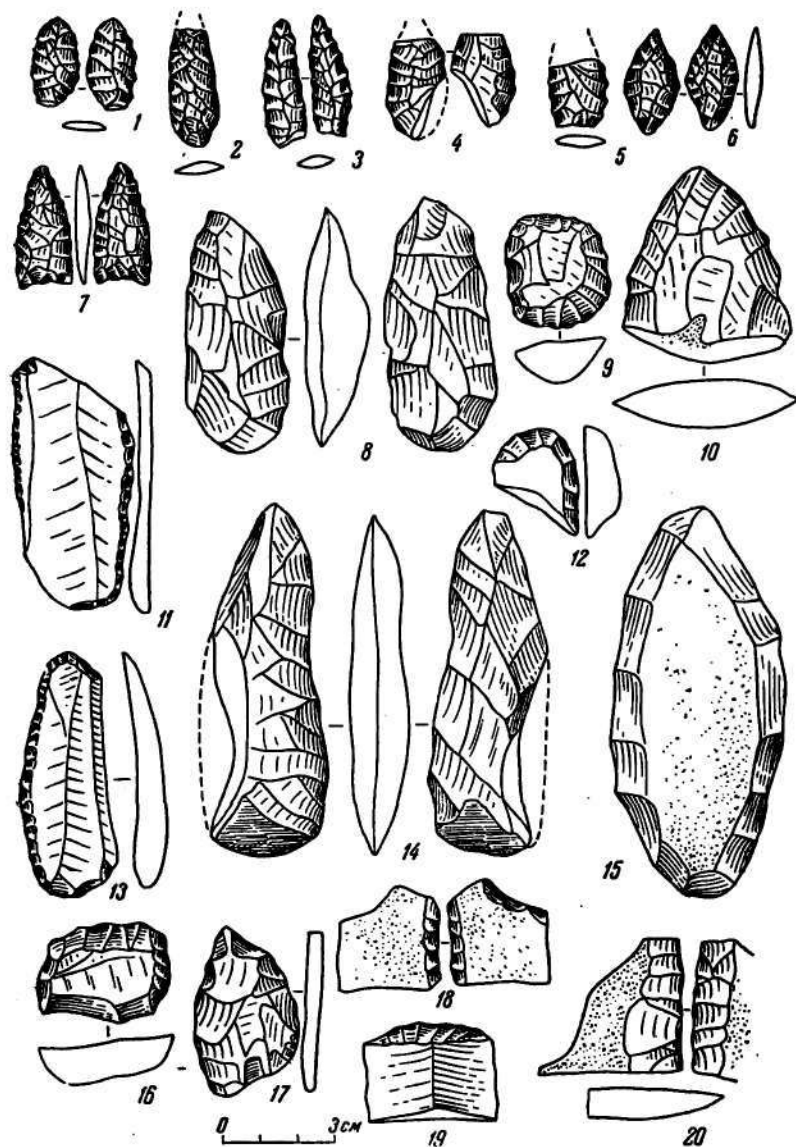

Рис. 3. Кремневые орудия неолитических памятников Челябинской обл.
 1, 2, 8, 10, 11, 13, 14, 19 — Чебаркуль I; 3—5, 9, 20 — Абселямовская стоянка;
 6, 12, 15, 18 — Иткуль II; 7 — Сайма III; 17 — Иткуль I

стоянке Сайма I (рис. 2, б). Причем эта стоянка не подвергалась раскопкам, и вполне вероятно, что в процессе дальнейших исследований этот памятник окажется микролитическим.

Все же остальные памятники содержат аналогичную чебаркульской керамику и не имеют никаких микролитических материалов (рис. 4).

Выявление значительного числа памятников с чисто микролитическим инвентарем на западном склоне и в горных районах Южного Урала, стратиграфическая расчленяемость кремневого инвентаря Чебаркульской стоянки на два горизонта (нижний — микролитический и верхний — неолитический), отсутствие микролитических материалов в других неолитических стоянках Челябинской обл. с такой же керамикой, что и в

Чебаркуле I, позволяет нам отнести микролитический комплекс находок стоянки Чебаркуль I к более раннему времени, чем керамика и орудия неолитического типа этого памятника. Большое сходство этих микролитических материалов с инвентарем мезолитических стоянок Южного Урала типа Романовка — Ильмурзино — Азопкино и материалами нижних слоев пещеры Джебел позволяет нам датировать этот комплекс находок мезолитическим временем.

Отсутствие связи между микролитическими комплексами находок и неолитической керамикой подтверждается исследованиями К. В. Сальникова, проведенными им при раскопках стоянки Боборыкино II¹⁹. В 1957—1958 гг. на этом памятнике было заложено пять раскопов. Основная масса неолитических материалов найдена в первых четырех раскопах (например в раскопе III обнаружено 296 фрагментов неолитической керамики, в раскопе IV — 356 и т. д.). Здесь же встречена и основная масса кремневых изделий с двухсторонней обработкой, шлифованные орудия и т. п. Число изделий из камня в неолитических комплексах также невелико. Так, в раскопе III найдено всего 20 изделий из камня, в раскопе IV — 93. Резко отличается по составу материал из V раскопа. Здесь слабо представлена керамика неолитического времени (обнаружено всего 47 фрагментов), зато имеется богатый кремневый инвентарь. Изделий из камня здесь 457. Большинство находок (197 кремневых изделий) выявлено при зачистке пола землянки № 3. Помимо кремневого инвентаря здесь найдено 3 фрагмента андроновской керамики, 48 боборыкинских типа и всего 1 неолитический черепок.

К. В. Сальников сделал совершенно правильный вывод, что кремневый инвентарь раскопа V не является неолитическим. Этот вывод подтверждает рассмотрение состава находок раскопа V.

Здесь найдено 11 пластин со скошенным и притупленным краем, 34 резца на углу сломанной ножевидной пластинки, 16 резцов на отщепках и ребристых пластинках, 3 резца на нуклеусах, 21 ножевидная пластинка с выемкой, 13 концевых скребков, 5 экземпляров острий, 13 пластинок с обработкой (вкладыши), 124 ножевидные пластинки без обработки, 12 краевых сколов и ребристых пластин, 52 нуклеуса и скола с них и пр. Всего обнаружено 311 находок.

Кроме того, найдено 28 скребков на отщепках и 118 отщепов. Таким образом, здесь преобладают изделия микролитического типа (более 68% инвентаря). По своему характеру микролитический инвентарь стоянки Боборыкино II имеет большое сходство с материалами мезолитических памятников горной и предуральской Башкирии и микролитическим комплексом находок со стоянки Чебаркуль I. Убедительно доказав, что микролитические изделия стоянки Боборыкино II не имеют прямой связи с неолитической керамикой этого памятника и не могут быть отнесены к неолиту, К. В. Сальников высказал предположение о принадлежности микролитического инвентаря к найденной в землянке № 3 керамике раннебронзового времени, названной им боборыкинской. В то время, когда производились раскопки стоянки Боборыкино II, еще не были известны мезолитические памятники на Южном Урале, и поэтому предположение К. В. Сальникова в то время было вполне естественным. Однако сейчас, когда выявлен целый ряд таких памятников и определены особенности мезолита Южного Урала, вряд ли можно согласиться с отнесением богатого микролитического комплекса стоянки Боборыкино II к эпохе ранней бронзы. Следует отметить, что и среди позднекельтеминарских памятников, на которые ссылается К. В. Сальников, не найдено ни одного неразрушенного²⁰.

¹⁹ К. В. Сальников. Указ. соч.

²⁰ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. — СЭ, 1957, № 1, стр. 30.

Вероятно, в Боборыкине II имеет место смешение материалов двух разновременных поселений: землянка эпохи бронзы перерезала мезолитический культурный слой. Такое смешение легко объяснимо еще и потому, что значительная часть памятника расположена на песчаных дюнах, где особенно часто смешиваются разновременные материалы. Еще одно обстоятельство убеждает нас в том, что микролитические материалы не могут быть связаны с боборыкинской культурой раннего металла, а именно — керамика энеолитического типа найдена при раскопках неолитических стоянок Черкаскуль I, Абселямовская, Иткуль I, II, IV, Сайма II и др. (рис. 4, 10—12). Однако микролитические изделия на этих памятниках, как уже отмечалось, не были обнаружены.

В Предуралье микролитические изделия также были встречены на двух поселениях — Черкасовском и Усть-Юрюзанском. Оба памятника Л. Я. Крижевская отнесла к эпохе позднего неолита²¹. Однако микролитические материалы на обоих памятниках могут быть отделены от неолитических топографически. Так, на Черкасовской стоянке единичные орудия неолитического типа были найдены только в подъемном материале. К собственно неолитическим находкам этого памятника может быть отнесено только одно тесло, найденное в котловане современной землянки. При раскопках автора в 1958 г.²² на Черкасовской стоянке был выявлен слой с микролитическими находками, в котором отсутствовали какие-либо орудия неолитического типа и керамика. Таким образом, слой с неолитическими находками на памятнике отсутствовал. Единичные предметы неолитического типа, найденные на поверхности памятника, являются либо остатками полностью разрушенного неолитического поселения, либо занесены с других памятников. При всех обстоятельствах случайная находка одного неолитического орудия на поверхности вблизи мезолитического поселения вряд ли может служить основанием для отнесения всего памятника к эпохе неолита при наличии слоя с ясно выраженным микролитическим инвентарем.

Второй памятник — Усть-Юрюзанское поселение — расположен в 1 км выше устья реки Юрюзань. Площадь памятника представляет собой длинную, узкую, вытянутую с севера на юг вдоль реки Уфы террасу шириной 6—8 м, длиной около 200 м. При раскопках памятника найдено 20 495 изделий из кремня и 40 обломков неолитической керамики. Основная масса кремневых изделий была найдена на северной части террасы, тогда как большая часть микролитических изделий, в том числе наконечники стрел на ножевидных пластинах, обнаружена на южной оконечности террасы. Концентрация микролитических изделий в одном конце раскопа, а неолитических — в другом может служить основанием для расчленения микролитического и неолитического инвентаря памятника. Следует отметить, что общий облик микролитических изделий Усть-Юрюзанской стоянки производит впечатление более позднего по времени, чем инвентарь мезолитических стоянок Башкирии. Здесь найдено небольшое количество резцов, почти отсутствуют пластины с выемками и со скошенным краем, нет пластинчатых вкладышей и других изделий, характерных для памятников с чистым микролитическим инвентарем Южного Урала (типа Романовка — Ильмурино — Азопкино). Вместе с тем на Усть-Юрюзанском поселении найдены наконечники стрел с боковой выемкой так называемого кельтеминарского типа. Несмотря на более поздний характер инвентаря вряд ли правильно относить микролитические находки стоянки к эпохе позднего неолита, т. е. синхронизировать их с неолитическим инвентарем памятника. Вероятнее

²¹ Л. Я. Крижевская. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии. — СА, 1962, № 2.

²² Г. Н. М а т ю ш и н. Памятники каменного века на территории БАССР. — «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959.

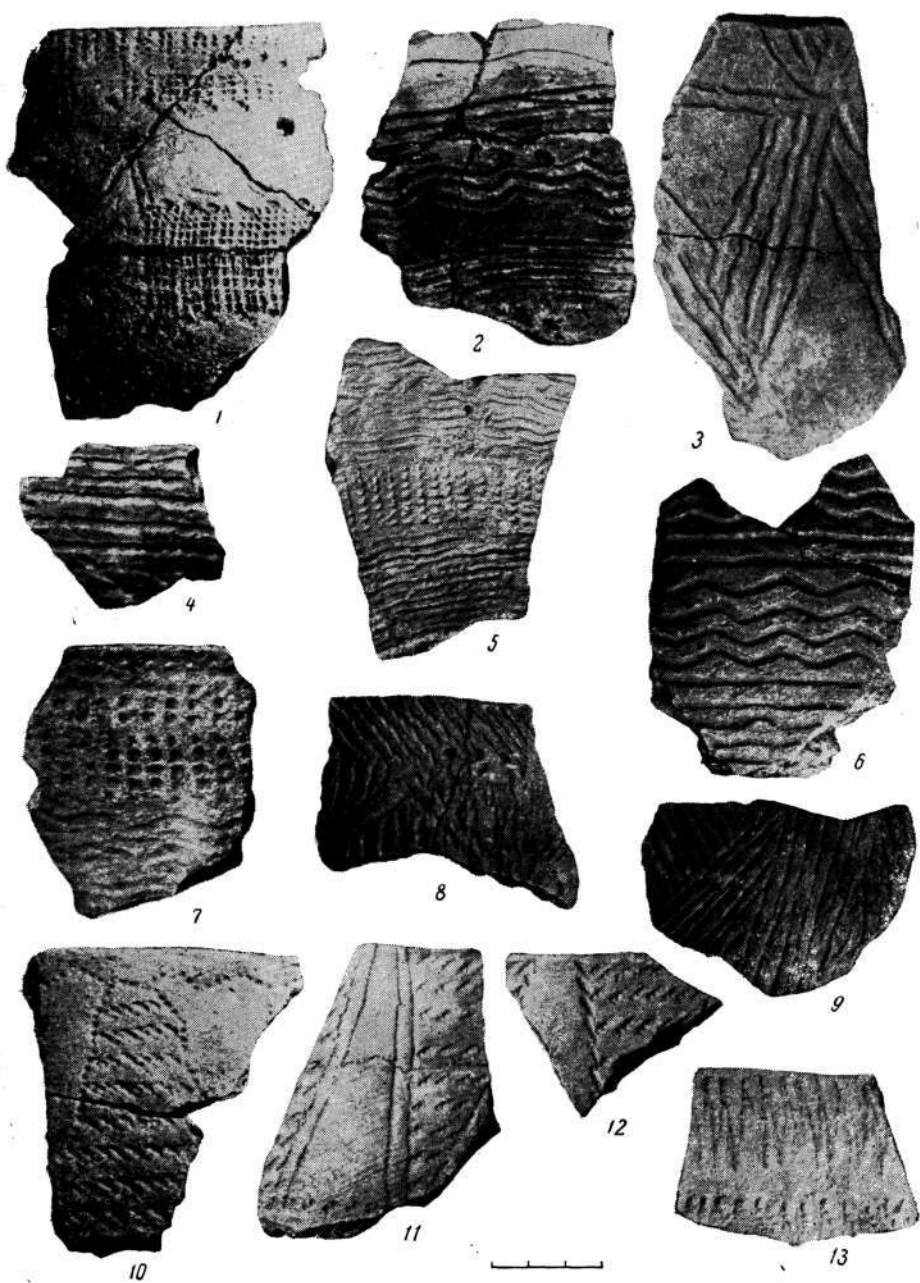

Рис. 4. Керамика неолитических поселений Челябинской обл.
 1-3, 13 — Чебаркуль I; 4-6, 9-10 — Абселямовская; 7 — Черкаскульская I;
 8 — Сайма III; 11-12 — Иткуль I

всего, здесь мы наблюдаем также случай смешения разновременных материалов, тем более, что в других неолитических стоянках Предуралья (Сузовские стоянки, Айдос и др.) микролитический кремь отсутствует.

Очевидно, микролитические материалы стоянки Чебаркуль II, близкие по своему характеру к подобным материалам Усть-Юрюзанского поселения, также не связаны с неолитическим комплексом находок и являются остатками более древнего памятника.

Таким образом, можно сделать следующие выводы относительно инвентаря некоторых памятников Южного Урала.

1. В последние годы на Южном Урале было выявлено несколько мезолитических памятников с микролитическим инвентарем. В эти же годы здесь было открыто несколько десятков неолитических поселений, для инвентаря которых характерно господство изделий из камня с двухсторонней обработкой и наличие большого количества отщепов.

2. На нескольких памятниках Южного Урала встречены микролитические материалы в сочетании либо с неолитическими (Чебаркуль I, II, Усть-Юрюзань), либо с энеолитическими (Боборькино II) материалами.

3. Условия залегания микролитических материалов в стоянке Чебаркуль I и отсутствие микролитических находок в инвентаре других неолитических стоянок Зауралья, где найдена керамика чебаркульского типа, а также отсутствие связи микролитических материалов с неолитической керамикой на стоянке Боборькино II позволяют сделать вывод, что микролитические изделия стоянок Чебаркуль I, Боборькино II и некоторых других не связаны с неолитическим слоем и не могут быть отнесены к неолиту. На стоянках Черкасово и Усть-Юрюзанская микролитические материалы обособляются от неолитических и топографически.

4. Отсутствие микролитических материалов в инвентаре большинства энеолитических памятников не позволяет отнести их и к энеолиту.

5. Близость микролитического инвентаря указанных стоянок к инвентарю мезолитических памятников Южного Урала (Ильмурзино — Романовка — Азопкино), а также к мезолитическим комплексам Джебела позволяет предположить, что микролитические материалы памятников со смешанным инвентарем (Чебаркуль I, Боборькино II, Черкасово и др.) могут быть отнесены к эпохе мезолита.

И. И. Артеменко

**НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ И КУРГАНЫ
ЭПОХИ БРОНЗЫ
БЛИЗ с. ХОДОСОВИЧИ ГОМЕЛЬСКОЙ обл. БССР**

I

В результате разведок, произведенных в 1924—1932 гг. на территории Верхнего Поднепровья, было зафиксировано большое число пунктов с находками керамики и каменных орудий эпохи неолита и бронзы. Для изучения этих памятников в 1956 г. Институтом археологии АН СССР был организован Белорусский отряд¹.

За прошедшие семь лет Белорусский отряд обследовал большое число поселений эпохи неолита и бронзы² и произвел археологические раскопки 8 неолитических стоянок, 5 поселений³ и 18 курганов эпохи бронзы на территории Могилевской и Гомельской областей Белорусской ССР.

В 1959—1962 гг. Белорусский отряд совместно с Гомельским областным краеведческим музеем производил археологические исследования памятников эпохи неолита и бронзы близ с. Ходосовичи Рогачевского р-на Гомельской обл.

Левый берег Днепра в окрестностях с. Ходосовичи в археологическом отношении представляет значительный интерес. Широкая пойма и цепь небольших озер вдоль боровой террасы с древних времен привлекали внимание человека. Неолитические стоянки обнаружены отрядом в пойме Днепра (уроч. Палик) и по краю боровой террасы (в уроч. Мошка, у оз. Хоршово, оз. Каменное, оз. Дедное). В 1959 г. произведены раскопки на неолитических стоянках у оз. Хоршово и в уроч. Палик. На неолитических стоянках в уроч. Мошка, уроч. Палик и у оз. Дедное были насыпаны курганы в эпоху бронзы. В этом районе, кроме неолитических стоянок, зафиксировано несколько курганных групп и отдельных курганов, насчитывающих 113 насыпей. Один курган расположен в пойме Днепра (в уроч. Палик)⁴, остальные курганы расположены по краю надпойменной террасы на протяжении 4 км.

Первая группа курганов (Ходосовичи I) находится в уроч. Мошка, она насчитывает 35 насыпей. В 1959—1962 гг. раскопано 17 курганов. Вторая группа (Ходосовичи II), расположенная в 100 м к северу от первой, состоит из 12 насыпей. В 1959 г. здесь раскопано 3 кургана.

¹ Начальник отряда И. И. Артеменко. В работе отряда в разные годы принимали участие А. В. Артеменко, М. З. Агеев, И. М. Тюрина, Т. Н. Гайкивельдер, Л. А. Каликин, Н. А. Медведева и ученики средней школы пос. Никольского Балашихинского р-на Московской обл.

² И. И. Артеменко. Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья.— КСИИМК, 1960, вып. 78.

³ И. И. Артеменко. Поселения среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья.— КСИА, 1962, вып. 88.

⁴ Раскопан в 1960 г.

Третья группа (Ходосовичи III) расположена в 300 м к северо-востоку от второй группы, у оз. Хоршово. Она насчитывает 52 насыпи. В 1959 г. раскопано 2 кургана и в 1962 г.—1 курган. Все курганы второй и третьей групп насыпаны над славянскими погребениями XI—XII вв.

В 1 км к югу от первой курганной группы, у оз. Каменное, расположено 6 курганов. Раскопки их не производились.

В 1,5 км к югу от оз. Каменное, в уроч. Сергеева Грива, расположено 5 курганов. В 1962 г. раскопано 3 кургана, насыпанные над погребениями эпохи бронзы. Еще южнее, у оз. Дедное, расположено 2 кургана эпохи бронзы, раскопанные отрядом в 1961 г.

Таким образом, в 1959—1962 гг. близ с. Ходосовичи произведены раскопки двух неолитических стоянок и 29 курганов, содержащих 64 погребения; из них — 41 погребение эпохи бронзы и 23 славянских погребения XI—XII вв.

Ниже публикуются результаты раскопок (1959—1962 гг.) неолитических стоянок и курганов эпохи бронзы близ с. Ходосовичи. Эти новые археологические памятники имеют большое значение для древней истории Верхнего Поднепровья.

II

1. СТОЯНКА И КУРГАНЫ В УРОЧ. МОШКА

В 4 км к юго-западу от с. Ходосовичи, в местности, известной среди местных жителей под названием Мошка, расположено 35 курганов. Впервые эти курганы обнаружил Ю. В. Кухаренко в 1951 г. Тогда он высказал предположение, что среди курганов, расположенных у края бортовой террасы, есть несколько насыпей, относящихся к эпохе бронзы⁵. В 1959—1962 гг. в уроч. Мошка Белорусский отряд раскопал 17 курганов⁶; из них 12 курганов относятся к эпохе бронзы и 5 курганов славянских. В 1962 г. раскопки курганов эпохи бронзы в уроч. Мошка закончены и, таким образом, на территории Белоруссии полностью исследован первый курганный могильник эпохи бронзы. Оставшиеся неисследованными 18 курганов насыпаны над погребениями XI—XII вв.

Курганы эпохи бронзы расположены по краю надпойменной террасы. Они отличаются от славянских курганов большими размерами. Если насыпь славянских курганов, как правило, не превышает 1 м высоты, а диаметр их составляет 8—10 м, то курганы эпохи бронзы (за исключением курганов 1 и 2) имеют высоту от 1 до 2 и более метров, а диаметр — 10—20 м. Курганы раскапывали на снос концентрическими кругами шириной 2—3 м, оставляя крестообразно расположенные по сторонам света бровки. Небольшие курганы (до 10 м в диаметре) копали одновременно по всей площади, оставляя бровки.

Курган 1

Небольшая насыпь представляет собой возвышенность округлой формы, сильно расплывшуюся. Диаметр насыпи 10 м, высота 0,45 м. Курган насыпан на площади неолитической стоянки. В насыпи кургана и в сохранившемся под насыпью культурном слое неолитической стоянки толщиной 0,3 м обнаружены 24 кремневых орудия, 62 отщепы кремня, а также 170 фрагментов керамики эпохи неолита и бронзы.

Среди кремневых орудий имеется 2 треугольных наконечника стре-

⁵ Выражаю Ю. В. Кухаренко благодарность за ценные сведения о курганах близ с. Ходосовичи.

⁶ В 1959 г. раскопаны курганы 1—6, в 1960 г.— курган 10, в 1961 г.— курган 11, в 1962 г.— курганы 8, 9, 12—18.

лы с ровным основанием и с выемкой в основании, 2 ножевидных пластинки и 5 обломков ножей на тонких пластинах, обработанных со стороны спинки мелкой отжимной ретушью, 8 скребков на отщепах, 3 скребла на массивных отщепах и кусках кремня, 1 ретушер, 1 обломок (верхняя часть) клиновидного топора и 1 миниатюрный клиновидный топорик.

В кургане обнаружено только одно погребение; оно находилось в центре кургана на глубине 0,9 м от его вершины. Погребение было совершено в яме овальной формы, ориентированной по длине с юго-востока на северо-запад, длиной 2,1 м, шириной 1,1 м и глубиной 1 м (от вершины кургана 1,9 м). Книзу яма суживалась до размера 1,8 × 0,8 м. На дне ямы прослеживалась подсыпка золы. Костяк не сохранился. В могиле найден только один глиняный лепной сосуд. Он стоял у северо-западной стенки ямы. Сосуд колоколовидной формы с угловатыми, низко расположенными плечиками. Поверхности его желто-серого цвета, в тесте примесь песка. Сосуд орнаментирован отпечатками линейного штампа и нарезными линиями. Высота сосуда 12 см, диаметр венчика 14,5 см (рис. 1, 3).

Курган 2

Курган расположен на расстоянии 16 м к северо-западу от кургана 1 и 4 м к западу от кургана 4. Низкая распычатая насыпь имела диаметр 8 м, высоту 0,5 м. Курган насыпан, по-видимому, позднее, чем курганы 1 и 4, так как под курганной насыпью культурный слой неолитической стоянки не прослеживался, а в насыпи кургана найдено всего 18 фрагментов керамики и неглубокими ямочными наколами. Кроме того, в насыпи кургана найдены 2 фрагмента керамики бронзового века с шнуровым орнаментом и 28 фрагментов гончарной славянской керамики. Последняя, по-видимому, связана с вводным погребением в насыпи кургана. В кургане обнаружено три погребения.

Погребение 1 обнаружено в 0,9 м к северу от центра кургана на глубине 0,6 м. Могильная яма не прослеживалась. От костяка сохранились лишь мелкие обломки бедренных и берцовых костей. По найденным у остатков скелета двум стеклянным золоченым бусинам цилиндрической формы можно считать, что погребение славянское.

Погребение 2. В 2 м к югу от центра кургана на глубине 0,75 м от его вершины (на древнем горизонте) обнаружено скопление золы толщиной 5—7 см, занимавшее площадь 1 × 1,2 м. Почва под золой не обожжена. Создается впечатление, что зола насыпана специально. На зольном пятне найден развал верхней части большого лепного сосуда. Обе поверхности сосуда желтого цвета, со штрихами от сглаживания, по-видимому, травой. В тесте примесь песка. Сосуд орнаментирован только в верхней части отпечатками веревочки и линейного штампа (рис. 1, 5). Диаметр венчика 22,5 см. Можно предполагать, что зольное пятно и обломки лепного сосуда связаны с погребением на горизонте. Следов костяка не обнаружено.

Погребение 3 находилось почти в центре кургана на глубине 0,8 м. Могила овальной формы ориентирована по длине с юга на север; длина ее 1,3 м, ширина 0,65 м, глубина 0,5 м. На дне могилы прослеживалась подсыпка золы. В могиле ничего не обнаружено.

Погребение с трупосожжением. В 1959 г. между курганами 1 и 2 был заложен небольшой раскоп площадью 20 кв. м. В раскопе найдено несколько фрагментов неолитической керамики, орнаментированной гребенкой и ямочными наколами, а также отщепы кремня. Культурный слой неолитической стоянки не прослеживался, он был выбран для насыпки курганов. В северном конце раскопа на глубине 0,4 м в

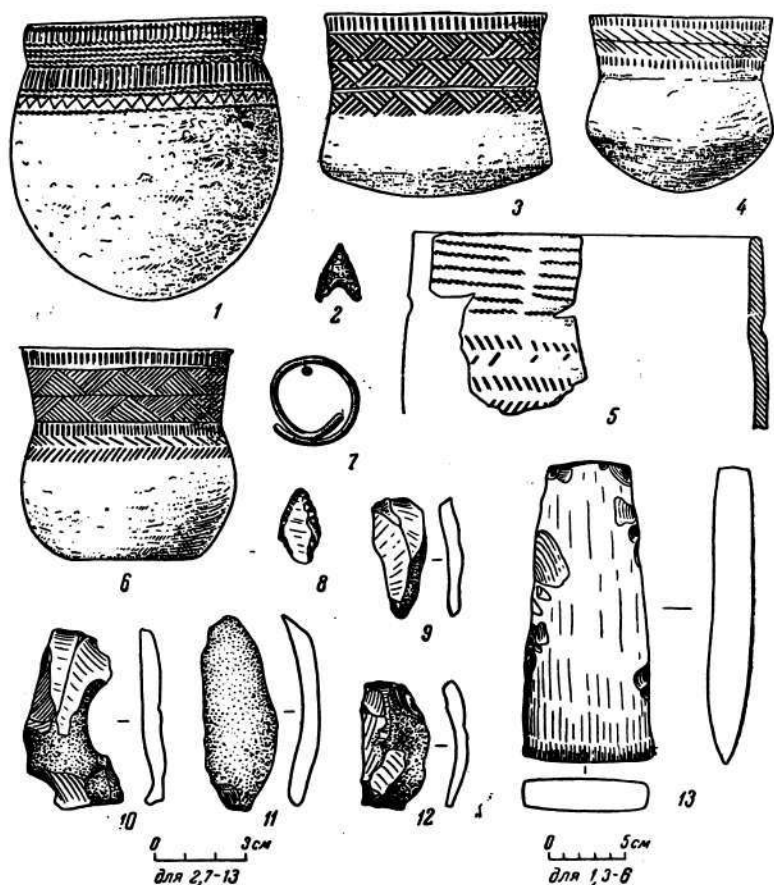

Рис. 1. Инвентарь погребений из курганов в уроч. Мошка
 1, 2 — курган 4; 3 — курган 1; 4 — курган 10, погребение 1; 5 — курган 2, погребение 1;
 6—13 — курган 10, погребение 4

слое желтого песка обнаружено скопление золы площадью $1,2 \times 1$ м, толщиной 4—5 см. В золе найдены мелкие обломки кальцинированных костей, кремневый наконечник стрелы треугольной формы с выемкой в основании и развал глиняного лепного сосуда. Это плоскодонный открытый сосуд с отогнутым наружу венчиком. Край венчика валикообразно утолщен и срезан наискось наружу. Поверхности сосуда желтого цвета, в глине примесь песка и крупного кварца. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда. Он состоит из неглубоких ямочных вдавлений и прочерченных линий, образующих горизонтальные пояса. Под краем венчика расположен ряд глубоких круглых ямок (рис. 2, 1). Могильная яма не прослеживалась. Однако наличие золы, кальцинированных костей и погребального инвентаря (сосуд и наконечник стрелы) свидетельствуют о том, что в раскопе обнаружено погребение с трупосожжением.

Курган 4

Курган находится в 2 м к югу от кургана 1 и в 4 м к востоку от кургана 2. С южной и северной сторон насыпь кургана сильно срезана проходящей здесь дорогой. Восточная и западная стороны насыпи сохранились хорошо; высота кургана 1,6 м, диаметр 15 м. Курган раско-

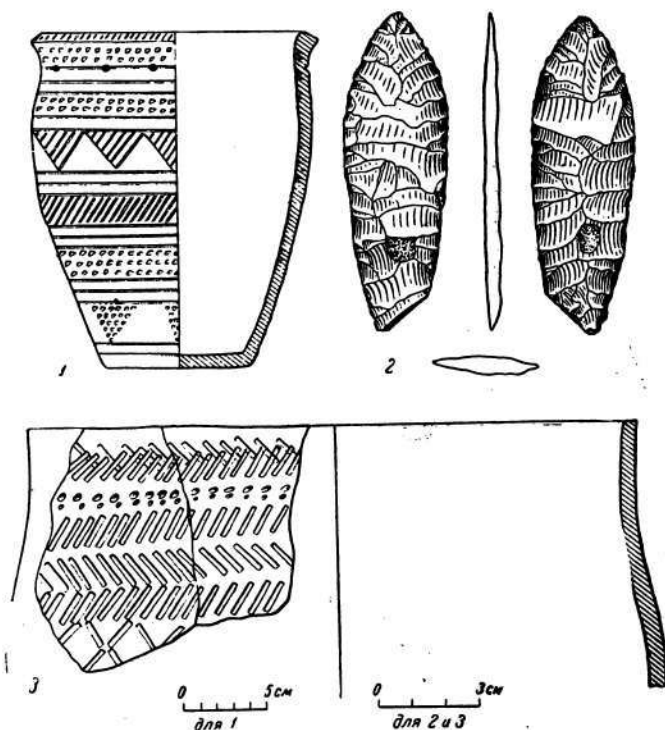

Рис. 2. Инвентарь погребений

1 — сосуд из грунтового захоронения с трупосожжением в уроч. Мошка; 2—3 — наконечник копья и сосуд из погребения на неолитической стоянке у оз. Хоршово

пан полностью. Раскопки производились двумя concentрическими кругами. Ширина внешнего кольца раскопа 3 м, диаметр центрального круга 8 м; они были разделены бровкой шириной 0,5 м. Для исследования профиля насыпи по диаметру кургана с востока на запад была оставлена бровка шириной 0,6 м. Как показали раскопки, курган насыпан на площади неолитической стоянки. В насыпи кургана и в сохранившемся под насыпью культурном слое стоянки, который достигал 0,3 м толщины, обнаружены 22 кремневых орудия, 142 отщепа кремня и 520 фрагментов неолитической керамики. Кроме того, в насыпи кургана обнаружены 14 фрагментов керамики бронзового века.

В насыпи кургана обнаружены также скопления фрагментов керамики от 4 сосудов. Фрагменты керамики от первого сосуда обнаружены в 1,7 м к западу от центра кургана на глубине 0,4—0,5 м. Поверхности сосуда желто-коричневого цвета, тесто песчанистое. На обеих поверхностях тонкие штрихи от сглаживания, по-видимому, травой. Сосуд орнаментирован только в верхней части. Орнамент состоит из горизонтальных рядов отпечатков веревочки и коротких углублений (нарезок), образующих «елочку». Сосуды этого типа характерны для керамики поселений днепро-деснинского варианта среднеднепровской культуры.

Значительный интерес представляет второй сосуд, скопление фрагментов которого найдено в 20 см к востоку от первого сосуда и в 1,5 м к западу от центра кургана также на глубине 0,4—0,5 м. Сосуд удалось реставрировать. Это большой широкогорлый сосуд с острым дном, слегка выпуклым туловом и слабо выделенным венчиком. Поверхности сосуда желто-коричневого цвета, в тесте примесь песка. Сосуд орнаментирован сплошь по всей поверхности. Под венчиком расположены пере-

Рис. 3. Уроч. Мошка. Неолитический сосуд из насыпи кургана 4

крещивающиеся нарезные линии, образующие сетку. Ниже вся поверхность сосуда и дно орнаментированы короткими овальными углублениями. Высота сосуда 42 см, диаметр венчика 31,2 см (рис. 3).

В 3 м к северо-западу от центра кургана на глубине 1,1—1,2 м в насыпи кургана обнаружено скопление 68 фрагментов от третьего сосуда. Сосуд был круглодонный, с слегка выпуклым туловом и слабо выделенным венчиком. Поверхности сосуда желто-коричневого цвета. В тесте примесь песка, кварца и растительных волокон. Сосуд орнаментирован сплошь по всей поверхности. Орнамент состоит из горизонтальных рядов отпечатков гребенчатого штампа.

В 13 м к востоку от центра кургана на глубине 1,8 м (в слое неолити-

ческой стоянки) обнаружено скопление мелких фрагментов от четвертого сосуда. Поверхности сосуда коричневого цвета, в тесте примесь песка, кварца и растительных волокон. Сосуд орнаментирован гребенчатым штампом. Восстановить форму и размеры сосуда не удалось.

В 14 м к западу от центра кургана на глубине 1,8 м (в слое неолитической стоянки) обнаружена кучка из 10 крупных кусков кремня со следами сколов. Один кусок кремня обработан и, по-видимому, использовался как скребло.

В насыпи кургана найдены также две наковальни из песчаника овальной формы. На плоских сторонах имеются углубления. Аналогичные наковальни были найдены в погребении кургана 16 в урочище Бельнец⁷.

Пятно могильной ямы и выкид из нее появились в центре кургана на глубине 1,75 м. Ниже шел еще культурный слой неолитической стоянки. Пятно могильной ямы хорошо прослеживалось на темно-сером фоне культурного слоя стоянки, так как оно было окаймлено рамкой (шириной 40—50 см) из белого речного песка, который обычно встречается на глубине 1—1,2 м от уровня древнего горизонта. По бокам могильной ямы были обнаружены остатки четырех больших кострищ, представлявших собой скопление золы и мелких углей толщиной 10—15 см. Диаметр кострищ 1,5—2 м. Погребение совершено в яме овальной формы, ориентированной по длине с юга на север. Длина ямы 2,15 м, ширина 1,2 м, глубина от уровня древнего горизонта 1,1 м.

⁷ В. В. Кропоткин. Новые исследования Бельнецких курганов.—КСИИМК, 1959, вып. 75, стр. 106—107, рис. 32, 7, 8.

Заполнение могильной ямы состояло из темно-серого песка, такого же, как и насыпь кургана. В заполнении ямы встречено 8 фрагментов неолитической керамики и несколько отщепов кремня. Судя по заполнению могильной ямы, можно предполагать, что после захоронения яма не засыпалась, а была перекрыта деревянным накатником. Дном могильной ямы служил белый речной песок. На дне ямы хорошо прослеживалась подсыпка золы. К южному краю ямы золы было насыпано больше, чем на остальной площади. Здесь обнаружен глиняный лепной сосуд митровидной формы. Короткое горло слегка отогнуто наружу, край венчика срезан наискось внутрь. Поверхность сосуда желто-серого цвета, хорошо заглажена. В тесте примесь песка. Сосуд орнаментирован только в верхней части. Орнамент состоит из отпечатков веревочки, чередующихся с рядами отпечатков линейного штампа. Высота сосуда 18 см, диаметр венчика 16,5 см (рис. 1, 1). Рядом с сосудом, у западной стенки ямы найден кремневый треугольный наконечник стрелы с выемкой в основании (рис. 1, 2). Судя по размерам могильной ямы и положению сосуда, можно предполагать, что здесь имело место трупоположение.

Однако из-за неблагоприятных почвенных условий (песок и высокий уровень подпочвенных вод) скелет не сохранился, а сосуд развалился на 120 мелких фрагментов.

Курган 5

Курган расположен в 18 м к северу от кургана 4. Насыпь круглой формы. Диаметр кургана 8 м, высота 0,9 м. Курган насыпан за пределами неолитической стоянки, и его насыпь состояла из желтого песка. В насыпи кургана найдено 10 фрагментов неолитической керамики, 7 фрагментов керамики бронзового века и 2 скребка на отщепах. Обнаружено два погребения.

Погребение 1 обнаружено в 0,6 м к юго-западу от центра кургана, в насыпи, на глубине 0,4 м. Могильная яма не прослеживалась. От костяка плохо сохранились череп и два обломка бедренных костей, лежавших в анатомическом порядке. Покойник был ориентирован головой на запад. У черепа найдены две стеклянных золоченых бусины цилиндрической формы и небольшой глиняный сосуд, изготовленный на гончарном круге.

На глубине 0,9 м, на уровне древнего горизонта, по всей площади кургана песок был обожжен до красного цвета. В центре кургана обнаружено темное пятно могильной ямы. Выкид из могилы перекрывал обожженный песок.

Погребение 2. Могильная яма овальной формы ориентирована по длине с юга на север с небольшим отклонением к востоку и западу. Длина ямы 2 м, ширина 1,2 м, глубина 0,75 м от уровня древнего горизонта. Заполнение могильной ямы состояло из темно-серого золистого песка. Можно предполагать, что могильная яма была перекрыта деревянным накатником, на котором был насыпан толстый слой золы. Когда перекрывавшее яму дерево истлело, смешавшаяся с песком зола заполнила яму. В южном конце ямы обнаружено небольшое скопление золы, кусок кремня со следами сколов и частично сохранившейся меловой коркой, а также фрагменты круглодонного сосуда с невысоким, прямым, слегка отогнутым наружу горлом. Поверхности сосуда желтого цвета, в тесте примесь песка. На обеих поверхностях сосуда следы тонкой штриховки от сглаживания, по-видимому, травой. Сосуд не орнаментирован. Скелет не сохранился.

Курган 6

Курган расположен в 7 м к северу от кургана 4. Насыпь, круглая в плане, состояла из желтого песка. Диаметр кургана 10 м, высота 1 м. Находок керамики в насыпи не было. Обнаружено два погребения.

Погребение 1. В 1 м к востоку от центра кургана на глубине 0,9 м обнаружено зольное пятно площадью $2,5 \times 1,2$ м, ориентированное по длине с востока на запад. На зольном пятне найдены два обломка бедренных костей и развал гончарного славянского сосуда.

На глубине 1,2 м от уровня древнего горизонта площадь кургана была обожжена до красного цвета. Местами встречались пятна коричнево-черного цвета, по-видимому, слабее обожженные.

Погребение 2 находилось в центре кургана на глубине 1,2 м. Могила овальной формы ориентирована по длине с юга на север; длина ее 1,9 м, ширина 1,1 м, глубина 0,6 м (от вершины кургана 1,8 м). Заполнение могилы состояло из темно-серого золотистого песка. В могиле ничего не обнаружено.

Курган 10

Курган расположен в 8 м к юго-востоку от кургана 1. Высота кургана 1,3 м, диаметр 16 м. В плане курган круглой формы. Юго-западная часть насыпи кургана перекрывает культурный слой неолитической стоянки. Для насыпки западной половины кургана также использовалась почва из площади неолитической стоянки. Поэтому в западной половине насыпи кургана найдено 37 кремневых орудий, отщепы кремня и 296 фрагментов лепной неолитической керамики, происходившие из разрушенной стоянки. В восточной половине насыпи изредка встречались фрагменты керамики бронзового века.

На глубине 1,6 м от вершины кургана обнаружен ров, расположенный по кругу. Диаметр рва 11,5 м, ширина 0,5—0,6 м, глубина 0,4—0,5 м. Заполнение рва состояло из темно-серого золотистого песка.

В кургане обнаружено четыре погребения (рис. 4).

Погребение 1 открыто в восточной части кургана на глубине 1,6 м. Могильная яма погребения по длине разрезала ров. Могила удлиненно-овальной формы ориентирована с юга на север. Длина ее 2 м, ширина 1,2 м, глубина 0,6 м (от вершины кургана 2,2 м). Заполнение могильной ямы состояло из темно-серого песка с мелкими углями. Дно могилы находилось на 10 см ниже дна рва. На дне могилы, у северной ее стенки, обнаружен круглодонный сосуд с высокой прямой шейкой. Поверхности сосуда желтого цвета, в тесте примесь песка. На обеих поверхностях штрихи от сглаживания, по-видимому, травой. Сосуд орнаментирован только в верхней части. Орнамент состоит из косых коротких нарезных линий, разделенных горизонтальными нарезными линиями. Высота сосуда 11,8 см, высота шейки 5 см, диаметр венчика 12,6 см, диаметр шейки у плечиков 9,6 см, наибольший диаметр тулова 12,2 см (рис. 1, 4). Рядом с сосудом, с западной его стороны, найдены два мелких обломка трубчатых костей. Это дает основание предполагать, что в могиле было труположение, покойник был ориентирован головой на юг и сосуд стоял у его ног. Других следов скелета не обнаружено.

В центре кургана на глубине 1,55 м обнаружен слой (толщиной 8 см) истлевшего дерева коричневого цвета, занимавший площадь $5,5 \times 4,5$ м. После расчистки этого слоя появилось большое пятно золы и мелких угольков. Под золой почва была обожжена. Создается впечатление, что здесь был большой костер. Под зольным пятном были обнаружены два пятна могильных ям.

Погребение 2 находилось в 1,2 м к западу от погребения 1. Могила прямоугольной формы ориентирована по длине с юга на север.

Ее длина 2,8 м, ширина 1,5 м, глубина 0,7 м. По длине могилы с двух ее сторон были сделаны уступы шириной 20 см, глубиной 15 см. Можно предполагать, что могильная яма была перекрыта поперек бревенчатым накатом. Книзу размеры ямы уменьшались и составляли по длине 2,2 м, по ширине 0,9 м. Заполнение могильной ямы состояло из темно-серого зольного песка с мелкими углями, красноватыми пятнами обожженного песка и коричневого тлена, вероятно, от сгнившего дерева.

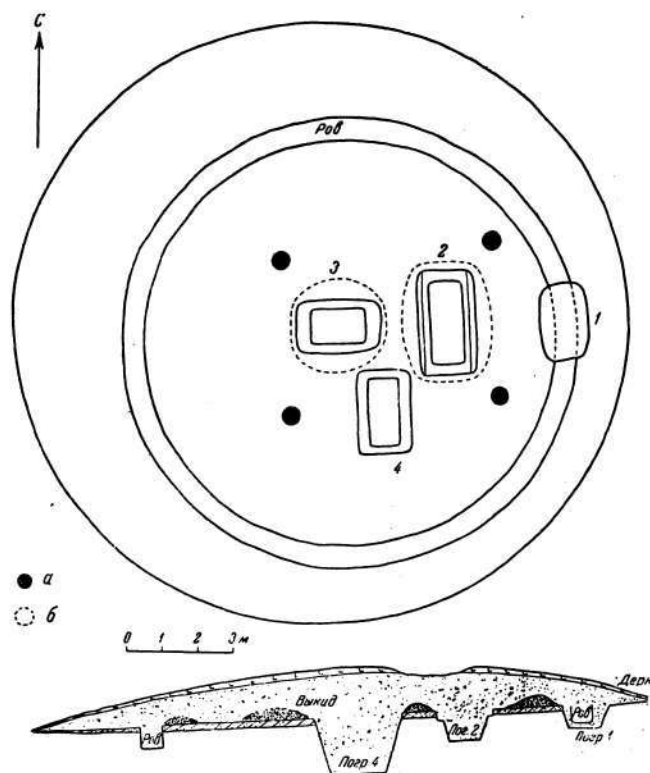

Рис. 4. Уроч. Мошка. План и профиль кургана 10
1 — погребение 1; 2 — погребение 2; 3 — погребение 3; 4 — погребение 4;
а — ямы от столбов; б — зольные пятна

В заполнении могильной ямы, у южной ее стенки, на глубине 0,5 м найдено медное четырехгранное шило (рис. 5, 18), приподнятое со дна ямы корнями деревьев, росших на кургане. На дне могилы, у южной стенки, найдены половина полировальной плиты из коричневатокрасного песчаника (рис. 5, 20) и большой плоскодонный сосуд с короткой, прямой, отогнутой наружу шейкой, удлиненным туловом и низко расположенными плечиками, резко суживающимися к маленькому плоскому дну. Поверхности сосуда желтовато-красного цвета. В тесте примесь песка. На обеих поверхностях сосуда штрихи от сглаживания, по-видимому, травой. Сосуд орнаментирован только в верхней части. Орнамент состоит из отпечатков линейного штампа и веревочки. Высота сосуда 21,5 см, диаметр венчика 17,6 см, диаметр дна 7,5 см, наибольший диаметр тулова у плечиков 19 см (рис. 5, 14). К западу от сосуда, у западной стенки могилы найден кремневый клиновидный полированный топор, прямоугольный в сечении (рис. 5, 16). Длина топора 10,5 см, ширина лезвия 4,9 см.

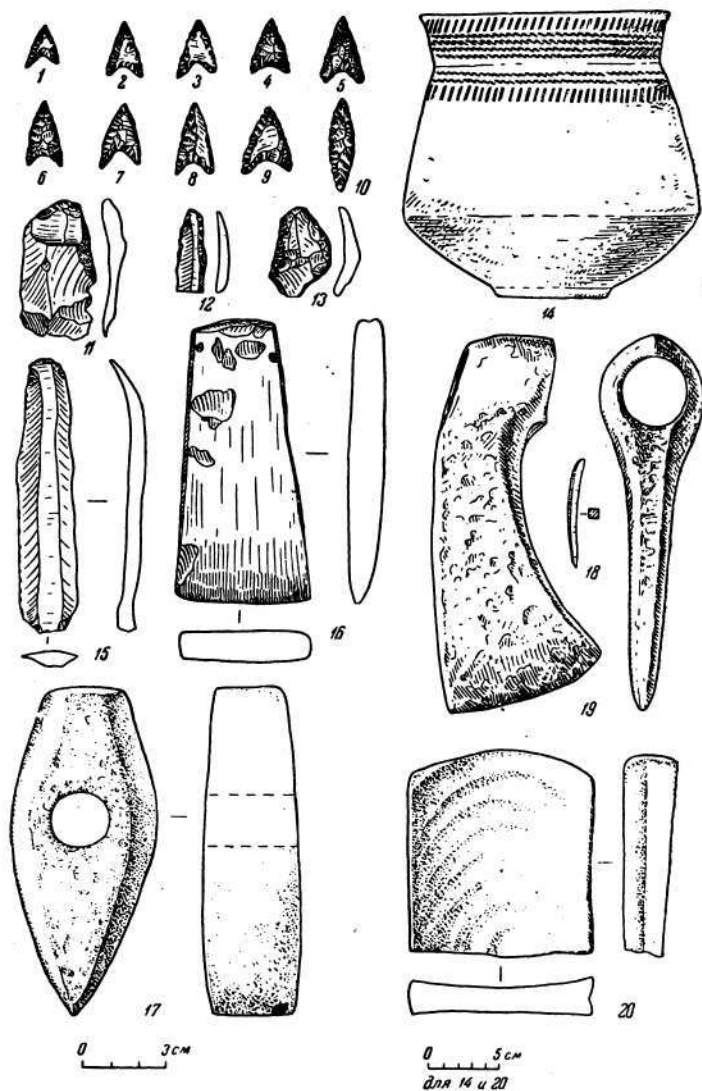

Рис. 5. Уроч. Мошка. Инвентарь погребения 2 кургана 10

1—10 — кремневые наконечники стрел; 11, 12, 15 — кремневые ножи; 13 — скребок; 14 — глиняный сосуд; 16 — кремневый клиновидный топор; 17 — каменный сверленный топор; 18 — медное шило; 19 — медный вислобушный топор; 20 — полировальная плита

У середины западной стены могилы обнаружено 10 кремневых наконечников стрел, лежавших вместе остриями к югу. Наконечники стрел обработаны струйчатой ретушью. Среди них — 9 наконечников стрел треугольной формы с выемкой в основании и 1 наконечник ивовидной формы (рис. 5, 1—10).

В 20 см от восточной стены могилы и в 70 см от северной стены найден каменный сверленный топор (рис. 5, 17). В 30 см от северной и в 15 см от восточной стенки могилы обнаружен медный вислобушный топор с остатками кожаного футляра (рис. 5, 19 и рис. 6) и с сохранившейся частью деревянной рукоятки. У западной стены могилы, в 50 см от северной стены найдены кремневый нож длиной 10 см, скребок и 2 отщепа кремня (рис. 5, 11, 13, 15).

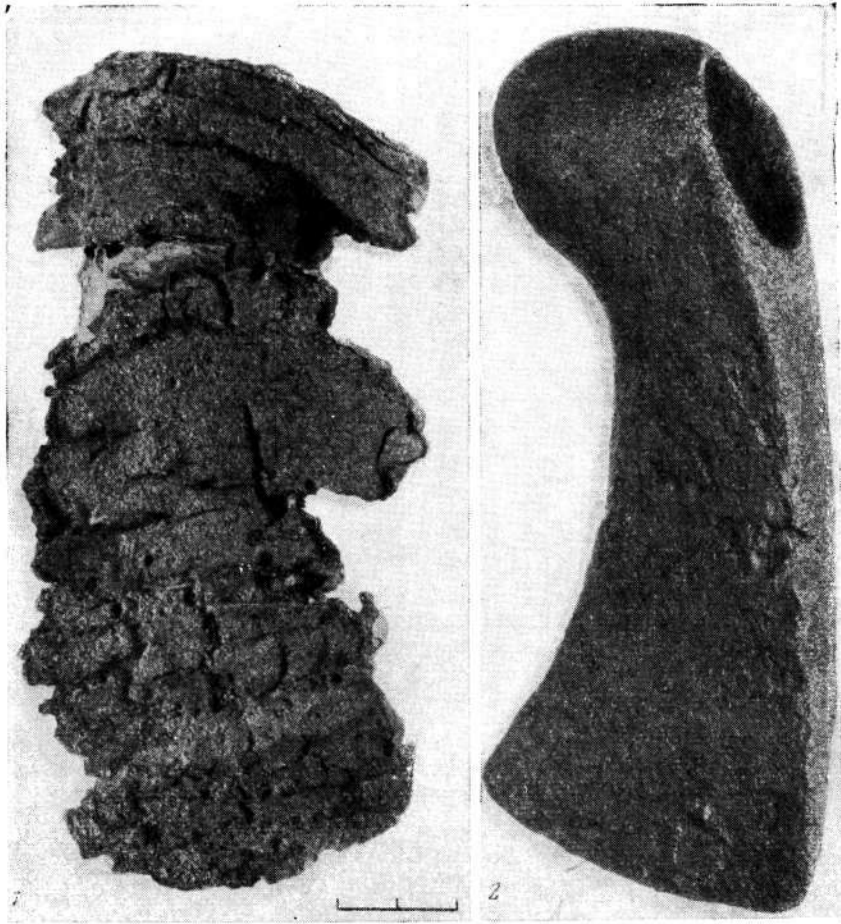

Рис. 6. Уроч. Мошка, курган 10, погребение 2

1 — остатки кожаного футляра к медному вислобушному топору; 2 — медный вислобушный топор

Погребение 3 обнаружено в центре кургана в 0,5 м к западу от погребения 2. Могильная яма овальной формы ориентирована по длине с востока на запад. Длина могилы 2,2 м, ширина 1,55 м, глубина 1,4 м. Книзу размеры могилы уменьшались и составляли по длине 1,6 м, по ширине 0,85 м. На дне могилы обнаружена подсыпка золы. Скелет не сохранился. Вещей нет. Судя по размерам могильной ямы, можно предполагать, что здесь было детское погребение.

Вокруг могильных ям погребений 2 и 3 обнаружены четыре ямы от столбов, образующие правильный прямоугольник длиной 5,9, шириной 4,3 м. По-видимому, ямы от столбов представляют собой остатки навеса над погребениями 2 и 3. Глубина ям от столбов 50—60 см, диаметр ям 35—40 см.

Погребение 4 находилось к югу от погребений 2 и 3, как бы вклиниваясь между ними. Могила прямоугольной формы ориентирована по длине с юга на север с небольшим отклонением к востоку и западу. Длина могилы 2,2 м, ширина 1,4 м, глубина 1,2 м. Книзу могила суживалась и длина ее составляла 1,8, ширина 0,8 м. Заполнение могилы состояло из желтого и серовато-белого речного песка, находящегося на глубине 0,9 м от уровня древнего горизонта. На дне могилы прослежи-

вались следы красной краски и подсыпка из золы. У северной стены могилы найден кремневый клиновидный полированный топор, овальный в сечении. Длина топора 10,1 см, ширина лезвия 4,3 см (рис. 1, 13). Рядом с кремневым топором обнаружены 4 отщепы кремня (рис. 1, 9—12) и глиняный тонкостенный лепной сосуд с высокой прямой отогнутой наружу шейкой, шаровидным туловом и уплощенным дном. Поверхность сосуда серого цвета с желтыми пятнами. В тесте примесь песка. Орнамент расположен в верхней части сосуда до половины его высоты. Он состоит из отпечатков линейного штампа и нарезных линий. Высота сосуда 14 см, диаметр венчика 13,5 см, диаметр шейки у плечиков 10,7 см, наибольший диаметр тулова 13,5 см (рис. 1, 6). У южной стенки могилы найден кремневый треугольный наконечник стрелы с черешком, побывавший в огне (рис. 1, 8), и медное височное кольцо в полтора оборота из тонкой круглой в сечении проволоки (рис. 1, 7). Височное кольцо сохранить не удалось, так как оно совершенно рассыпалось. Следы скелета в могиле не обнаружены. Однако, судя по размерам могилы и расположению вещей в ней, здесь было труположение не головой на юг.

Курган 11

Курган расположен в 14 м к югу от кургана 10. Это самый высокий курган в уроч. Мошка. Высота насыпи 2,2 м, диаметр 20 м. Во время Великой Отечественной войны в центре кургана находился дзот площадью $3,5 \times 3,5$ м, глубиной 2,5 м. К востоку дзот соединялся с окопным ходом сообщения. Курган вскрыт круглым раскопом диаметром 18 м. Раскопки производились тремя концентрическими кругами, разделенными бровками шириной 20 см. Для изучения профиля насыпи кургана оставлены бровки по его диаметру с юга на север и от центра к западу. Ширина бровок 0,6 м.

В насыпи кургана найдено 23 кремневых орудия, 64 отщепы кремня, 145 фрагментов неолитической керамики и 9 — керамики эпохи бронзы. Среди кремневых орудий имеются 7 скребков, 9 ножевидных пластин, 2 нуклеуса, обломок клиновидного топора и целый миниатюрный клиновидный топорик. Найдены также заготовка наконечника стрелы и наконечник стрелы треугольной формы с черешком, так называемого мезолитического типа.

В 7 м к северо-северо-востоку от центра кургана на глубине 0,5 м найден каменный топор с начатым сверлением, коротким, хорошо выраженным обухом и расширяющимся лезвием листовидной формы. В сечении лезвие имеет ромбовидную форму. Длина топора 19 см (рис. 7).

На глубине 2,6 м от вершины кургана хорошо прослеживался ров, окружавший первоначальную насыпь кургана. Ров расположен по кругу. Диаметр рва 14,8—15,2 м, ширина 0,4—0,5 м, глубина 0,9 м. Книзу ров суживался, и внизу его ширина составляла 0,23—0,25 м. Заполнение рва состояло из темно-серого золитого песка. На дне рва следы ям от столбов не обнаружены. Вся площадь древнего горизонта под курганной насыпью в пределах рва сильно обожжена. Здесь хорошо прослеживались остатки кострищ в виде скоплений золы, мелких углей и обожженного до красного цвета песка под ними. В северо-восточном секторе центра кургана обнаружены следы сгоревшего бревна длиной 4,5 м, диаметром 0,4 м (рис. 8). В кургане оказалось два погребения.

Погребение 1 обнаружено в 3,5 м к северо-северо-востоку от центра на глубине 2,6 м от вершины кургана. Могила прямоугольной формы с округленными углами ориентирована по длине с юго-юго-востока на северо-северо-запад. Длина могилы 3,9 м, ширина 2,2 м, глу-

бина отуровня древнего горизонта 1,9 м. Книзу могила суживалась и длина ее составляла 2,2 м, ширина 1,2 м. Выкид из могильной ямы перекрывал обожженный песок. Заполнение могильной ямы состояло из желтого песка с темно-серыми зольными пятнами и древесного тлена коричневого цвета. Могильная яма несомненно была перекрыта деревянным накатом. В могильной яме на глубине 1 м вдоль ее западной стены прослеживалось истлевшее бревно, перекрывавшее могильную уму. В заполнении могилы найдены 3 фрагмента неолитической керамики, аналогичной керамике из насыпи кургана, кремневый нож и наконечник стрелы листовидной формы. На дне могилы прослеживался какой-то тлен белого цвета, возможно, истлевшая подстилка из камыша, а также кучки золы. Скелет не сохранился. Но инвентарь, сопровождающий это погребение, оказался богатым и исключительно интересным. В могиле найдены следующие вещи (рис. 9).

В юго-западном углу могилы стоял вверх дном совершенно пустой внутри глиняный лепной сосуд. В могилу сосуд был поставлен с пищей, но когда обрушилось перекрытие могилы, он был перевернут. У сосуда высокая, прямая, слегка отогнутая наружу шейка, шаровидное тулово и плоское дно. Наружная поверхность сосуда серого цвета с желтыми пятнами, внутренняя — желтого цвета. В тесте примесь песка. Орнамент, расположенный по шейке и плечикам, состоит из отпечатков линейного штампа и нарезных линий. Высота сосуда 23 см, диаметр венчика 20—20,5 см, диаметр дна 9 см (рис. 10, 5).

В 1 м к северу от сосуда, у западной стены могилы найден кремневый нож из темно-серого мелового кремня. Лезвия со стороны спинки обработаны отжимной ретушью. Длина ножа 3,4 см (рис. 10, 3).

В 6 см к северу от ножа находилась подвеска из янтаря, представляющая собой плоскую трапециевидной формы пластинку, соединяющуюся с плоским кружком, имеющим большое отверстие посередине. На верхнем краю пластинки сделано небольшое углубление, в котором просверлены два боковых отверстия. Подвеска орнаментирована нарезными линиями. Длина всей подвески 6,6 см, диаметр кружка 4,1—3,5 см, диаметр отверстия 1,9 см, длина пластинки 3,1 см, ширина у верхнего края 2 см, ширина в месте соединения с кружком 1,6 см (рис. 11, 30).

В 50 см к северу от янтарной подвески обнаружен каменный сверленный ладьевидный топор. Длина топора 15,6 см, диаметр втулки 2 см, ширина у втулки 5,5 см, ширина лезвия 4 см, толщина обуха 3,1 см (рис. 10, 8).

В северо-западном углу могилы, вдоль западной стены стояла на ребре полировальная плита из коричневатого-красного песчаника. Длина ее 33 см, ширина 14,4 см, толщина 5 см (рис. 10, 9).

Между полировальной плитой и каменным топором (расстояние между ними 10,3 см) найдено 27 кремневых наконечников стрел треугольной формы с выемкой в основании. Наконечники стрел лежали кучкой остриями к югу (рис. 11, 1—27).

У южного края полировальной плиты, с восточной стороны обнаружен кремневый клиновидный полированный топор, линзовидный в сечении. Длина топора 8,8 см, ширина лезвия 4 см (рис. 10, 6).

Рис. 7. Уроч. Мошка. Каменный топор из насыпи кургана 11

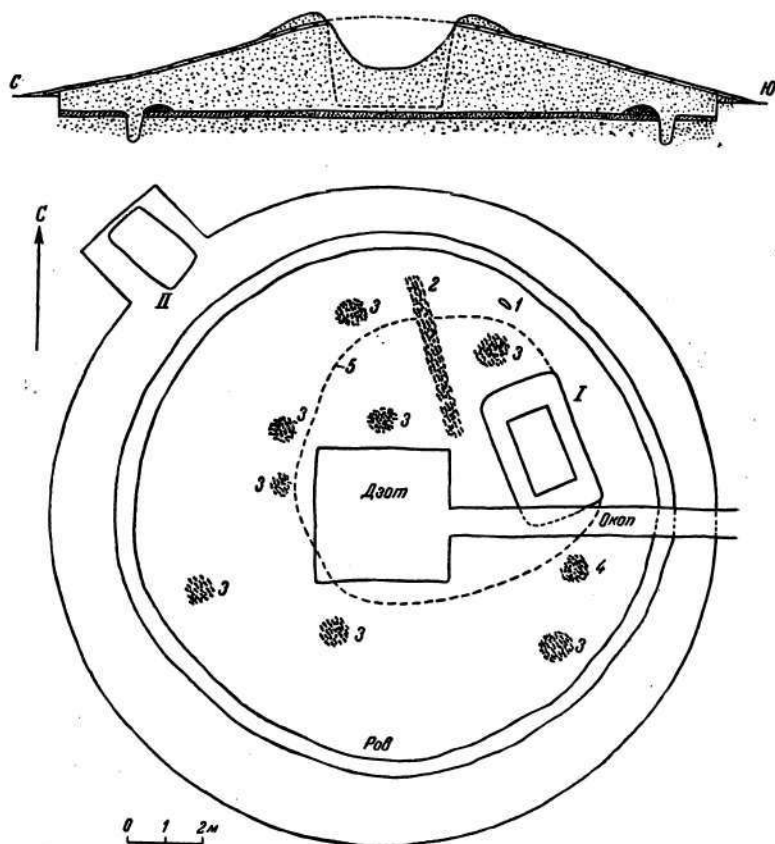

Рис 8. Уроч. Мошка. Профиль и план кургана 11

1 — каменный топор; 2 — сгоревшее бревно; 3 — кострища; 4 — кострище с скоплением створок речных раковин; 5 — выкид из могилы погребения I; I, II — погребения

Рядом с кремневым топором найден кремневый нож с ретушью на одной из сторон лезвия. Длина ножа 7,3 см, ширина 2,8—3 см (рис. 10, 1).

У северной стены могилы, в 15 см к востоку от полировальной плиты обнаружен обломок (обушная часть до половины втулки) каменного сверленного топора с хордой. Длина его 6 см, ширина у втулки 6,3 см (рис. 10, 7).

В северо-восточном углу могилы найден медный топор с остатками деревянной рукоятки с выступающей втулкой. Топор лежал обухом к востоку. Под топором находились куски бересты, вероятно, остатки подстилки. Топор повторяет форму каменного ладьевидного втульчатого топора. Длина топора 14,3 см (рис. 11, 31).

В 1,1 м к югу от медного топора, у восточной стены могилы найдены 2 кремневых ножа, под ними медный наконечник копья, лежавший острием к востоку. На наконечнике копья хорошо видны отпечатки каких-то волокон (рис. 12). На втулке копья лежал кусок капа (нарост на дереве), а под ним кусок коры (рис. 13). Еще два куска капа с остатками коры лежали с южной стороны наконечника копья. У медного на-

конечника копья хорошо выражены перо, круглая литая втулка и два отверстия у ее края для прикрепления к древку. Длина копья 13,5 см, диаметр втулки 2,5 см, наибольшая ширина пера 4 см (рис. 11, 32).

Кремневые ножи изготовлены из темно-серого мелового кремня довольно высокого качества. Лезвия со стороны спинки обработаны отжимной ретушью. Длина ножей 12 и 8,7 (рис. 10, 2, 4).

В 30 см к югу от медного наконечника копья, у восточной стены могилы найдены 53 отщеп кремня, лежавшие кучкой.

Между наконечником копья и кремневыми отщепами, в 30 см к западу от восточной стены могилы лежал какой-то предмет из рога в виде тонкого стержня, совершенно разрушившийся. Возможно, это была проколка.

В 37 см к востоку от янтарной подвески найдены 2 медных очко-видных подвески. Одна из них почти целая, вторая сильно разрушена (рис. 11, 28, 29). Подвески лежали на остатках подстилки из бересты. Они изготовлены из тонкой проволоки, прямоугольной в сечении.

В 1,2 м к югу от могильной ямы обнаружено скопление обгоревших речных раковин, смешанных с золой и мелкими углями. Диаметр скопления 0,8 м, толщина 0,3 м.

Погребение 2 обнаружено в 8,6 м к северо-западу от центра кургана. Могила прямоугольной формы с округленными углами ориентирована по длине с юго-востока на северо-запад. Длина могилы 2,4 м, ширина 1,2 м, глубина 0,87 м. Книзу могила суживалась и длина ее составляла 1,8 м, ширина 0,8 м. На дне могилы прослеживалась подсыпка из золы. В могиле ничего не обнаружено. Скелет не сохранился. Вещей нет.

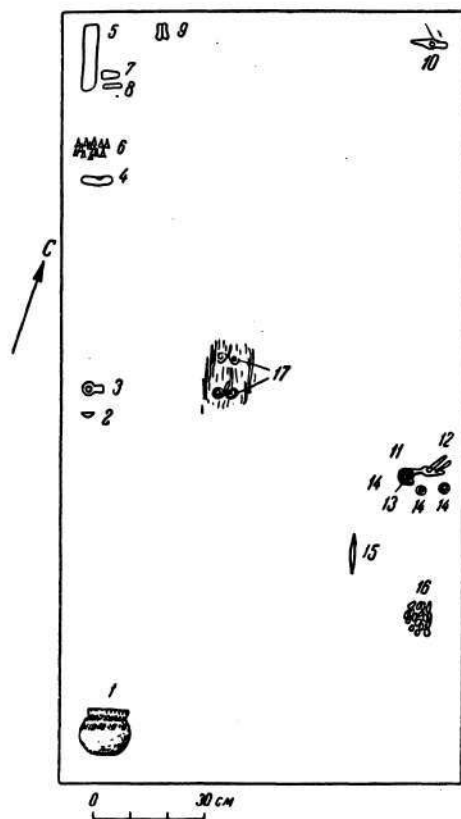

Рис. 9. Уроч. Мошка. План расположения инвентаря в погребении 1 кургана 11

1 — глиняный сосуд; 2 — кремневый нож; 3 — подвеска из янтаря; 4 — каменный сверленный топор; 5 — полировальная плита; 6 — наконечники стрел; 7 — кремневый клиновидный топор; 8 — кремневый нож; 9 — обломок каменного топора; 10 — медный топор; 11 — медный наконечник копья; 12 — кремневые ножи; 13 — кусок коры; 14 — куски капа (нарос на дереве); 15 — проколка из рога; 16 — отщепы кремня; 17 — медные очко-видные подвески

Курган 12

Высота кургана 0,98 м, диаметр 10 м. В 1 м к востоку от центра кургана на глубине 1,2 м, на поверхности погребенной почвы, обнаружено скопление золы (длиною 2,05 м, шириною 1,1 м), ориентированное по длине с юга на север. На скоплении найден кремневый наконечник копья, бронзовый нож и мелкие фрагменты от одного глиняного сосуда, аналогичного сосуду из погребения 3 кургана 9 Бельнецкого могильника.

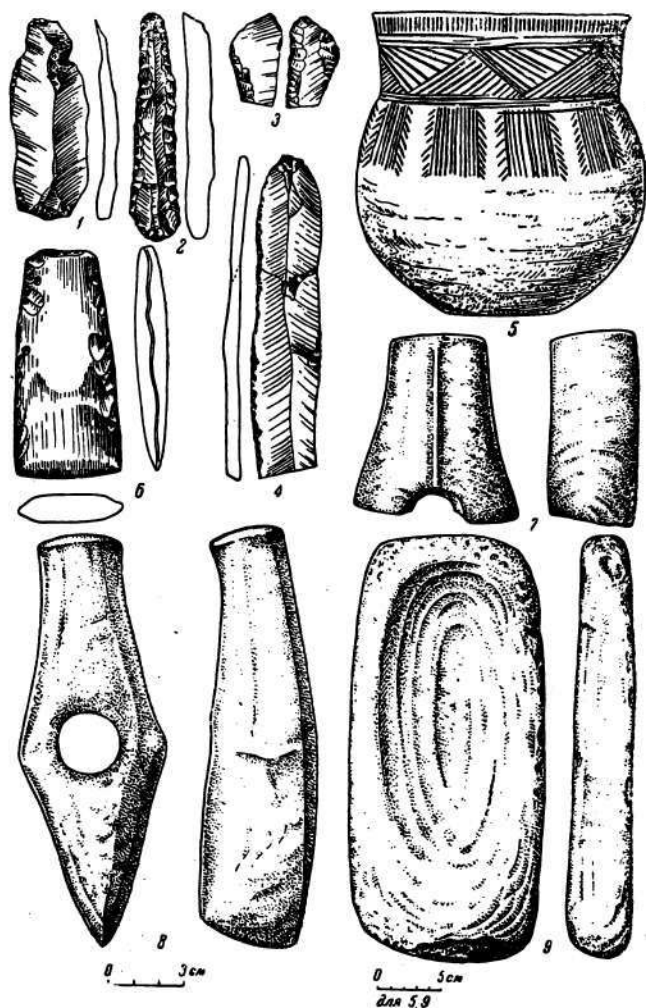

Рис. 10. Уроч. Мошка. Инвентарь погребения 1 кургана 11

1—4 — кремневые ножи; 5 — глиняный сосуд; 6 — кремневый клиновидный топор; 7 — обломок каменного топора; 8 — каменный сверленный топор; 9 — полировальная плита

Почти в центре кургана обнаружены две могильные ямы, ориентированные по длине с востока на запад; размеры их: $1,8 \times 0,95$ м и $1,6 \times 0,9$ м; глубина 0,8 м. Книзу могилы суживались и размеры их составляли $1,4 \times 0,7$ м и $1,15 \times 0,6$ м. В могилах ничего не обнаружено. Судя по размерам могил, здесь были детские захоронения.

Курганы 13, 14 и 16

В курганах 13 (высота 0,8 м, диаметр 12 м), 14 (высота 0,66 м, диаметр 10 м) и 16 (высота 0,5 м, диаметр 8 м) обнаружено по две могильных ямы в каждом кургане. Все могилы по длине ориентированы с востока на запад. Средние размеры могил: длина 1,6—1,8 м, ширина 1—1,1 м, глубина 0,6—0,9 м. Книзу могилы суживались и длина их составляла 1,2—1,4 м, ширина 0,7—0,8 м. В могилах ничего не обнаружено. Судя по размерам, во всех могилах были детские захоронения.

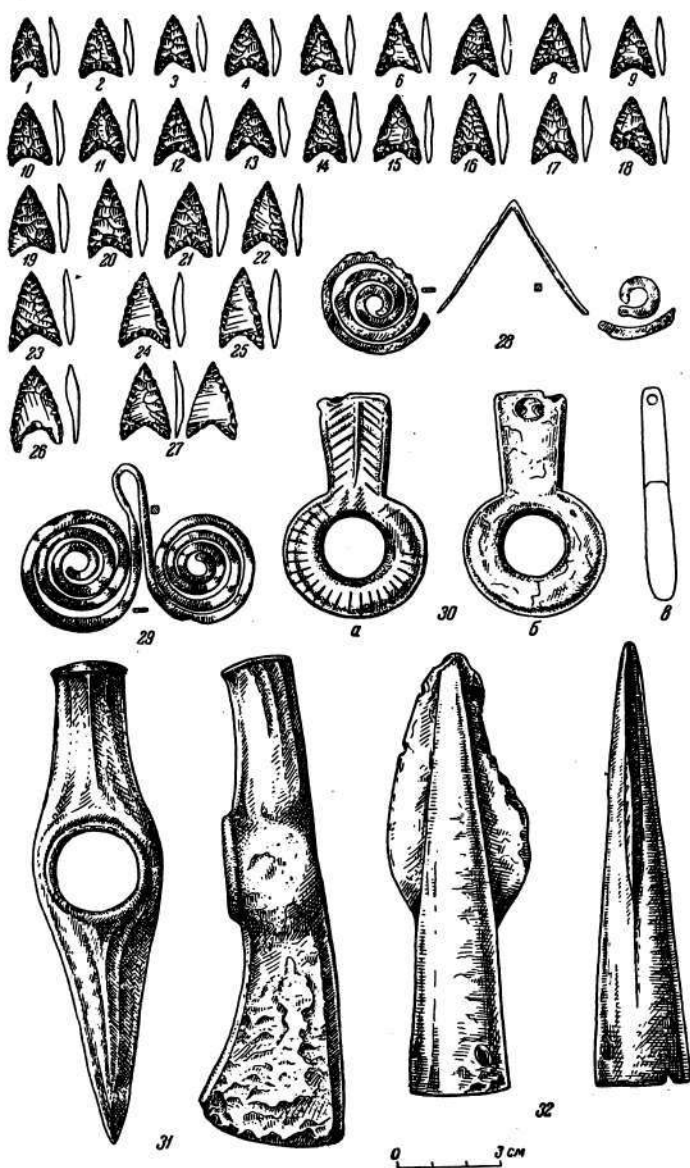

Рис. 11. Уроч. Мошка. Инвентарь погребения 1 кургана 11
 1—27 — кремневые наконечники стрел; 28, 29 — медные очковидные подвески; 30, а, б, в — подвеска из янтаря; 31 — медный топор; 32 — медный наконечник копья

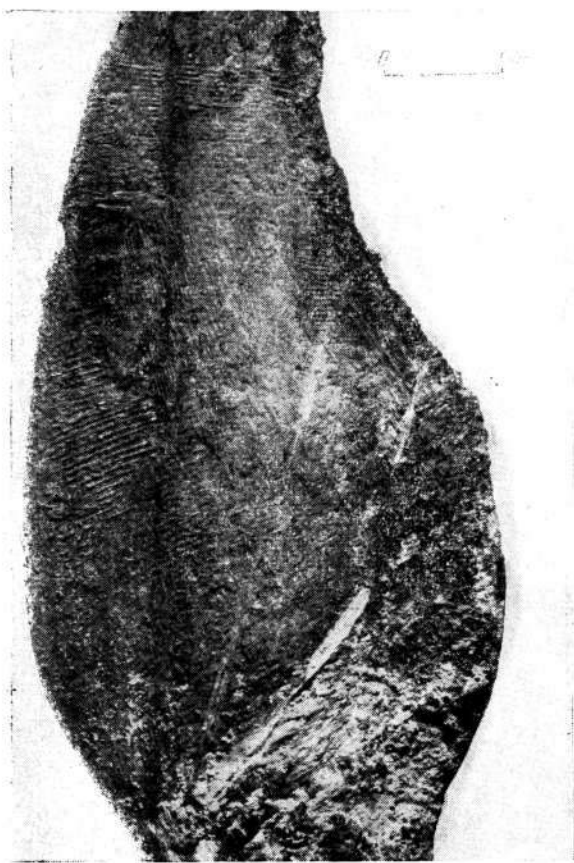

Рис. 12. Уроч. Мошка. Отпечатки растительных волокон на медном наконечнике копья из погребения 1 кургана 11

Рис. 13. Уроч. Мошка. Наконечник копья с куском коры и капа (нарост на дереве) из погребения 1 кургана 11

Курган 15

Высота кургана 0,95 м, диаметр 10 м. В 3 м к северо-западу от центра кургана на глубине 1,2 м от его вершины, на поверхности погребенной почвы, обнаружено скопление золы длиной 2,3 м, шириной 1,2 м, ориентированное по длине с юга на север. Почва под золой обожжена, и скопление золы представляет собой остатки большого кострища, на котором, вероятно, было произведено захоронение. На скоплении золы найдены мелкие обломки костей от скелета, фаланги пальцев рук и ног, фрагмент керамики среднеднепровской культуры и кремневый наконечник копья листовидной формы. Сохранившиеся остатки костей от скелета не обожжены. Судя по их расположению, особенно фаланг пальцев рук, можно предполагать, что скелет был ориентирован головой на север.

В центре кургана обнаружена могильная яма, ориентированная по длине с востока на запад. Длина могилы 1,7 м, ширина 1,1 м, глубина 0,75 м. Книзу могила суживалась и длина ее составляла 1,35 м, ширина 0,7 м. В могиле ничего не найдено. Здесь, вероятно, было детское захоронение.

2. НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА У оз. ХОРШОВО

Стоянка расположена на восточном берегу оз. Хоршово, на сниженном участке боровой террасы левого берега Днепра. Раскоп заложен в 20 м от воды. Площадь раскопа 80 кв. м.

Стратиграфия раскопа:

- 1) дерновый слой толщиной 10 см
- 2) слой темно-серого песка толщиной 8 см
- 3) слой серого илистого намывного песка толщиной 7 см
- 4) слой темно-серого песка, который подстилался желтым песком; толщина слоя 30 см

Во втором слое найдены фрагменты славянской гончарной керамики и железный нож. Судя по толщине слоя, это, по-видимому, край славянского селища, расположенного немного выше, по краю боровой террасы.

В четвертом слое на площади раскопа найдены 88 кремневых и каменных орудий, 219 отщепов и кусков кремня, а также фрагменты неолитической керамики. Остатки жилищ или очагов не обнаружены.

Кремневые орудия изготовлены из коричневого и темно-серого мелового кремня. Среди кремневых орудий имеются скребки, ножи, наконечники стрел и другие орудия.

36 скребков изготовлены на отщепах, часто с сохранившейся меловой коркой. Среди них есть 2 скребка с вогнутым рабочим краем, в остальных — рабочий край дугообразной формы обработан отжимной ретушью.

Найдено 30 ножевидных пластин. По-видимому, многие из них употреблялись как ножи.

3 ножа изготовлены на тонких ножевидных пластинах. Лезвия обработаны со стороны спинки отжимной ретушью.

Обнаружено 3 наконечника стрел. Из них один наконечник треугольной формы с ровным основанием (острие сломано), обработанный отжимной ретушью, и два незаконченных наконечника.

2 срединных резца и 1 резчик клювовидной формы изготовлены на отщепах.

Найден обломок (верхняя часть) клиновидного топорика. Сечение линзовидное.

Найдено 2 ретушера. Они представляют собой округлые куски с сильно сбитой от употребления поверхностью.

Из каменных орудий найдены 3 гранитных отбойника овальной и шаровидной формы, а также 2 мелких обломка, по-видимому, каменных сверленных топоров (рис. 14, 19—20). Поверхности полированы. Один изготовлен из песчаника, второй из гранита.

Керамика из стоянки представляет значительный интерес. Всего найден 481 фрагмент. Поверхности керамики желто-серого и коричневого цвета. В тесте большая примесь крупного кварца и слюды. Встречается также примесь растительных волокон. Внутренняя поверхность сосудов сглажена зубчатым штампом. Всю керамику по орнаменту можно разделить на несколько групп.

Керамика с гребенчатым орнаментом (246 фрагментов)

170 фрагментов венчиков, стенок и 2 конических дна, по-видимому, от 10—11 сосудов. Орнамент из оттисков гребенки был расположен по всей поверхности сосуда диагональными и горизонтальными рядами и в елочку (рис. 14, 1—6, 8, 9, 11, 14, 16).

52 фрагмента венчиков и стенок, по-видимому, от 2 сосудов. Орнамент из оттисков восьмизубчатого штампа расположен по всей поверхности сосуда. Он образует сетку из перекрещивающихся диагональных оттисков.

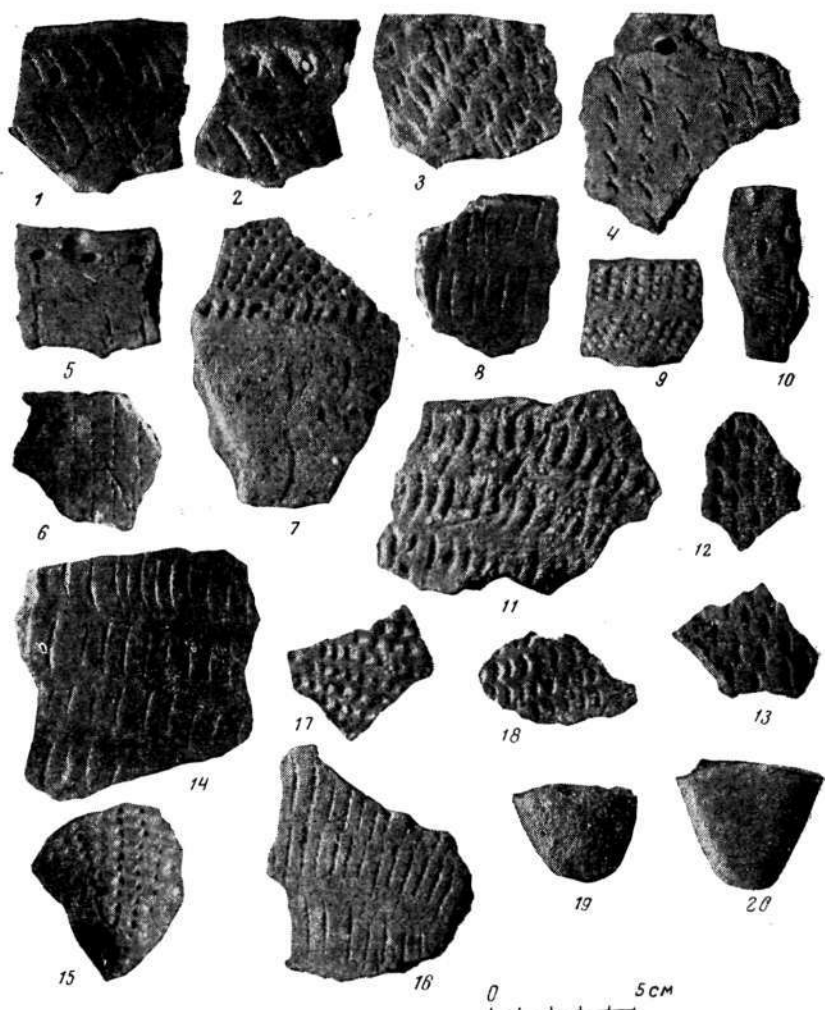

Рис. 14. Оз. Хоршово. Керамика с неолитической стоянки

24 фрагмента венчиков и стенок от 1 сосуда. Орнамент нанесен длинным гребенчатым штампом и концом палочки. Под краем сосуда расположен ряд круглых глубоких ямок, ниже — ряды глубоких вертикальных оттисков гребенчатого штампа, разделенных горизонтальными рядами мелких ямочных вдавлений. Толщина стенок 0,9—1,0 см.

Керамика с ямочным орнаментом
(55 фрагментов от разных сосудов; 4—5 сосудов)

Неглубокие ямочные вдавления нанесены округлым концом палочки. Они расположены горизонтальными рядами по всей поверхности сосуда. Найден также обломок конического дна сосуда с ямочным орнаментом (рис. 14, 10, 12, 13, 15, 17, 18).

Керамика с мелким нарезным орнаментом
(7 фрагментов стенок и венчика)

Орнамент расположен диагональными рядами.

Керамика с «лапчатым» орнаментом
(4 фрагмента)

Орнамент нанесен концом палочки, обмотанной веревочкой.

Найдено 146 фрагментов стенок сосудов без орнамента. Они относятся к разным сосудам, в том числе, по-видимому, и к описанным выше.

На площади раскопа (в кв. 8) на глубине 50 см в слое темно-серого песка обнаружены остатки погребения бронзового века с трупосожжением. Могильная яма не прослеживалась. Здесь найдено небольшое скопление золы, 6 мелких обломков кальцинированных костей (определить их не удалось), развал сосуда, кремневый наконечник копья и наконечник стрелы. Кремень темно-серого цвета.

Наконечник для копья листовидной формы, обработан по всей поверхности струйчатой ретушью. Длина копья 9,6 см. (рис. 2, 2).

Наконечник стрелы треугольной формы с выемкой в основании. Обработан струйчатой ретушью.

От сосуда сохранились 27 мелких фрагментов венчика, стенок и плоского дна. Наружная поверхность сосуда коричневого цвета, внутренняя — темно-серого. На внутренней поверхности следы полосчатого сглаживания. В тесте примесь песка. Сосуд был плоскодонный с округлыми плечиками и прямой шейкой. Орнамент, расположенный по всей поверхности сосуда, состоит из отпечатков линейного штампа. Он образует елочные композиции, чередующиеся с рядами оттисков, поставленных под углом друг к другу (зигзаг). Толщина стенок сосуда 0,5 см (рис. 2, 3).

На площади раскопа найдены также 6 фрагментов керамики бронзового века, близкой к описанному сосуду из погребения. Среди них:

3 фрагмента от разных сосудов. Поверхности коричневого цвета. В тесте примесь песка. Орнамент нанесен линейным штампом;

2 фрагмента стенки сосуда. Поверхности первого коричневого цвета. В тесте примесь песка. Орнамент нанесен оттисками веревочки и неглубокими ямочными вдавлениями. Оттиски веревочки расположены горизонтальными линиями, под ними — серповидные ямочные углубления, образовавшие, по-видимому, дугообразный фестон. Поверхности второго сосуда желто-коричневого цвета. В тесте примесь песка. Орнамент состоит из коротких серповидных оттисков перевитой веревочки;

1 фрагмент плоского дна. Поверхности желто-коричневого цвета. В тесте примесь песка и мелкого кварца. У самого дна расположен ряд коротких оттисков очень тонкого штампа, обмотанного ниткой.

Керамика бронзового века попала в культурный слой, вероятно, во время погребения умершего.

3. СТОЯНКА И КУРГАН В УРОЧ. ПАЛИК

В 400 м к юго-западу от курганов в уроч. Мошка и в 150 м от оз. Хорошово, в пойме левого берега Днепра расположена небольшая возвышенность, известная среди местных жителей под названием Палик. На северо-западной части возвышенности находится неолитическая стоянка. Почти в центре возвышенности, перекрывая край неолитической стоянки, расположен курган.

В 1959 г. на площади стоянки были произведены небольшие раскопки общей площадью 48 кв. м. Культурный слой стоянки толщиной 20—25 см состоит из темно-серого песка. Он начинается сразу же под дерном, на глубине 5—7 см. Культурный слой подстилается слоем желтого мелкозернистого песка с вкраплением коричневого железистого песка. Стоянка однослойная, без каких-либо примесей материала более раннего или более позднего времени. Остатки жилищ или очагов на площади раскопа не обнаружены.

На площади раскопа найдено 30 кремневых орудий и 67 отщепов и кусков кремня. Кремень меловой, темно-серого и серого цвета, довольно высокого качества. Среди кремневых орудий наиболее многочисленны

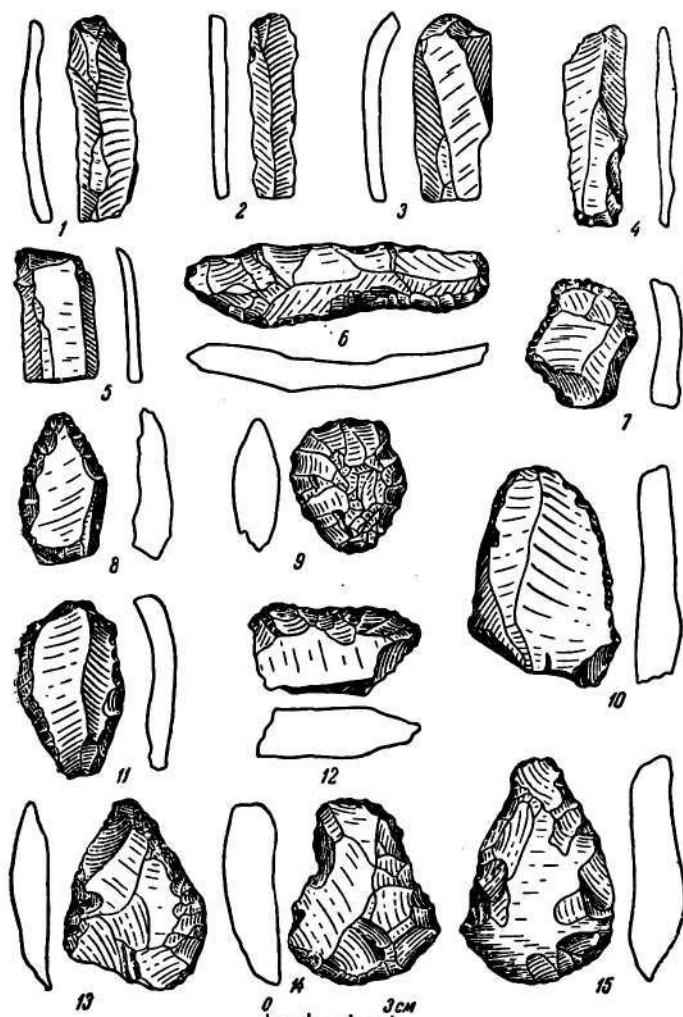

Рис. 15. Уроч. Палик. Кремневый инвентарь с неолитической стоянки

1—6 — ножи; 7, 9—12 — скребки; 8 — заготовка наконечника стрелы или дротика; 13—15 — клиновидные «миниатюрные» топоры

скребки на обломках пластин и на отщепах различной формы. Преобладают концевые скребки на отщепах. Найдено 7 ножевидных пластин. На двух из них лезвие со стороны спинки обработано отжимной ретушью. В слое стоянки найдены также клиновидные топоры (рис. 15).

Обнаружено 454 фрагмента керамики. Среди керамики преобладают сосуды с гребенчатым орнаментом. Найдено 244 фрагмента от 13—14 сосудов. Поверхности их желтого и коричневого цвета. В тесте примесь песка, мелкого кварца и растительных остатков. На обеих поверхностях следы штриховки от сглаживания зубчатым штампом. Среди керамики с гребенчатым орнаментом следует отметить:

182 фрагмента венчиков, стенок и острого дна от 10—11 сосудов. Гребенчатый орнамент расположен горизонтальными и диагональными рядами, а также в елочку (рис. 16, 5). На одном фрагменте отиски гребенки образуют вертикальные ряды из соприкасающихся острыми углами заштрихованных ромбов;

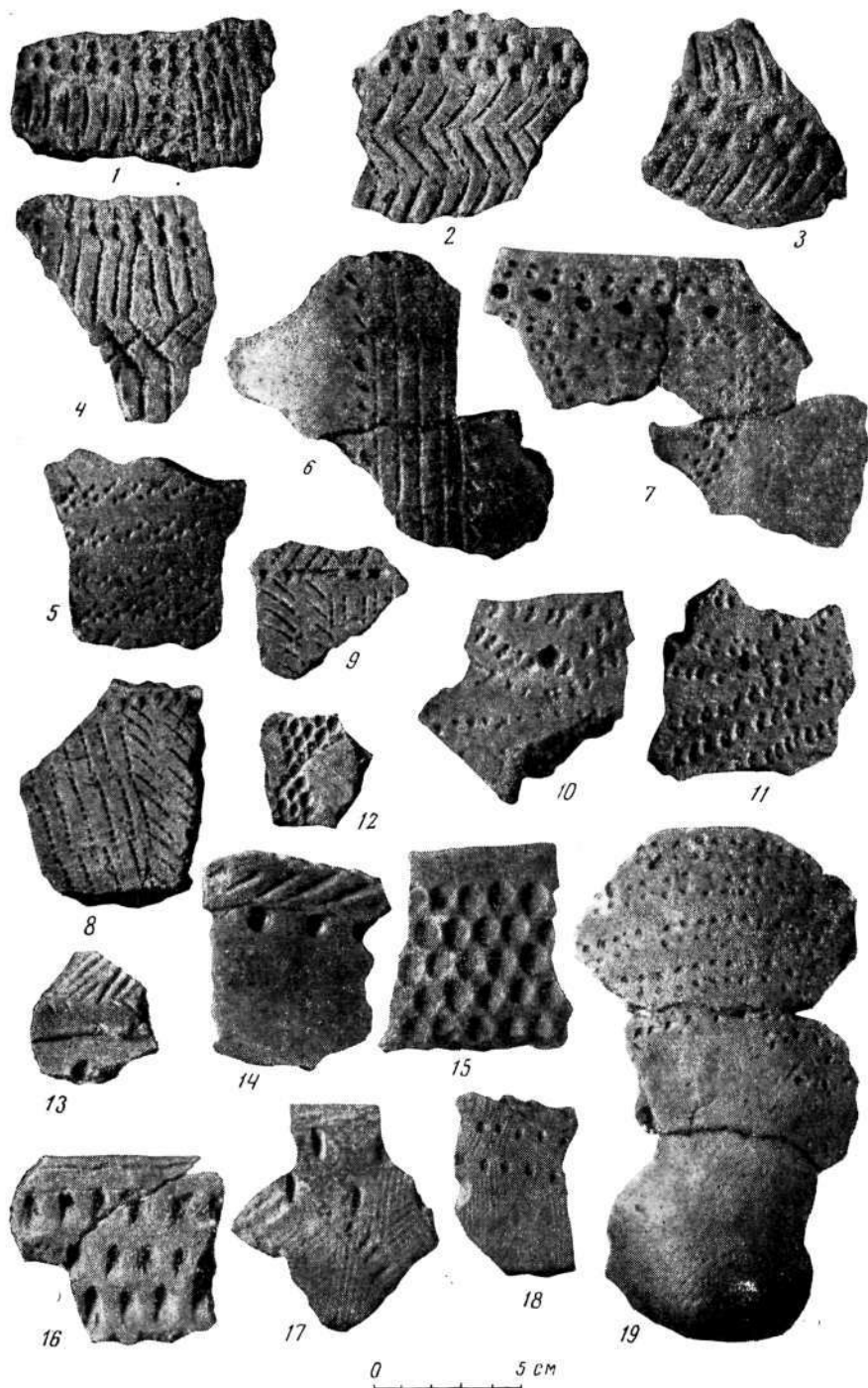

Рис. 16 Уроч. Палик. Керамика с неолитической стоянки

38 фрагментов венчика, стенок и острого дна от одного сосуда. Орнамент нанесен крупным двухзубчатым штампом. Он образует горизонтальные ряды (рис. 16, 19);

18 фрагментов керамики от одного сосуда. Сосуд, по-видимому, был орнаментирован только в верхней части. Под краем расположены два горизонтальных ряда оттисков крупного двухзубчатого штампа, между ними ряд глубоких круглых ямок. Ниже расположены под углом друг к другу диагональные ленты из двойных рядов оттисков крупного двухзубчатого штампа (рис. 16, 7);

На одном фрагменте вертикальные пояса из оттисков гребенки окаймлены рядами диагональных оттисков гребенки (рис. 16, 8, 9).

Керамика с ямочным орнаментом представлена 110 фрагментами от 8—9 сосудов. Поверхности их желтого и коричневого цвета. Тесто с примесью кварца и растительных остатков. Черепки плотные, хорошо обожженные. Орнамент нанесен лопаточкой или округлым концом палочки, поставленной перпендикулярно к поверхности сосуда или под углом (чаще снизу). Он образует горизонтальные ряды или горизонтальные зоны (по четыре — шесть рядов в каждой зоне), разделенные неорнаментированным пространством (рис. 16, 15, 16).

В орнаменте 32 фрагментов керамики от 4 сосудов оттиски гребенки сочетаются с ямочным орнаментом. Среди них 19 фрагментов стенок и острого дна от 1 сосуда. Орнамент нанесен крупной семизубчатой гребенкой и лопаточкой. Он образует горизонтальные зоны из оттисков гребенки в елочку, разделенные двойными рядами оттисков лопаточки (рис. 16, 2, 3).

Значительный интерес представляют 13 фрагментов стенок от 3 сосудов. Орнамент состоит из оттисков гребенки и ямок или мелких углублений. Он образует вертикальные зоны из рядов оттисков гребенки, окаймленных по бокам двойными рядами ямок, мелкими углублениями и вертикальными рядами из оттисков косо поставленной гребенки (рис. 16, 1, 6, 8, 9).

9 фрагментов стенок от трех сосудов орнаментированы лапчатым орнаментом. Он образует горизонтальные ряды и вертикальные ленты ромбов (рис. 16, 12).

18 фрагментов керамики орнаментированы мелкими насечками. Орнамент образует горизонтальные ряды.

2 фрагмента венчиков от разных сосудов имеют валикообразное утолщение под краем — выступающий воротничок. Под краем ряд косых насечек, а под воротничком ряд глубоких круглых ямок. Остальная поверхность не орнаментирована (рис. 16, 13, 14).

Следует отметить еще 2 фрагмента венчиков от разных сосудов. Поверхности их коричневого цвета. В тесте примесь кровавика. Черепки пористые, легкие. Наружная поверхность покрыта густыми перекрещивающимися расчесами, нанесенными семизубчатой гребенкой. На одном фрагменте под краем расположены два ряда мелких углублений, на втором — два ряда овальных ямок, расположенных в шахматном порядке, ниже — диагональные ряды из мелких овальных ямок (рис. 16, 17, 18).

Курган в уроч. Палик, или, как называют его местные жители, курган на лугу, имеет в плане круглую форму. Насыпь расплывшаяся. По сообщению местных жителей, в половодье курган затопляется до половины его высоты. Высота кургана 1,2 м, диаметр 20. Курган раскопан в 1960 г. По цвету почвы насыпь кургана неоднородная. В связи с тем, что для насыпи западной части кургана использовался культурный слой неолитической стоянки, насыпь этой части кургана состоит из темно-серого песка, а насыпь восточной части кургана состоит из желтого песка.

В насыпи западной части кургана и в сохранившемся под насыпью культурном слое неолитической стоянки толщиной 20 см найдены 506

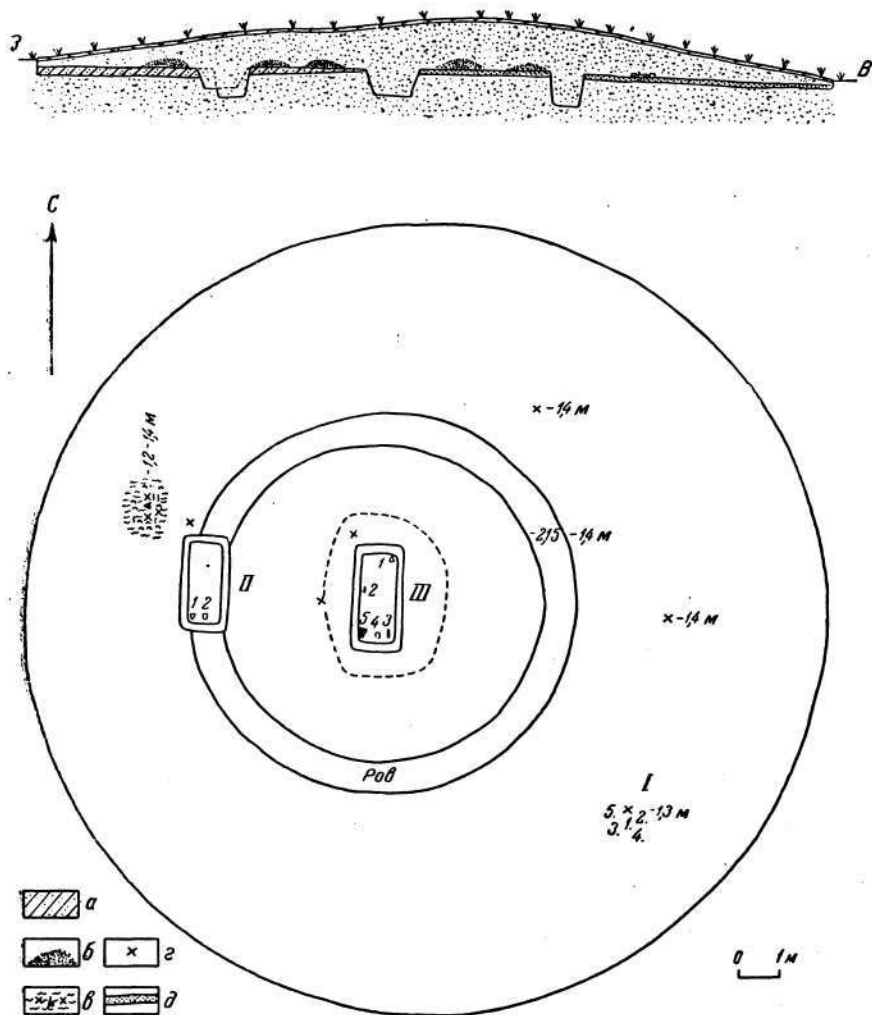

Рис. 17. Уроч. Палик. Профиль и план кургана

a — культурный слой неолитической стоянки; *b* — выкид; *c* — кострище с скоплением створок речных раковин и костей животных; *d* — кости животных; *e* — древний горизонт. I — погребение 1: 1 — топор, 2—4—сосуды, 5 — ножи; II — погребение 2: 1 — кремневый топор, 2 — сосуд; III — погребение 3: 1 — кремневый топор, 2 — медное шило, 3 — кремневый нож, 4 — сосуд, 5 — отщепы кремня; глубина отдельных находок обозначена цифрами

фрагментов неолитической керамики, 39 кремневых и каменных орудий, отщепы кремня, а также фрагменты керамики бронзового века. В насыпи восточной части кургана встречались только фрагменты керамики бронзового века. Неолитическая керамика и кремневые орудия из насыпи кургана совершенно аналогичны керамике и кремневым орудиям, найденным при раскопках стоянки в 1959 г.

Кроме неолитической керамики, в насыпи кургана найдено 46 фрагментов керамики бронзового века, которая резко отличается от неолитической керамики и относится к среднеднепровской культуре. В насыпь она попала, по-видимому, во время сооружения кургана.

Под курганом обнаружено три погребения (рис. 17).

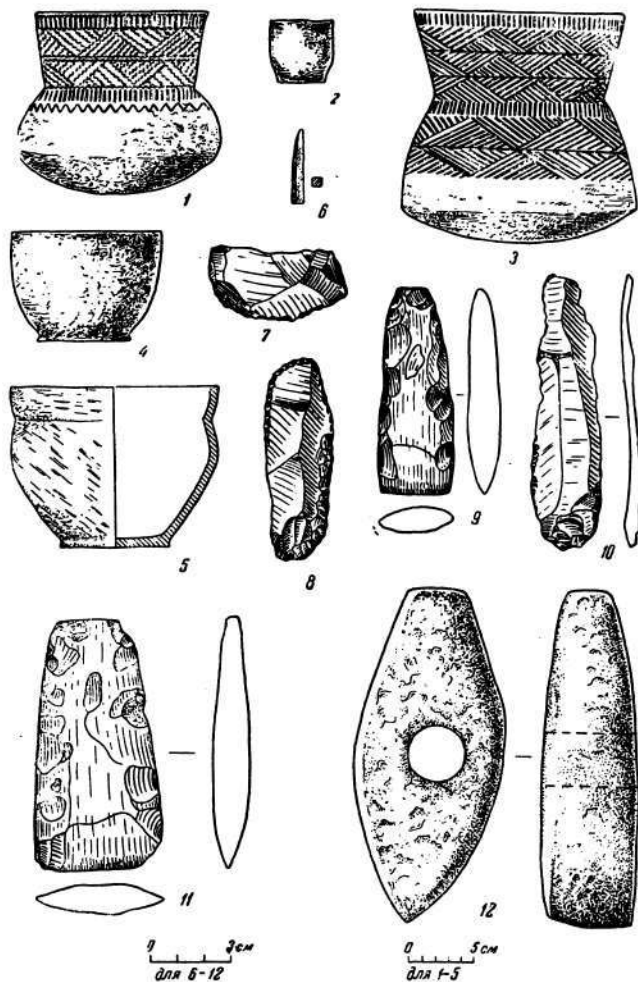

Рис. 18. Уроч. Палик. Инвентарь погребений
 Погребение 1: 2, 4, 5 — сосуды; 7, 8 — кремневые ножи; 12 — каменный топор. Погребение 2: 1 — сосуд; 11 — кремневый клиновидный топор. Погребение 3: 3 — сосуд; 6 — медное шило; 9 — кремневый клиновидный топор; 10 — кремневый нож

Погребение 1. В 7,3 м от центра кургана к юго-востоку, на глубине 1,2 м от вершины, на древнем горизонте, обнаружен погребальный инвентарь, расположение которого позволяет говорить о наличии здесь вводного погребения. Могильная яма не прослеживалась, костяк не сохранился. В состав могильного инвентаря входят:

каменный сверленный узкообушной топор (обухом ориентирован на восток) длиной 12 см (рис. 18, 12);

глиняный лепной плоскодонный бокальчик цилиндрической формы. Он стоял в 22 см к югу от топора. Высота его — 5 см, диаметр венчика 4,5 см, диаметр дна 3 см (рис. 18, 2);

плоскодонный сосуд баночной формы. Он стоял рядом с каменным топором, с западной его стороны. Поверхности сосуда желтого цвета, в тесте примесь песка. На обеих поверхностях следы штриховки от сглаживания, по-видимому, травой. Сосуд не орнаментирован. Высота сосуда 9 см, диаметр венчика 11,3 см, диаметр тулова 11,7 см, диаметр дна 7,2 см (рис. 18, 4). Рядом с сосудом лежали кости какой-то птицы и одна кость бобра;

плоскодонный глиняный лепной сосуд с выпуклым туловом и короткой прямой шейкой. Он стоял в 15 см к северо-востоку от каменного топора. Сосуд был опрокинут вверх дном. Поверхности сосуда желтого цвета, в тесте примесь песка. На обеих поверхностях следы штриховки от сглаживания, по-видимому, травой. Сосуд не орнаментирован. Высота сосуда 11,9 см, диаметр венчика 15 см, диаметр дна 8 см (рис. 18, 5);

в 48 см к юго-западу от второго сосуда найдены 2 кремневых ножа и 5 отщепов кремня, сложенные вместе (рис. 18, 7, 8).

В восточной части кургана на глубине 1,4 м от вершины, а в западной — на глубине 1,6 м на фоне желтого песка, под культурным слоем неолитической стоянки, хорошо прослеживался ров, расположенный по кругу. Ров окружал первоначальную насыпь кургана. Диаметр рва 7,5 м, ширина 0,8 м, глубина 0,95 м. Книзу ров суживался (рис. 17).

В 5 м от центра кургана, в 2 м от западной бровки к северо-северо-западу на глубине 1,4 м от вершины, над культурным слоем неолитической стоянки, обнаружено скопление обожженных речных раковин, золы и мелких углей. При расчистке этого скопления в нем найдены кости домашних животных: лошади, крупного и мелкого рогатого скота и свиньи. Кроме того, найдены кости диких животных: кабана и бобра. Кости лошади и крупного рогатого скота были найдены и у могильной ямы погребения 2. В скоплении раковин и золы, кроме костей животных, найдены 30 фрагментов стенок, венчика и плоского дна от одного глиняного лепного сосуда. Поверхности сосуда желтого цвета. В тесте большая примесь песка и мелкого кварца. На обеих поверхностях следы штриховки от сглаживания, по-видимому, травой. Сосуд орнаментирован только в верхней части. Под краем венчика расположены перекрещивающиеся, а ниже — косые прочерченные линии.

Погребение 2. В 1 м к югу от скопления раковин и золы и в 5 м к западу от центра кургана на глубине 1,6 м от вершины, под культурным слоем неолитической стоянки, на фоне желтого песка хорошо прослеживалось пятно могильной ямы погребения 2. Пятно было темно-серого цвета. После его расчистки обнаружилась могильная яма прямоугольной формы с округленными углами, ориентированная по длине с юга на север. Длина могилы 2,3 м, ширина 1,2 м, глубина от уровня древнего горизонта 0,7 м (от вершины кургана 2,1 м). Могильная яма разрезала по длине ров. На дне могильной ямы, в южном ее конце, найден кремневый клиновидный полированный топор, линзовидный в сечении (рис. 18, 11), и глиняный лепной сосуд с уплощенным дном, округлым туловом и высокой прямой шейкой. Сосуд орнаментирован только в верхней части по шейке и плечикам. Орнамент состоит из двух рядов отпечатков линейного штампа, между которыми расположены два ряда отпечатков веревочки, образующих соприкасающиеся сторонами заштрихованные треугольники. Ниже расположены мелкие ямочные углубления, образующие горизонтальный зигзаг. Высота сосуда 16 см, диаметр венчика 13,4 см, диаметр шейки 10,5 см, диаметр тулова 14,5 см (рис. 18, 1).

Погребение 3. В центре кургана на глубине 1,4 м от вершины кургана обнаружено пятно могильной ямы погребения 3. Пятно темно-серого цвета с большим количеством золы и мелких углей. По-видимому, над могильной ямой раскладывался костер. Могильная яма прямоугольной формы с округленными углами ориентирована по длине с юга на север. Длина ямы 2,7 м, ширина 1,2 м, глубина 0,6 м (от вершины кургана 2 м). Книзу яма суживалась и ее длина составляла 2,2 м, ширина 0,9 м. С северной и восточной сторон у могильной ямы найдены обломки костей лошади. На дне могильной ямы, у западной стенки южного ее конца, найдены 69 отщепов кремня и обломков кремневого ножа, лежавшие кучкой. В южном конце ямы, посередине, находился глиняный лепной колоколовидной формы сосуд с уплощенным дном. Поверхности со-

суда темно-серого цвета, в тесте примесь песка. На $\frac{2}{3}$ высоты поверхность сосуда орнаментирована нарезными линиями, образующими пояса из соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников. Высота 18 см, диаметр венчика 16,1 см, диаметр шейки 12,7 см, диаметр тулова 16,7 см (рис. 18, 3). С восточной стороны сосуда найден кремневый нож длиной 10,5 см (рис. 18, 10). У середины западной стенки ямы найден обломок медного четырехгранного шила (рис. 18, 6).

В северном конце ямы, у северо-восточного ее угла, найден кремневый полированный клиновидный топорик (рис. 18, 9). Скелет не сохранился, но с северной стороны сосуда, ближе к восточной стенке, найден обломок трубчатой кости, свидетельствующий о том, что в могиле было трупоположение.

4. НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА И КУРГАНЫ У оз. ДЕДНОЕ

В 6 км к юго-западу от с. Ходосовичи и в 1,5 км к югу от курганов в уроч. Мошка, на берегу оз. Дедное, у края боровой террасы расположены 2 кургана, раскопанные Белорусским отрядом в 1961 г. Курганы насыпаны на площади неолитической стоянки. В насыпи курганов найдены кремневые орудия, отщепы кремня и фрагменты неолитической керамики. Всего в насыпи двух курганов найдено 80 кремневых орудий и 335 фрагментов неолитической керамики.

Сыръем для изготовления кремневых орудий служил местный меловой кремень темно-серого цвета. Кремневый инвентарь состоит из 7 нуклеусов, скребла, клиновидного топорика, наконечника стрелы, сверла, 30 скребков и 39 ножевидных пластин.

Нуклеусы двух типов — призматические и конические. Преобладает коническая форма. Верхняя площадка этих нуклеусов образована одним большим сколом и не имеет следов подправки.

Скребло изготовлено из массивного куска кремня. Лезвие оформлено короткими широкими сколами.

Миниатюрный клиновидный топорик треугольной формы. Лезвие со стороны спинки оформлено короткими широкими сколами.

Наконечник стрелы листовидной формы с пильчатой ретушью.

Сверло изготовлено из пластинки шириной 1 см. Длина рабочей части сверла 1 см, диаметр 0,7 см. Сверла этого типа употреблялись, по-видимому, для работы по дереву и кости.

Скребки изготовлены из отщепов разной формы, часто с сохранившейся меловой коркой. Имеются также 4 концевых скребка на пластинах и массивных отщепах и 1 скребок трапециевидной формы с круговой ретушью.

Наиболее массовым типом кремневого инвентаря являются ножевидные пластины длиной 3—7 см, шириной 0,8—1,4 см, четыре из них обработаны со стороны спинки краевой ретушью.

Неолитическая керамика из насыпи курганов серого, желтого и красного цветов. В тесте примесь песка и кварца. Встречается также и растительная примесь — трава. Обе поверхности большинства фрагментов хорошо заглажены, но встречаются фрагменты керамики, у которых внутренняя, а у некоторых и внешняя поверхность сглажена зубчатым штампом. Черепки плотные, крепкие. Сосуды были остродонные с слегка сведенными внутрь в верхней части стенками и с прямым или немного отогнутым наружу венчиком. Края венчика тоньше стенок, иногда ровно срезанные. На некоторых сосудах края венчика украшены насечками или ямочными вдавлениями. Большинство сосудов, по-видимому, было орнаментировано по всей поверхности. На нескольких сосудах орнамент располагался только под венчиком. В орнаментации керамики преобладают оттиски гребенки. В насыпи курганов встречено 164 фрагмента керамики от 25—27 сосудов, украшенных гребенчатым орнаментом, который обра-

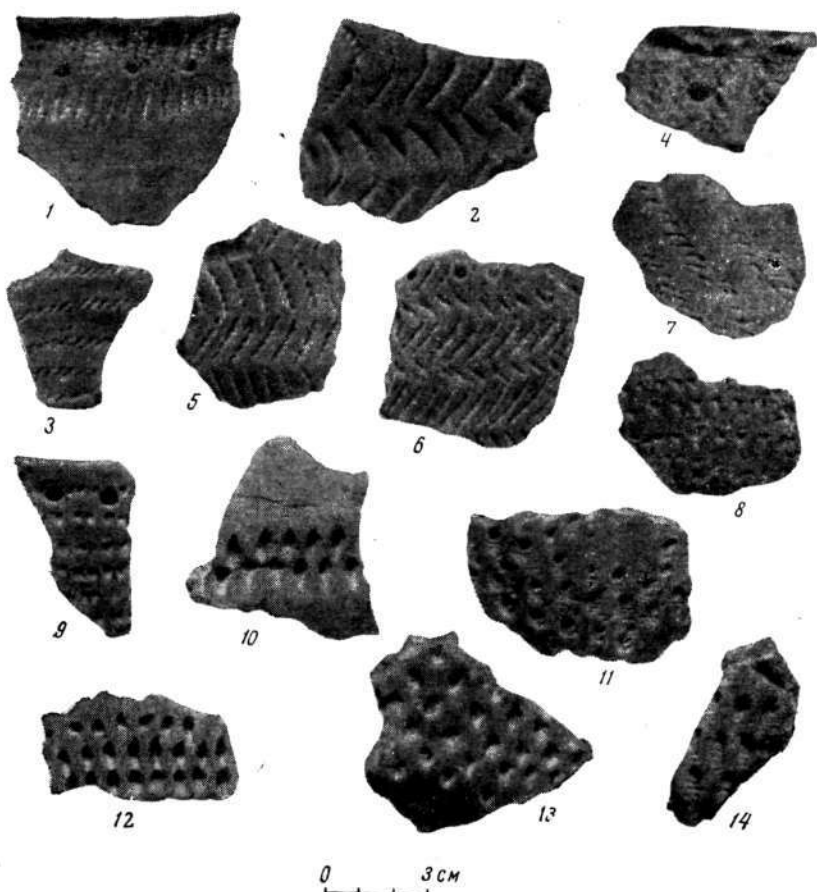

Рис. 19. Оз. Дедное. Неолитическая керамика из насыпи курганов среднеднепровской культуры

зует горизонтальные и диагональные ряды, композиции из «елочек», вертикальные ряды (сетку). (Рис. 19, 1—5).

На 8 фрагментах керамики наблюдается зональность в расположении орнамента. Горизонтальные ряды оттисков косо поставленной двенадцатизубчатой гребенки разделены на зоны рядом оттисков горизонтально поставленной гребенки или ряды оттисков гребенки разделены луновидными и мелкими ямочными вдавлениями (рис. 19, 6). 45 фрагментов керамики от 7—8 сосудов украшены мелкими, редко расположенными ямочными наколами, а также наколами, нанесенными по типу отступающей лопаточки (рис. 19, 9, 13).

Несколько фрагментов венчика орнаментированы только под краем двумя рядами глубоких круглых ямок, расположенных в шахматном порядке.

Встречены 3 фрагмента керамики с треугольно-накольчатым орнаментом, образующим горизонтальные ряды (рис. 19, 8).

Керамика с лапчатым орнаментом представлена 74 фрагментами от 13—14 сосудов. Орнамент расположен горизонтальными рядами сплошь по всей поверхности сосудов или горизонтальными зонами, разделенными неорнаментированным пространством (по два ряда оттисков в каждой зоне) (рис. 19, 10—12, 14).

9 фрагментов керамики от 5 сосудов украшены нарезным орнаментом. Он образует диагональные ряды, елочные композиции, диагональные и

горизонтальные зоны, разделенные неорнаментированным пространством (рис. 19, 7).

1 фрагмент керамики украшен нарезными линиями, образующими сетку.

Кроме кремневых изделий и неолитической керамики, в насыпи курганов 1 и 2 у оз. Дедное встречены также фрагменты керамики эпохи бронзы. В насыпи кургана 1 найдено 20 фрагментов от 8 сосудов эпохи бронзы. Поверхности их желтого и серого цвета. В тесте большая примесь песка. На внутренней, а на некоторых фрагментах и на наружной поверхности наблюдается тонкая штриховка от сглаживания, по-видимому, травой. Орнамент состоит из отпечатков веревочки, линейного штампа и нарезных линий. Он образует горизонтальные ряды, елочные композиции и соприкасающиеся сторонами заштрихованные треугольники.

В насыпи кургана 2 встречено 10 фрагментов керамики эпохи бронзы. Среди них — 1 фрагмент плоского дна и 9 фрагментов стенок от разных сосудов. Керамика украшена отпечатками веревочки и нарезными линиями. Несколько фрагментов керамики не орнаментированы. На обеих поверхностях этих фрагментов имеется штриховка от сглаживания, по-видимому, травой.

Керамика эпохи бронзы попала в насыпь курганов, вероятно, во время их сооружения. Судя по составу теста и орнаменту, эта керамика относится к среднеднепровской культуре и одновременно керамике из погребений.

Курган 1

Курган в плане имеет круглую форму. Диаметр насыпи 14 м, высота 1 м. В центре кургана был дзот, соединявшийся к востоку с окопами ходом сообщения. Глубина дзота 2,8 м.

При сооружении дзота центральное погребение, по-видимому, было разрушено, так как под курганной насыпью могильная яма не обнаружена.

В 5,57 м к юго-западу от центра кургана на глубине 1,40 м от его вершины, на уровне древнего горизонта, обнаружено вводное погребение. Скелет и погребальный инвентарь находились на слое золы толщиной 5—7 см, занимавшем площадь $2,4 \times 1,3$ м. Под золой почва сильно обожжена. От скелета сохранились лишь нижняя челюсть с зубами, кости правой руки и ног.

Покойник был положен на левый бок в скорченном положении. Головой ориентирован на север. Правая рука согнута в локте и кистью положена к лицу. Плечевая кость левой руки находилась в анатомическом порядке, а кости предплечья оказались рядом с сосудами, поставленными у ног погребенного (рис. 20).

В 53 см к северу от черепа обнаружены фрагменты двух глиняных сосудов. Первый сосуд с короткой, отогнутой наружу шейкой, овально-округлым, слегка вытянутым туловом и уплощенным дном. Наружная поверхность сосуда желтого цвета. В тесте примесь песка. Поверхности сосуда хорошо заглажены. Орнамент, расположенный только в верхней части сосуда, состоит из оттисков линейного штампа. Высота сосуда 23 см, диаметр венчика 20 см (рис. 21, 17).

Второй сосуд с короткой, слегка отогнутой наружу шейкой, удлиненно-округлым туловом и уплощенным дном. Поверхности сосуда желтого цвета, в тесте большая примесь песка и мелкого кварца. На обеих поверхностях густая штриховка от сглаживания, по-видимому, травой. Орнамент, расположенный только по шейке, состоит из трех рядов коротких нарезных линий, образующих елочку. Высота сосуда 21 см, диаметр венчика 17 см (рис. 21, 16).

У ног погребенного, к югу от колен, обнаружены фрагменты еще четырех сосудов, стоявших в один ряд. Первый сосуд представляет собой маленькую плоскодонную баночку с суживающимися кверху стенками. Поверхности сосуда желтого цвета, в тесте примесь песка и мелкого кварца. На обеих поверхностях тонкие штрихи от сглаживания, по-видимому,

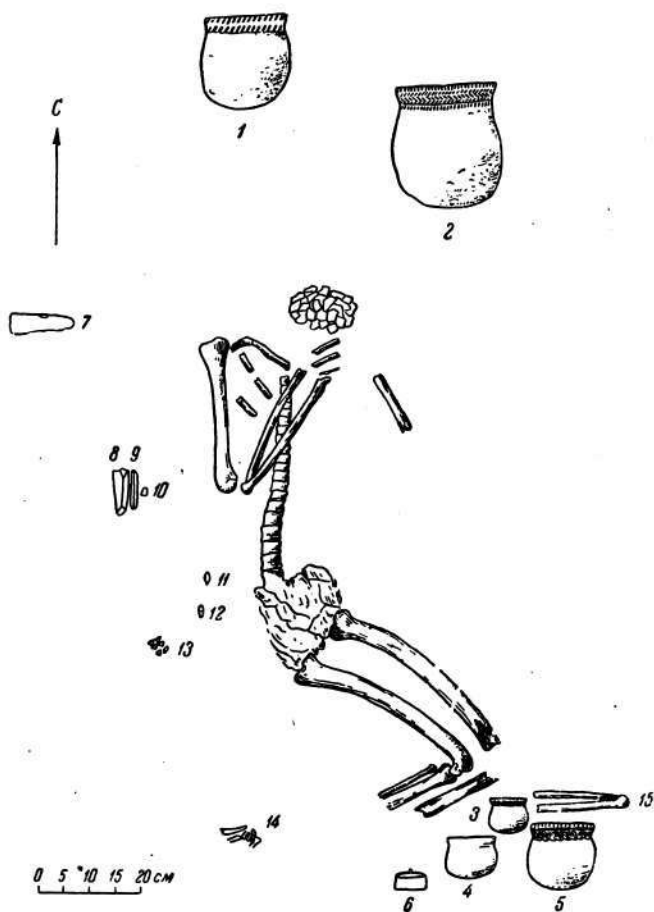

Рис. 20. Оз. Дедное. План расположения инвентаря в погребении 1 кургана 1

1-6 — глиняные сосуды; 7 — каменный топор; 8, 9 — кремневые ножи; 10 — высверлина от каменного топора; 11 — кремневый резец; 12 — обломок ножа; 13 — наконечники стрел; 14, 15 — кости животных

травой. Сосуд не орнаментирован. Высота сосуда 4,6 см, диаметр венчика 9 см, диаметр дна 9,6 см (рис. 21, 15).

Второй сосуд с короткой, отогнутой наружу шейкой, округлым туловом и уплощенным дном. Поверхности сосуда коричневатого-красного цвета. В тесте большая примесь песка и мелкого кварца. Сосуд орнаментирован только в верхней части. Орнамент состоит из рядов соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников, разделенных горизонтальными линиями из оттисков веревочки.

Третий сосуд с коротким прямым венчиком и округлым туловом. Поверхности желтого цвета, в тесте примесь песка. Сосуд не орнаментирован.

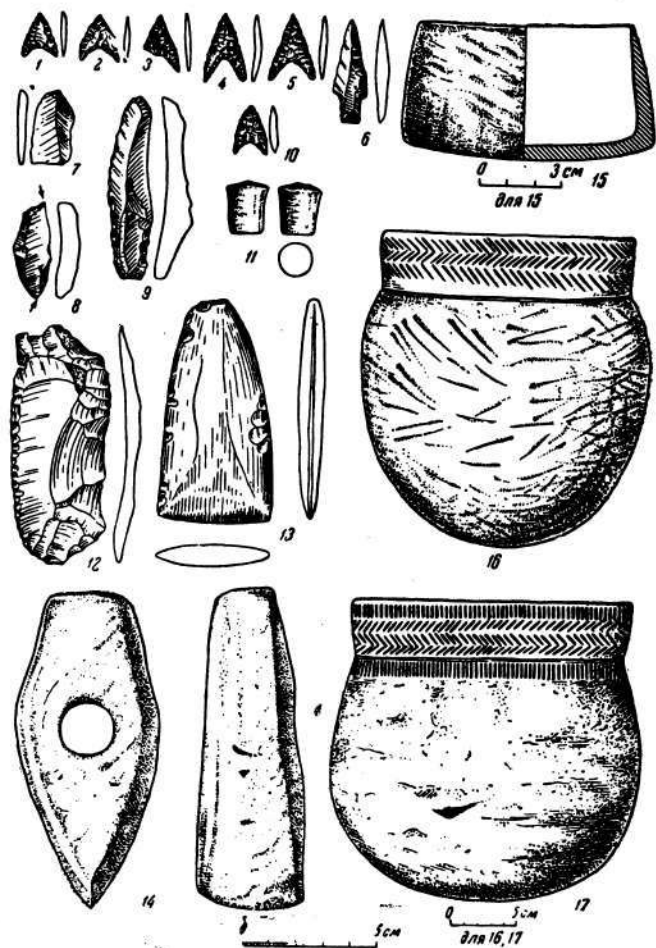

Рис. 21. Оз. Дедное. Инвентарь погребений курганов 1 и 2

1—6 — кремневые наконечники стрел; 7 — обломок ножа; 8 — резец; 9, 12 — ножи; 10 — наконечник стрелы; 11 — высверлина от каменного топора; 13 — кремневый клиновидный топор; 14 — каменный топор; 15—17 — глиняные сосуды

Четвертый сосуд, вероятно, был круглодонный с округлым туловом и короткой прямой шейкой. Поверхности сосуда красного цвета, в тесте большая примесь песка. Орнамент, расположенный в верхней части сосуда, состоит из соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников. Пятый и шестой сосуды были разбиты на мелкие фрагменты, и реставрировать их не удалось.

В 47 см к западу от черепа найден каменный сверленный топор. Длина топора 12 см (рис. 21, 14).

В 36 см к югу от топора обнаружены два кремневых ножа и высверлина от каменного топора (рис. 21, 9, 11, 12).

В 23 см к югу от ножей найдены 6 кремневых наконечников стрел. Наконечники стрел двух типов: 5 наконечников треугольной формы с выемкой в основании (рис. 21, 1—5) и 1 наконечник треугольной формы с черешком (рис. 21, 6).

У ног погребенного, к западу от сосудов, найден кусок рога лося, кости свиньи и кабана.

Курган 2

Курган расположен в 20 м к северу от кургана 1. Диаметр насыпи 10 м, высота 0,8 м. В центре кургана был дзот, соединявшийся к северо-востоку с окопами ходом сообщения. Глубина дзота 2,3 м.

В 2,4 м к северо-востоку от центра кургана на уровне древнего горизонта найден кремневый клиновидный топор, линзовидный в сечении. Длина топора 8 см, ширина лезвия 4,4 см (рис. 21, 13). В 1,5 м к северу от топора обнаружен кремневый треугольный наконечник стрелы с выемкой в основании (рис. 21, 10). Возможно, эти находки относятся к вводу погребению, костяк которого не сохранился.

В 50 см к востоку от центра кургана на уровне древнего горизонта появилось зольное пятно размером $3 \times 2,5$ м. Создается впечатление, что здесь был большой костер. После расчистки зольного пятна была обнаружена могильная яма овальной формы. Могила ориентирована по длине с востока на запад. Длина могилы 2 м, ширина 1,2 м, глубина 1,4 м. Книзу могила суживалась и ее длина составляла 1,4 м, ширина 0,8 м.

Заполнение могилы состояло из обожженного песка с мелкими углями, а также серовато-белого песка, который залегает обычно на глубине 1,2—1,3 м от уровня древнего горизонта. На дне могилы хорошо прослеживалась подсыпка из золы. Скелет не сохранился. Вещей нет. Судя по размерам могильной ямы, можно предполагать, что здесь было детское захоронение.

5. КУРГАНЫ В УРОЧ. СЕРГЕЕВА ГРИВА

Уроч. Сергеева Грива расположено между озерами Каменное и Дедное. Оно представляет собой длинные песчаные всхолмления (гривы), поросшие лесом. В уроч. Сергеева Грива обнаружено 5 курганов; четыре из них расположены цепочкой по краю боровой террасы, а один — в 300 м к востоку от них. В 1962 г. в уроч. Сергеева Грива было раскопано 3 кургана.

Курган 1

Высота кургана 1,4 м, диаметр 16 м. Насыпь кургана округлая с хорошо выраженными склонами. В насыпи изредка встречались фрагменты керамики эпохи неолита и бронзы. Культурный слой неолитической стоянки не обнаружен; возможно, здесь было место временной остановки населения эпохи неолита.

В 6 м к югу от центра кургана на поверхности погребенной почвы обнаружен обломок большого каменного лопастного топора фатьяновского типа.

Под насыпью кургана на поверхности погребенной почвы было обнаружено пять погребений (рис. 22). Из них только погребение 3 является основным, все остальные погребения — вводные.

Погребение 1 обнаружено в 5,3 м к востоку от центра кургана. Могила овальной формы ориентирована по длине с юга на север. Длина могилы 2,2 м, ширина 1,15 м, глубина 0,6 м (от вершины кургана 2,2 м). Книзу могила суживалась и длина ее составляла 1,8 м, ширина 0,8 м. Скелет не сохранился. В могиле обнаружен глиняный сосуд, стоявший в северо-западном углу вверх дном. На обеих поверхностях имеется тонкая штриховка от сглаживания, по-видимому, травой. Орнамент, расположенный только по шейке и плечикам, состоит из отпечатков веревочки и коротких насечек. Высота сосуда 12,5 см, диаметр венчика 15,5 см, диаметр дна 7,5 см (рис. 23, 14).

В центре кургана на глубине 1,6 м было обнаружено большое пятно неправильной овальной формы с темно-серым золистым заполнением,

внутри которого хорошо выделялось второе пятно прямоугольной формы, темно-коричневого цвета. Здесь встречен интересный и довольно редкий случай, когда, в могиле основного погребения (погребение 3), не нарушая его, произведено вводное захоронение (погребение 2). Дно могилы вводного погребения находилось на 0,45 м выше дна могилы основного погребения.

Погребение 2. Могила прямоугольной формы ориентирована по длине с юга на север. Длина могилы 2,1 м, ширина 1 м, глубина от уровня погребенной почвы 0,5 м, от вершины кургана 2,1 м. Скелет в могиле не сохранился, но погребальный инвентарь представляет значительный интерес.

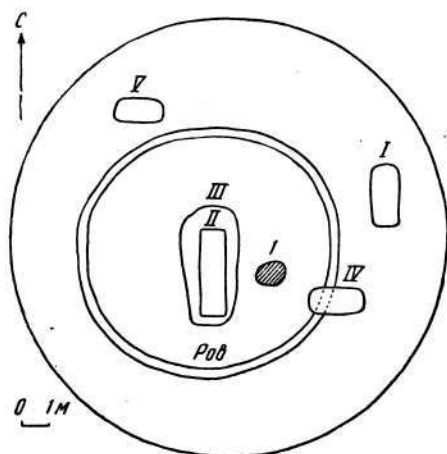

Рис. 22. Уроч. Сергеева Грива. План кургана 1

I — погребение 1, II — погребение 2; III — погребение 3, IV — погребение 4; V — погребение 5.
I — кострище

В 0,28 м от южной стенки, ближе к северо-западному углу могилы обнаружен стоявший вверх дном большой глиняный сосуд с слегка уплощенным дном. удлинненно-овальным туловом и высокой прямой, отогнутой наружу шейкой. Орнамент, расположенный по шейке и плечикам, состоит из отпечатков веревочки, линейного штампа и нарезных линий. Высота сосуда 22,5 см, диаметр венчика 19 см (рис. 23, 15).

В 8 см к юго-востоку от сосуда обнаружено 60 отщепов крем-

ня, 3 кремневых наконечника стрел с незаконченной обработкой (рис. 23, 1—3) и кремневое сверло (рис. 23, 9).

В 0,2 м к юго-востоку от сосуда, у южной стенки найден кремневый, тщательно полированный клиновидный топор, овальный в сечении, лежащий лезвием к стенке могилы. Длина топора 8 см, ширина лезвия 3,8 см (рис. 23, 11).

В 0,22 м от юго-восточного угла, у восточной стенки могилы обнаружена маленькая круглодонная чашечка с почти прямыми стенками и штриховкой на обеих поверхностях. Высота 4,7 см, диаметр венчика 7,5 см (рис. 23, 10).

В 1,38 м от южной и в 0,1 м от западной стенки могилы найден обломок медного четырехгранного шила (рис. 23, 7) и 3 кремневых наконечника стрел треугольной формы с выемкой в основании (рис. 23, 4—6).

В 0,49 м от северной и в 0,3 м от восточной стенки могилы обнаружен кремневый нож с ретушью (рис. 23, 8).

Погребение 3. Могила неправильной овальной формы ориентирована по длине с юга на север. Длина могилы 3,4 м, ширина 2,15 м, глубина 0,95 м (от вершины кургана 2,55 м). Книзу могила суживалась и длина ее составляла 3 м, ширина 1,85 м. Скелет не сохранился.

В могиле найдены следующие предметы: высокий плоскодонный сосуд с короткой, отогнутой наружу шейкой и штриховкой на обеих поверхностях, орнаментированный отпечатками линейного штампа и нарезными линиями. Высота сосуда 23,5 м, диаметр венчика 19 см, диаметр дна 7—7,5 см (рис. 23, 16). Сосуд стоял вверх дном в 0,57 м от южной и в 0,5 м от восточной стенки могилы. Рядом с сосудом обнаружено 10 отщепов кремня.

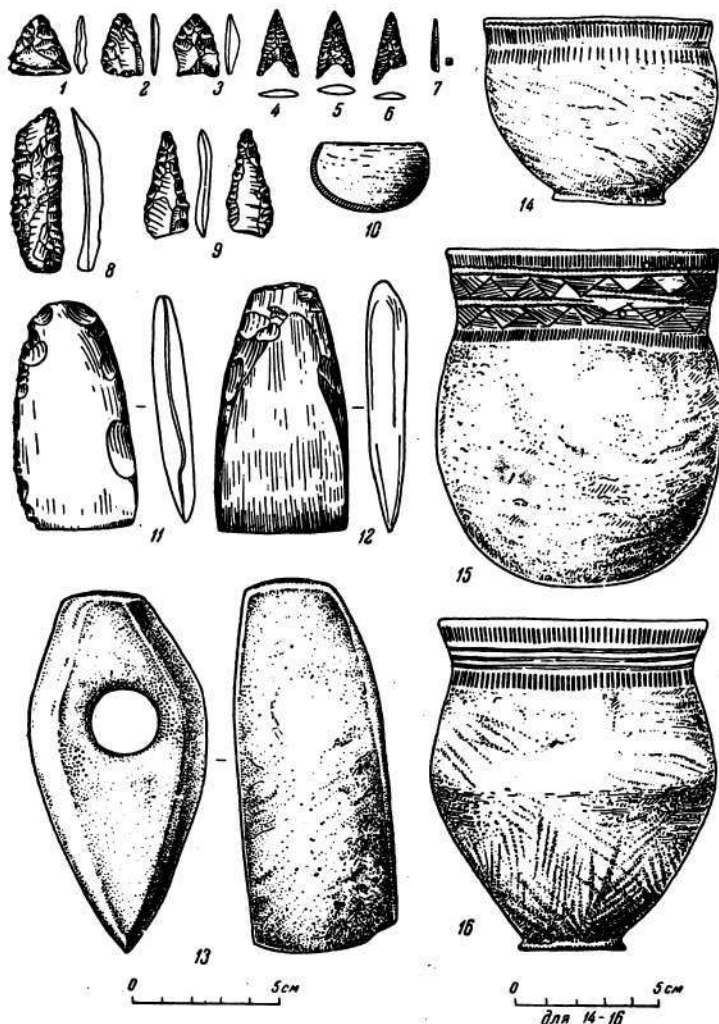

Рис. 23. Уроч. Сергеева Грива. Инвентарь погребений из кургана 1

Погребение 1: 14 — глиняный сосуд. Погребение 2: 1—6 — кремневые наконечники стрел; 7 — обломок медного шила; 8 — кремневый нож; 9 — кремневое сверло; 10, 15 — глиняные сосуды; 11 — кремневый клиновидный топор. Погребение 3: 12 — кремневый клиновидный топор; 13 — каменный топор; 16 — глиняный сосуд

Кремневый клиновидный полированный топор, овальный в сечении: обнаружен в 1,22 м от южной и в 0,65 м от восточной стенки могилы. Длина топора 9 см, ширина лезвия 4,4 см (рис. 23, 12);

каменный сверленный топор, лежавший обухом к западу в 0,77 м от северной и в 0,52 м от восточной стенки могилы. Длина топора 13 см, ширина лезвия 5,3 см, диаметр отверстия 2,7 см, длина отверстия 5,2 см (рис. 23, 13).

На поверхности погребенной почвы был обнаружен ров, окружающий первоначальную насыпь кургана, сооруженную над погребением 3. Земля в пределах рва была обожжена. Диаметр рва 8—8,5 м, ширина 0,4 м, глубина 0,5 м (рис. 22).

Погребение 4 обнаружено в 3,8 м к юго-востоку от центра кургана. Могила овальной формы ориентирована по длине с востока на

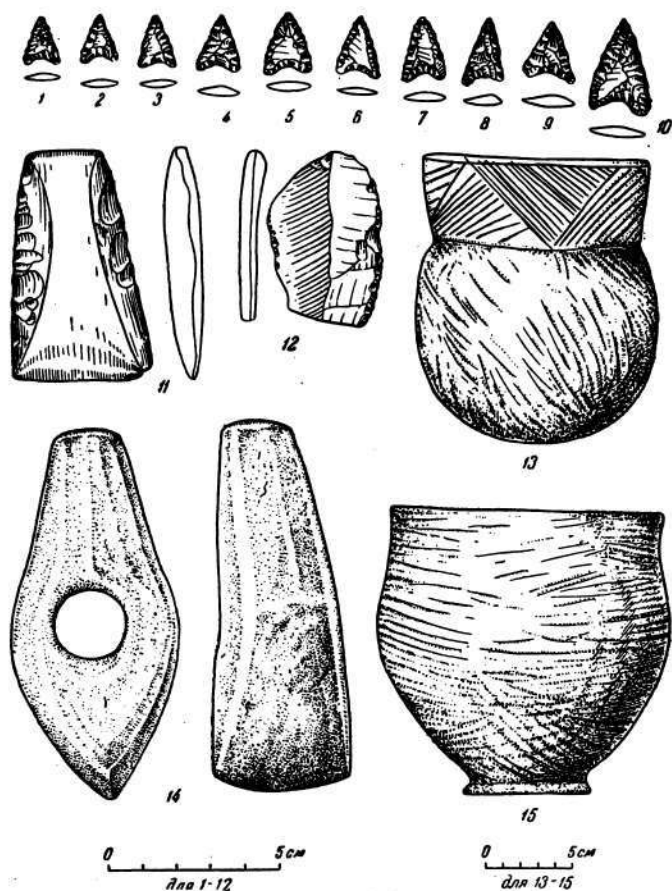

Рис. 24. Уроч. Сергеева Грива. Инвентарь погребений кургана 2
 1—10 — кремневые наконечники стрел; 11 — кремневый клиновидный топор;
 12 — кремневый нож, 13 — глиняный сосуд из разрушенного погребения;
 14 — каменный топор; 15 — глиняный сосуд из погребения 1

запад. Западная часть могилы прорезала ров. Длина могилы 2 м, ширина 1 м, глубина 0,7 м. Книзу могила суживалась и длина ее составляла 1,5, ширина 0,65 м. В могиле ничего не найдено. Судя по размерам могилы, можно предполагать, что здесь было детское захоронение.

Погребение 5 обнаружено в 4,2 м к северо-северо-западу от центра кургана. Могила овальной формы ориентирована по длине с востока на запад. Длина могилы 1,8 м, ширина 1 м, глубина 0,6 м. Книзу могила суживалась и длина ее составляла 1,4 м, ширина 0,7 м. В могиле ничего не найдено. Судя по размерам могилы, здесь также было детское захоронение.

Курган 2

Насыпь кургана совершенно разрушена блиндажом и траншеей в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Предполагаемый диаметр кургана 9 м.

В выкиде почвы обнаружены фрагменты керамики от одного сосуда, который удалось реставрировать. Сосуд круглодонный с округлым туловом и высокой прямой шейкой. На обеих поверхностях следы штри-

ховки от сглаживания травой. Орнамент, расположенный только по шейке, состоит из нарезных линий, образующих соприкасающиеся сторонами заштрихованные треугольники. Высота сосуда 17 см, диаметр венчика 13,2 см (рис. 24, 13). Сосуд, вероятно, был выброшен из погребения, разрушенного при сооружении блиндажа.

После расчистки остатков кургана и блиндажа были обнаружены могильные ямы двух погребений.

Погребение 1 обнаружено в 1 м к востоку от центра кургана. Могила овальной формы ориентирована по длине с юга на север. Длина могилы 2,45 м, ширина 1,3 м, глубина 0,95 м. Книзу могила суживалась и длина ее составляла 2 м, ширина 0,9 м. Скелет не сохранился.

В юго-западном углу могилы обнаружен стоявший вверх дном плоскодонный сосуд горшковидной формы с штриховкой на обеих поверхностях от сглаживания травой. Сосуд не орнаментирован. Высота сосуда 15,5—16 см, диаметр венчика 15—15,5 см, диаметр дна 7,5 см (рис. 24, 15). Рядом с сосудом лежали кучкой 25 отщепов кремня и кремневый клиновидный топор, линзовидный в сечении. Длина топора 6,7 см, ширина лезвия 3,9 см (рис. 24, 11).

В 0,7 м от северной и в 0,15 м от восточной стенки могилы обнаружены 10 кремневых наконечников стрел треугольной формы с выемкой в основании (рис. 24, 1—10).

В 0,55 м от северной и в 0,1 м от восточной стенки могилы найден кремневый нож (рис. 24, 12), а в 0,25 м к северу от него — каменный сверленый топор, лежавший обухом к западу. Длина топора 10,5 см, ширина лезвия 3,7 см, диаметр отверстия 21,1 см, длина отверстия 3,5 см (рис. 24, 14).

Погребение 2 обнаружено в 1,5 м к югу от центра кургана. Могила овальной формы ориентирована по длине с востока на запад. Длина могилы 1,7 м, ширина 1,1 м, глубина 0,8 м. Книзу могила суживалась, и длина ее составляла 1,35 м, ширина 0,7 м. В могиле ничего не найдено. Здесь, вероятно, было детское захоронение.

Курган 3

Насыпь кургана расплывшаяся. Высота ее 0,65 м, диаметр 10 м. В насыпи изредка встречались фрагменты керамики эпохи неолита и бронзы. В 1,3 м к югу от центра кургана на глубине 0,5 м найдена почти половина глиняного сосуда, а в центре кургана обнаружено большое пятно могильной ямы, ориентированной по длине с юга на север, в заполнении которой встречались фрагменты керамики от этого сосуда (рис. 25).

После расчистки этой могилы выяснилось, что в центре кургана вначале находилось основное захоронение — погребение 1 в могиле овальной формы глубиной 0,6 м (от вершины кургана 1,55 м). В могилу вместе с погребенным были положены кремневый клиновидный топор (рис. 26, 13) и глиняный круглодонный сосуд с почти шаровидным туловом и высокой, прямой, слегка отогнутой наружу шейкой. Орнамент его, расположенный только по шейке, состоит из отпечатков штампа, обмотанного тонкой ниткой, веревочки и нарезных линий. Высота сосуда 16,6 см, диаметр венчика 14 см, высота шейки 6,4 см (рис. 26, 18).

Через какой-то, вероятно короткий, промежуток времени было совершено вводное захоронение (погребение 2), могильная яма которого, сместившись немного к западу, прорезала по длине могилу погребения 1 и углубилась ниже ее дна еще на 0,6 м, в результате чего сосуд из погребения 1 был разбит и часть его выброшена, вероятно, на поверхность первоначальной насыпи кургана, а остальные фрагменты попали в засыпку могилы вводного погребения.

Могила погребения 2, по-видимому, также была овальной формы, глубиной 1,2 м (от вершины кургана 2,15 м). Скелет в могиле не сохранился, лишь в 0,5 м от северной и в 0,28 м от западной стенки могилы обнаружено несколько человеческих зубов, свидетельствующих о том, что погребенный был положен головой на север. Погребальный инвентарь состоял из глиняного сосуда, каменного топора, кремневого ножа, наконечников стрел и отщепов кремня.

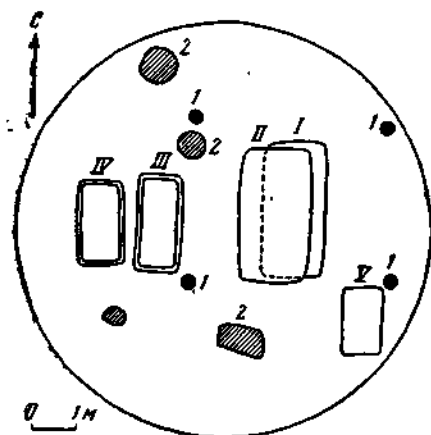

Рис. 25. Уроч. Сергеева Грива. План кургана 3

I — погребение 1; II — погребение 2; III — погребение 3; IV — погребение 4; V — погребение 5; 1 — ямы от столбов; 2 — кострища

Глиняный сосуд обнаружен в 0,63 м от южной и в 0,35 м от западной стенки могилы. Сосуд круглодонный, колоколовидной формы, с высокой, прямой, отогнутой наружу шейкой. Орнамент, расположенный только по шейке сосуда, состоит из нарезных линий. Высота сосуда 15 см, диаметр венчика 14 см (рис. 26, 20).

Рядом с сосудом обнаружено 13 отщепов кремня, лежавших кучкой, и обломок кремневого сверла (рис. 26, 11).

В 0,19 м от северной и в 0,23 м от западной стенки могилы найден каменный сверленный топор. Длина его 12,8 см, ширина лезвия 3,7 см, диаметр отверстия 2,2—2,3 см, длина отверстия 3,8 см (рис. 26, 17).

В 0,45 м от северной и в 0,4 м от западной стенки могилы находились 2 кремневых ножа. Длина ножей 7,2 и 8 см (рис. 26, 14—15).

В 0,76 м от северной и в 0,32 м от западной стенки могилы обнаружено 10 кремневых наконечников стрел. Среди них 7 наконечников треугольной формы с выемкой в основании (рис. 26, 1—7) и 3 наконечника листовидной формы (рис. 26, 8—10). Рядом с наконечниками стрел найден кремневый клиновидный топор, линзовидный в сечении. Длина топора 7,5 см, ширина лезвия 3,9 см (рис. 26, 12).

Погребение 3 обнаружено в 1,1 м к западу от могильной ямы погребений 1 и 2. Могила овальной формы ориентирована по длине с юга на север. Длина могилы 2,95 м, ширина 1,25 м, глубина 1 м. Книзу могила суживалась и длина ее составляла 2,4 м, ширина 1 м. Скелет не сохранился. Погребальный инвентарь состоял из глиняного сосуда, отщепов кремня и кремневого ножа.

Глиняный колоколовидной формы сосуд с высокой прямой шейкой, орнаментированный отпечатками линейного штампа и нарезными линиями, стоял у восточной стенки могилы, в 0,4 м от северной стенки; высота сосуда 13 см, диаметр венчика 14—15 см (рис. 26, 19).

3 отщепа обнаружены рядом с сосудом; кремневый нож обнаружен в 0,55 м от северной и в 0,42 м от западной стенки могилы. Нож имеет ретушь на одной из сторон. Длина ножа 6,5 см, ширина 3,1 см (рис. 26, 16).

Погребение 4 находилось рядом с погребением 3, с западной его стороны. Могила прямоугольной формы с закругленными углами ориентирована по длине с юга на север. Длина могилы 2,05 м, ширина 1 м, глубина 0,8 м (от вершины кургана 1,75 м). Книзу могила суживалась и длина ее составляла 1,7 м, ширина 0,65 м. В могиле ничего не обнаружено.

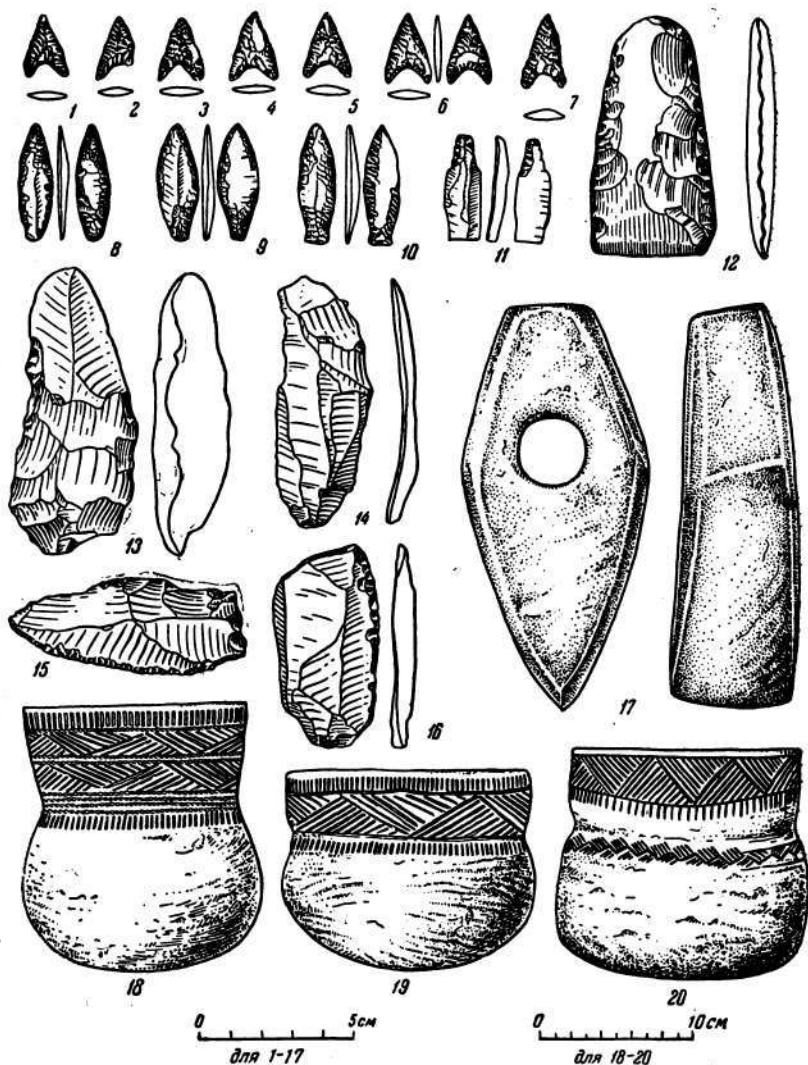

Рис. 26. Уроч. Сергеева Грива. Инвентарь погребений кургана 3

Погребение 1: 13 — кремневый клиновидный топор; 18 — глиняный сосуд. Погребение 2: 1—10 — кремневые наконечники стрел; 11 — кремневое сверло; 12 — кремневый клиновидный топор; 14, 15 — кремневые ножи; 17 — каменный топор; 20 — глиняный сосуд. Погребение 3: 16 — кремневый нож; 19 — глиняный сосуд

Погребение 5 обнаружено в 0,55 м к юго-востоку от могильной ямы погребений 1 и 2. Могила прямоугольной формы ориентирована по длине с юга на север. Длина могилы 1,7 м, ширина 1 м, глубина 0,85 м (от вершины кургана 1,8 м). Книзу могила суживалась и длина ее составляла 1,3 м, а ширина 0,6 м. В могиле ничего не найдено. Судя по размерам могилы, здесь было детское захоронение.

Под насыпью кургана на поверхности погребенной почвы обнаружены остатки кострищ и ямы от столбов. Последние, по-видимому, представляют собой остатки каких-то деревянных сооружений над могилами (рис. 25).

III

Материал из раскопок стоянок и курганов у с. Ходосовичи позволяет расчленить исследованные памятники на три хронологические группы: неолитические стоянки, погребения эпохи бронзы и погребения славян⁸.

1. НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ

Неолитические стоянки на территории Верхнего Поднепровья впервые были обнаружены в 80—90-х гг. XIX в.⁹ В начале XX в. П. П. Семенов¹⁰ и Е. Р. Романов¹¹ перечисляют уже серию пунктов с находками неолитической керамики и кремневых орудий. Однако раскопки памятников эпохи неолита на территории Верхнего Поднепровья в дореволюционный период не производились.

В 1924—1932 гг. в результате многолетних обследований археологических памятников на Верхнем Днепре и Соже, произведенных А. Н. Лявданским¹², К. М. Поликарповичем¹³, И. Х. Ющенко, А. Д. Коваленя¹⁴, Л. С. Шутовым и В. Р. Тарасенко¹⁵, было обнаружено большое количество пунктов с находками неолитической керамики и кремневых орудий. Особенно большой интерес для изучения неолита Верхнего Поднепровья представляют материалы из разведок К. М. Поликарповича на р. Соже¹⁶. В 1926 г. К. М. Поликарпович и А. Д. Коваленя произвели небольшие раскопки (14 кв. м) на неолитической стоянке в уроч. Липовый Брод у с. Себровичи Гомельской обл.¹⁷. Названными работами фактически ограничилось изучение памятников эпохи неолита на территории Верхнего Поднепровья в довоенный период. До последних лет систематических раскопок неолитических стоянок не производили. Это привело к тому, что археологи, обращавшиеся к вопросу о неолите Верхнего Поднепровья, на основании имеющегося в их распоряжении только подземного материала включали эту территорию то в область распространения неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой (П. Н. Третьяков, Х. А. Моора), то в область распространения гребенчато-ямочной (М. Е. Фосс) или гребенчато-накольчатой керамики (Д. Я. Телегин).

⁸ Результаты раскопок славянских погребений будут опубликованы отдельно.

⁹ А. Лопачевский. Археологические находки в Гомельском уезде Могилевской губ.—«Киевская Старина», 1885, март; Н. Ф. Беляевский й. Несколько новых стоянок каменного века.— Там же, 1891, март.

¹⁰ П. П. Семенов. Россия, т. IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. СПб., 1905.

¹¹ Е. Р. Романов. Старина доисторическая Северо-Западного Края. Вильна, 1908; Он же Археологический очерк Гомельского уезда.—«Записки северо-западного отд. РГО», кн. I. Вильна, 1910.

¹² А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губ.—«Труды смоленских музеев», 1924, т. I; Он же. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губ.—«Научн. изв. Смоленского гос. ун-та», 1927, т. IV, вып. 3.

¹³ К. М. Палікарповіч. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Ніжняга Сажа. Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. 6.—«Працы катэдры архэалогіі», т. I. Менск, 1928; Он же. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга Сажа. Запіскі аддзелу гуманітарных навук.—«Працы Архэалогічнай камісіі», т. II. Менск, 1930; Он же. Досьледы культур каменнага і бронзавага перыядаў у БССР ў 1930—1931 гг.—«Працы сэкцыі архэалогіі», т. III. Менск, 1932; Он же. Стоянкі Среднега Посожья (матэрыялы абследавання 1928 г.).—«Матэрыялы па архэалогіі БССР», т. I. Мінск, 1957.

¹⁴ А. Д. Каваленя. Архэалогічныя разведкі у Магілёўскай, Бабруйскай і Менскай акругах.—«Працы сэкцыі архэалогіі», т. II. Менск, 1930.

¹⁵ В. Р. Тарасенка. Архэалогічная праца на Магілёўшчыне ў 1930.—«Працы...», т. III. Менск, 1932.

¹⁶ К. М. Палікарповіч. Указ. работы.

¹⁷ Материал не опубликован; хранится в Секторе археологии Института истории АН БССР.

Систематические раскопки памятников эпохи неолита на территории Верхнего Поднепровья начались только в послевоенные годы. В 1954 г. Е. Г. Галанова произвела раскопки неолитической стоянки в уроч. Стрелица Ветковского р-на Гомельской обл.¹⁸ В 1956—1957 гг. Белорусский отряд Института археологии АН СССР произвел раскопки на трех неолитических стоянках у с. Лучин Рогачевского р-на Гомельской обл.¹⁹, а в 1959 г. были раскопаны две стоянки у с. Веть Быховского р-на Могилевской обл.²⁰ Новые раскопки неолитических стоянок у с. Ходосовичи в 1959—1961 гг. значительно расширяют наши представления о неолите Верхнего Поднепровья.

Неолитические стоянки у с. Ходосовичи расположены по краю бортовой террасы (уроч. Мошка, оз. Хоршово, оз. Дедное) и в пойме Днепра, на небольшом повышении (уроч. Палик). Расположение неолитических стоянок непосредственно у водоемов, вероятно, обусловлено характером хозяйственной деятельности населения, оставившего нам эти памятники,— охотой и рыболовством.

Состав кремневого инвентаря и особенно керамики на исследованных нами неолитических стоянках у с. Ходосовичи позволяет отнести их к поздненеолитическому времени. Об этом свидетельствует прежде всего наличие на всех стоянках керамики с лапчатым орнаментом, нанесенным концом палочки, обмотанной тонкой веревочкой. Кроме того, наличие в составе кремневого инвентаря миниатюрных клиновидных топоров также указывает на поздненеолитический возраст. В то же время не может быть сомнения в том, что неолитические стоянки у с. Ходосовичи не одновременны. Это явствует из состава керамики, а также расположения стоянок на небольшом друг от друга расстоянии. Однако датировка неолитических стоянок у с. Ходосовичи может быть дана только приблизительно, по типологическому сравнению, так как прямо датирующих вещей на них не найдено.

Более ранней, по-видимому, можно считать стоянку у оз. Хоршово. Керамика из стоянки представлена толстостенными, остродонными сосудами с округлыми боками и прямыми, слегка сведенными в верхней части стенками. В тесте большая примесь кварца и слюды, а также органическая примесь. Вся поверхность сосудов украшена оттисками гребенки и неглубокими ямочными наколами. В небольшом количестве встречается керамика с лапчатым орнаментом, нанесенным концом палочки, обмотанной веревочкой. Орнамент состоит из горизонтальных, диагональных и вертикальных рядов (см. рис. 14). Зональный орнамент отсутствует.

Следующей по времени можно считать стоянку в уроч. Палик. Кроме описанной выше формы сосудов, здесь появляются остродонные сосуды с утолщением под краем венчика (воротничком). В тесте примесь мелкого кварца и песка. Встречается и органическая примесь. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов. Он состоит из оттисков гребенки, лопаточки и ямочных наколов. В значительно большем количестве, чем на стоянке у оз. Хоршово, имеется керамика с лапчатым орнаментом. Кроме горизонтальных, диагональных и вертикальных рядов, в расположении орнамента появляется зональность. Зональный орнамент состоит из групп оттисков гребенки, окаймленных ямочными вдавлениями, оттисками косо поставленной гребенки или короткими диагональными рядами из оттисков гребенки (см. рис. 16). Кроме того, наблюдаются горизонтальные зоны из нескольких рядов оттисков гребенки, раз-

¹⁸ Материал не опубликован; хранится в Секторе археологии Института истории АН БССР и в Гомельском областном краеведческом музее.

¹⁹ Материал не опубликован; хранится в ГИМ.

²⁰ Материал не опубликован; хранится в Могилевском областном краеведческом музее.

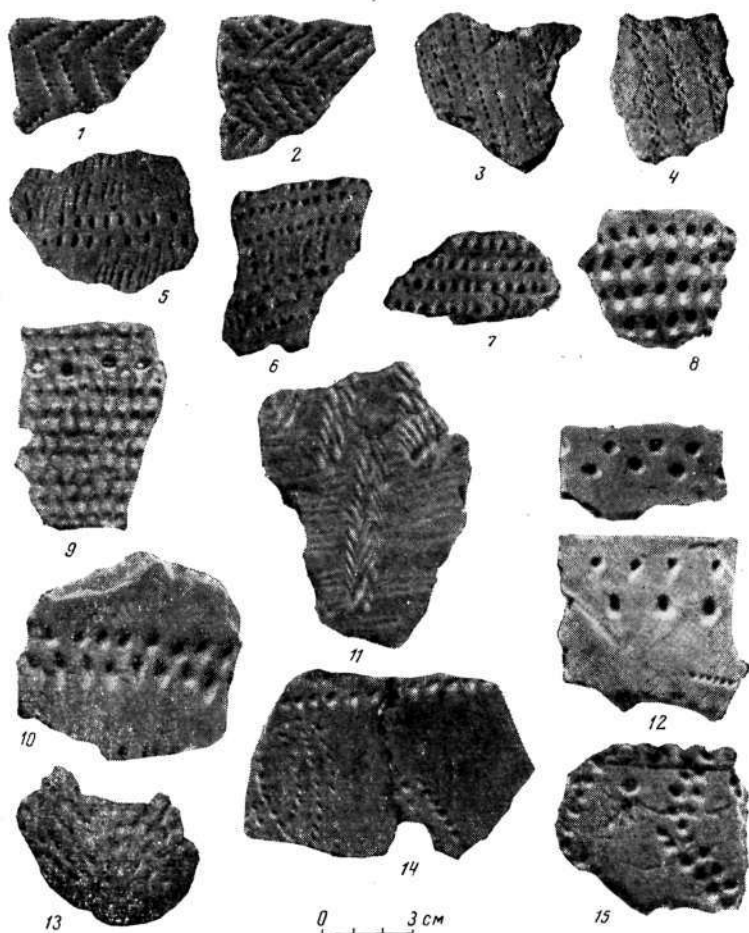

Рис. 27. Уроч. Мошка. Неолитическая керамика из насыпи курганов среднеднепровской культуры

деленных одним-двумя рядами мелких ямочных вдавлений, или рядом оттисков горизонтально поставленной гребенки, или рядом перекрещивающихся оттисков гребенки. Интересен один фрагмент керамики, орнаментированный группами вертикальных оттисков длинной гребенки, окаймленных по бокам мелкими ямочными вдавлениями (см. рис. 16, б). Близкий по сюжету орнамент мы видим на шаровидных амфорах и сосудах позднего этапа среднеднепровской культуры.

Стоянки в уроч. Мошка и у оз. Дедное, по-видимому, близки между собой по времени. Керамика этих стоянок представлена тонкостенными остродонными сосудами с прямыми или слегка отогнутыми в верхней части стенками. Встречаются также и толстостенные сосуды. В тесте примесь песка и незначительная органическая примесь. Появляется керамика без примесей в тесте, хорошо обожженная. Поверхности сосудов хорошо заглажены. На некоторых сосудах наблюдаются штрихи от сглаживания зубчатым штампом. В орнаментации керамики по-прежнему преобладают оттиски гребенки. Причем чаще встречаются неглубокие оттиски мелкой гребенки. Продолжает существовать накольчатый орнамент. В большем количестве встречается керамика с лапчатым и ямочным орнаментом. Появляется керамика, украшенная мелкими насечками и перекрещивающимися нарезными линиями.

Орнамент на сосудах располагается по всей поверхности зонами, а также горизонтальными, диагональными и вертикальными рядами (рис. 19 и 27). Наряду с ними появляются сосуды, орнаментированные только в верхней части или редкими горизонтальными рядами, разделенными неорнаментированным пространством. Значительный интерес представляет керамика, украшенная группами оттисков гребенки, расположенных в шахматном порядке (рис. 27, 5). Аналогичный по сюжету орнамент мы видим также на шаровидных амфорах и на сосудах позднего этапа среднеднепровской культуры. Сейчас трудно определенно решить, появился ли этот орнамент на неолитической керамике Верхнего Поднепровья в результате заимствования его у племен среднеднепровской культуры или культуры шаровидных амфор или, наоборот, последние заимствовали этот орнамент у населения эпохи неолита. Но мы все же склонны предполагать, что появление орнамента из групп оттисков, расположенных в шахматном порядке или окаймленных мелкими углублениями, на неолитических сосудах является результатом контакта населения неолита Верхнего Поднепровья с населением среднеднепровской культуры.

Нижняя дата неолитических стоянок у с. Ходосовичи уходит в III тыс. до н. э. Верхняя дата может быть определена концом III — началом II тыс. до н. э. Стратиграфические данные подтверждают эту дату. На стоянках в уроч. Мошка, уроч. Палик и у оз. Дедное раскопаны курганы, насыпанные над погребениями среднеднепровской культуры. Курганы насыпаны из культурного слоя стоянок. Совершенно очевидно, что неолитическое население жило на этих стоянках до сооружения курганов. Таким образом, на основании стратиграфических наблюдений мы приходим к заключению, что стоянки в уроч. Мошка, уроч. Палик и у оз. Дедное были заселены неолитическими племенами, оставившими свои поселения раньше, чем были произведены здесь захоронения населением среднеднепровской культуры. Вторжение племен среднеднепровской культуры на территорию Верхнего Поднепровья произошло, вероятно, в конце III — начале II тыс. до н. э.

Неолитические стоянки с керамикой, аналогичной керамике стоянок, исследованных у с. Ходосовичи, известны в настоящее время на территории Верхнего Поднепровья и всей Белоруссии. Преобладающим элементом орнамента на керамике этих стоянок является гребенка. Близкие по характеру керамики неолитические памятники известны также на Валдае²¹, на территории лесостепного Левобережья и Полесья Украины²², в Польше²³. Они образуют обширную область распространения культур с гребенчатой (или гребенчато-накольчатой, по Д. Я. Телегину) керамикой, которая по территории почти совпадает с выделенной М. Е. Фосс²⁴ областью распространения культур с гребенчато-ямочной керамикой.

2. ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Погребений эпохи бронзы на территории Белоруссии известно немного. Они были случайно обнаружены, во время земляных работ у совхоза Вейна²⁵, в 6 км к юго-востоку от г. Могилева, у с. Ставище и

²¹ Н. Н. Гуркина. Валдайская неолитическая культура.— СА, 1958, № 3, Она же. Неолитическая стоянка Щепочкин (К вопросу о происхождении валдайской культуры).— КСИИ, 1961, вып. 82, стр. 150—157.

²² Д. Я. Телегин. Неолітичні поселення лісостепоного Лівобережжя і Полісся України.— «Археологія», т. XI, Київ, 1957.

²³ A. Gardawski. Zagadnienie kultury ceramiki «grzebykowej» w Polsce.— «Wiadomości Archeologiczne», t. 25, zes. 4. Warszawa, 1958.

²⁴ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР.— МИА, 1952, № 29, стр. 168.

²⁵ В. Р. Тарасенка. Указ. соч., стр. 237—238.

с. Гарожа Осиповичского р-на ²⁶, с. Большая Зимница ²⁷ Славгородского р-на Могилевской обл. и у с. Велятичи ²⁸ Борисовского р-на Минской обл. Отдельные находки сосудов, происходящих, по-видимому, из разрушенных погребений, известны в уроч. Беседки ²⁹, на левом берегу Сожа, напротив г. Гомеля, в уроч. Кокавня ³⁰ у с. Бердыж и у с. Городовка ³¹ Чечерского р-на Гомельской обл., а также в уроч. Сосновая Грива ³² у с. Старая Каменка Славгородского р-на Могилевской обл. По характеру керамики эти погребения можно отнести к среднеднепровской культуре.

Первые раскопки могильника среднеднепровской культуры на территории Белоруссии были произведены Е. Г. Галановой в 1954 г. в уроч. Стрелица ³³ у с. Рудня Шлягинская Гомельского р-на Гомельской обл. Погребения в уроч. Стрелица были обнаружены при раскопках неолитической стоянки.

Перечисленные выше погребения среднеднепровской культуры относятся к типу грунтовых захоронений. Погребения под курганными насыпями до последних лет не были известны. Поэтому было принято считать, что древнейшими курганами на территории Белоруссии являются курганы, насыпанные над славянскими погребениями. Раскопками у с. Ходосовичи установлено, что древнейшими курганами на территории Белоруссии являются курганы эпохи бронзы, насыпанные над погребениями среднеднепровской культуры.

У с. Ходосовичи раскопано 18 курганов эпохи бронзы, в которых обнаружено 41 погребение. К ним относятся: курганы в уроч. Мошка — $1/1$ ³⁴; $2/1,2$; $4/1$; $5/2$; $6/2$; $10/1-4$; $1/1,2$; $12/1-3$; $13/1,2$; $14/1,2$; $15/1,2$; $16/1,2$; курган в уроч. Палик (курган на лугу), погребения 1—3; курганы у оз. Дедное — $1/1$; $2/1,2$; курганы в уроч. Сергеева Грива — $1/1-5$; $2/1-2$; $3/1-5$.

Курганы эпохи бронзы у с. Ходосовичи расположены в пойме Днепра и по краю боровой террасы. В плане курганы круглой формы, с хорошо выраженными склонами насыпи. Высота их колеблется от 0,45 до 2,2 м. Преобладают курганы высотой от 1 до 1,6 м. Диаметр насыпи 10—20 м. Первичная насыпь кургана окружалась рвом, земля из которого выбрасывалась на подошву насыпи ³⁵. Наименьший диаметр первоначальной насыпи курганов составляет 7,5 м, наибольший — 15 м.

В результате раскопок курганов у с. Ходосовичи впервые удалось детально проследить характер погребальных сооружений и погребального обряда у населения среднеднепровской культуры на верхнем Днепре. Из 41 погребения, исследованного у с. Ходосовичи, 27 погребений

²⁶ К. М. Паликарпович. Археологічні нататки (Хроніка).— «Праці...», т. III, стр. 247—248.

²⁷ Материал хранится в Могилевском областном краеведческом музее.

²⁸ Статья А. Г. Митрофанова в газете «Червоная змена», 18 апреля 1954 г.; В. В. Кропоткин. Новые исследования Бельнецких курганов, стр. 112. Материал не опубликован; хранится в Секторе археологии Института истории АН БССР.

²⁹ К. М. Паликарпович. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Ніжняга Сажы, стр. 153; Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре.— КСИИМК, 1947, вып. 16, стр. 47, рис. 14, 6.

³⁰ К. М. Паликарпович. Указ. соч., стр. 153; Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 47, рис. 14, 7.

³¹ К. М. Паликарпович. Указ. соч., стр. 167, табл. 25, 4—7.

³² К. М. Паликарпович. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга Сажы, стр. 401, табл. V, VII и VIII; Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 48, рис. 14, 8.

³³ Материал не опубликован, хранится в Секторе археологии Института истории АН БССР и в Гомельском областном краеведческом музее.

³⁴ Здесь и далее числитель дроби обозначает номер кургана, знаменатель — номер погребения.

³⁵ Курганы 10 и 11 в уроч. Мошка, курган в уроч. Палик, курган 1 в уроч. Сергеева Грива.

были основными³⁶, 12 погребений — вводными³⁷, а для сооружения могильных ям двух погребений³⁸ использован окружающий первоначальную насыпь кургана ров, который был расширен до необходимых размеров.

Наличие под курганами, кроме основных погребений, вводных погребений и погребений, могильные ямы которых разрезают ров, окружающий первичную насыпь, свидетельствует о неоднократной досыпке курганов. Сооружение насыпи кургана в несколько приемов особенно хорошо прослеживается в кургане 10 в уроч. Мошка, в кургане в уроч. Палик и в кургане 1 в уроч. Сергеева Грива. Диаметр насыпи кургана 10 в уроч. Мошка составлял 16 м. Первоначальная насыпь кургана над погребениями 2—4 была окружена рвом, диаметр которого составлял 11,5 м. Затем во рву была выкопана могильная яма погребения 1 и курган был досыпан.

Диаметр насыпи кургана в уроч. Палик составлял 20 м. Первоначальная насыпь кургана над одним погребением (погребение 3) была окружена рвом, диаметр которого составлял 7,5 м. С поверхности первичной насыпи до уровня древнего горизонта была выкопана могильная яма для погребения 1 и произведена досыпка кургана. Для могильной ямы погребения 2 был использован ров, окружавший первоначальную насыпь кургана. После захоронения вновь была произведена досыпка кургана.

Диаметр насыпи кургана 1 в уроч. Сергеева Грива составлял 16 м. Первоначальная насыпь кургана над одним погребением была окружена рвом, диаметр которого составлял 8—8,5 м. Затем вокруг первоначальной насыпи было совершено три захоронения (погребения 1, 4, 5) и произведена досыпка кургана. В центр насыпи было введено погребение 2, и курган вновь был досыпан. Таким образом курган 10 в уроч. Мошка был сооружен в два приема, а курган в уроч. Палик и курган 1 в уроч. Сергеева Грива — в три приема.

Стратиграфические наблюдения над расположением погребений и последовательностью их захоронения в кургане 10 в уроч. Мошка, в курганах 1 и 3 в уроч. Сергеева Грива и в кургане в уроч. Палик позволяют установить относительную хронологию отдельных могил. Так, например, в кургане 10 в уроч. Мошка погребения 2, 3 и 4 древнее, чем погребение 1. В кургане 1 в уроч. Сергеева Грива погребение 3 древнее, чем погребения 1, 2, 4 и 5, а в кургане 3 погребения 1, 3—5 древнее, чем погребение 2. В кургане в уроч. Палик погребение 3 древнее, чем погребения 1 и 2. Однако, судя по характеру погребального инвентаря, все погребения относятся к одному хронологическому этапу среднеднепровской культуры и разница во времени между ними, по-видимому, незначительна. Эти данные представляют значительный интерес для разделения позднего этапа среднеднепровской культуры.

Для погребений среднеднепровской культуры у с. Ходосовичи характерно устройство могил овальной и прямоугольной формы с округлыми углами. Длина могил обычно составляет 2—2,3 м, ширина 1,2 м, глубина разная. Длина могилы погребения 1 в кургане 11 в уроч. Мошка составляла 3,9 м, ширина 2,2 м. Под курганами 10 (погребение 2) и 11 (погребение 1) прослеживались следы перекрытия могильных ям деревянным накатом. В кургане 10 над погребениями 2 и 3, по-видимому, был сооружен навес, крыша которого поддерживалась четырьмя стол-

³⁶ Уроч. Мошка: 1; 2/2; 4; 5; 6; 10/2—4; 11/1; 12/2,3; 13/1,2; 14/1,2; 15/2; 16/1,2; уроч. Палик. погребение 3; оз. Дедное: 12/2; уроч. Сергеева Грива: 1/3; 2/1,2; 3/1,2—5.

³⁷ Уроч. Мошка: 2/1; 11/2; 12/1; 16/1; уроч. Палик, погребение 1; оз. Дедное: 1/1, 2/1; уроч. Сергеева Грива: 1/1, 2; 4; 5; 3/2.

³⁸ Уроч. Мошка: 10/1; уроч. Палик, погребение 2.

бами. Остатки деревянного сооружения над могилами прослеживались и в кургане 3 в уроч. Сергеева Грива.

В курганах 1 (погребение 1), 10 (погребения 2 и 3), 11 (погребение 1) в уроч. Мошка, а также в кургане в уроч. Палик (погребение 3) поверх деревянного перекрытия могильных ям специально насыпалась зола. Необходимо отметить еще одну важную черту погребального обряда, существовавшего у населения среднеднепровской культуры на Верхнем Днепре. Под курганами 5, 10 и 11 в уроч. Мошка и курганом 1 в уроч. Сергеева Грива площадь первоначальной насыпи кургана на уровне древнего горизонта была сильно обожжена. Причем в указанных выше курганах выкид из могильных ям перекрывал обожженный песок. Это позволяет предполагать, что вначале раскладывались костры и площадь очищалась огнем и только потом копалась могильная яма.

В кургане 4 в уроч. Мошка по сторонам могильной ямы обнаружены четыре кострища. Кострища были обнаружены также возле могильной ямы погребения 2 кургана в уроч. Палик, у погребения 1 кургана 11 в уроч. Мошка и в кургане 3 в уроч. Сергеева Грива. Кострище в кургане 11 в уроч. Мошка, кроме золы и углей, содержало также пережженные створки речных раковин, а в кострище в кургане в уроч. Палик, кроме золы и углей, были обнаружены кости домашних и диких животных, обожженные створки речных раковин и развалившийся сосуд бронзового века. Эти кострища, по-видимому, представляют собой остатки тризны.

Постоянной чертой погребального обряда является посыпка дна могилы золой. На дне могильной ямы погребения 4 кургана 10 в уроч. Мошка прослеживалась красная краска (охра) и посыпка золы. Красная краска была встречена также на уровне древнего горизонта возле могильной ямы погребения 1 кургана 11. В погребении 1 кургана 2 был специально насыпан слой золы (почва под золой не обожжена), и на нем произведено захоронение. В погребении 1 кургана 1 у оз. Дедное был разложен большой костер, а когда он прогорел, на толстом слое золы (почва под золой была сильно обожжена) было совершено захоронение.

Красная краска, погребальные костры, посыпка дна могилы золой и захоронения на слое золы связаны с культом огня и его очистительной силы. С этим культом, вероятно, связан и обычай сжигать умерших, существовавший у населения среднеднепровской культуры наряду с обычаем труположения. Аналогичный обряд прослеживался также на Десне при раскопках курганов с погребениями среднеднепровской культуры в уроч. Бельнец против дер. Подлужье Жуковского р-на Брянской обл.³⁹

О положении покойников в курганах с погребениями среднеднепровской культуры у с. Ходосовичи нам известно очень мало. Во всех погребениях, за исключением одного (погребение 1 кургана 1 у оз. Дедное), костяки не сохранились. В погребении 1 кургана 1 у оз. Дедное покойник был положен на левый бок в скорченном положении. Головой ориентирован на север. Ноги были согнуты в коленях, правая рука согнута в локте и кисть помещена перед лицом. Плечевая кость левой руки находилась в анатомическом порядке, а кости предплечья были обнаружены рядом с сосудами, стоявшими у ног. По-видимому, отчленение левого предплечья явилось причиной смерти погребенного. При захоронении оно было намеренно положено не в анатомическом порядке, а у сосудов с пищей.

Об ориентировке погребений, в которых скелеты не сохранились, можно судить по ориентировке могильных ям, расположению инвен-

³⁹ В. В. Кропоткин. Новые исследования Бельнецких курганов.

таря в могилах, а также по незначительным остаткам в некоторых могилах костей от скелетов. Из 35 могильных ям у 17 ориентировка с юга на север⁴⁰, у 2 — с юго-юго-востока на северо-северо-запад⁴¹, у 2 — с юго-востока на северо-запад⁴² и у 14 — с востока на запад⁴³.

Для выяснения ориентировки покойников значительный интерес представляют погребения под курганом 10 в уроч. Мошка. В северном конце могильной ямы погребения 1 были обнаружены обломки трубчатых костей, свидетельствующие о том, что покойник был положен головой на юг. В могильной яме погребения 2 расположение инвентаря позволяет считать, что покойник был ориентирован головой на север. Здесь несомненно был захоронен мужчина. В могильной яме погребения 3 ничего не обнаружено. Могильная яма ориентирована с востока на запад. Судя по размерам могильной ямы, можно предполагать, что здесь было детское захоронение. В юго-юго-восточном конце могильной ямы погребения 4 обнаружены остатки медного височного кольца, свидетельствующие о том, что погребение было ориентировано головой на юго-юго-восток. Судя по расположению инвентаря в могильной яме погребения 1 кургана 11 в уроч. Мошка, можно предполагать, что покойник был положен головой на северо-северо-запад. В южном конце могильной ямы погребения 3 кургана в уроч. Палик также были обнаружены обломки трубчатых костей, свидетельствующие о том, что покойник был положен головой на север. В северном конце могилы погребения 2 кургана 3 в уроч. Сергеева Грива найдены зубы человека, свидетельствующие об ориентировке погребенного головой на север.

На основании приведенных примеров ориентировки погребений, а также состава погребального инвентаря в могилах можно предполагать, что мужские погребения были ориентированы головой на север, женские — на юг, детские — на восток или на запад.

В погребениях эпохи бронзы близ с. Ходосовичи найден разнообразный инвентарь, свидетельствующий о высоком уровне развития племен среднеднепровской культуры. Количество инвентаря в отдельных курганах и даже в отдельных погребениях одного кургана разное. Важно отметить, что наряду с погребениями, не содержащими никакого инвентаря или содержащими сравнительно бедный инвентарь (один сосуд или сосуд с наконечником стрелы или кремневым топором), встречаются погребения с богатым инвентарем. Так, например, в погребении кургана 1 у оз. Дедное обнаружено 6 глиняных сосудов, каменный топор, 6 кремневых наконечников стрел, 2 кремневых ножа, высверлина от каменного топора, кусок рога лося, зуб лошади и кость свиньи. В погребении 2 кургана 10 в уроч. Мошка найдены глиняный сосуд, половинка полировальной плиты, 10 кремневых наконечников стрел, кремневый нож, скребок, отщепы кремня, кремневый клиновидный топор, медное шило и медный вислообушный топор в кожаном футляре. Сравнительно богатый инвентарь обнаружен также в погребении 4 кургана 10 в уроч. Мошка, в погребении 3 кургана в уроч. Палик, в погребениях 2 и 3 кургана 1, в погребении 1 кургана 2 и в погребении 2 кургана 3 в уроч. Сергеева Грива.

Особенно выделяется богатством инвентаря погребение 1 кургана 11 в уроч. Мошка. Умершего сопровождал разнообразный набор инвентаря: глиняный сосуд, медный топор, медный наконечник копья, 2 медных очковидных подвески, подвеска из янтаря, полировальная плита,

⁴⁰ Уроч. Мошка: 2/2; 4/1; 5/2; 10/1, 2; курган в уроч. Палик: погребения 2 и 3; оз. Дедное: 1/1; уроч. Сергеева Грива: 1/1-2; 2/1; 3/1-5.

⁴¹ Уроч. Мошка: 10/4; 11/1.

⁴² Уроч. Мошка: 1/1; 11/2.

⁴³ Уроч. Мошка: 10/3; 12/1, 2; 13/1, 2; 14/1, 2; 15/2, 16/1,2; оз. Дедное: 2/2; уроч. Сергеева Грива: 1/4, 5; 2/2.

каменный боевой топор, обломок каменного топора (обушная часть), а также кремневые орудия и оружие (27 наконечников стрел, 4 ножа, клиновидный топор и 53 отщепа кремня). Весь комплекс инвентаря этого погребения свидетельствует о том, что похороненный здесь занимал при жизни особое положение в роде или племени.

В кургане в уроч. Палик и в погребении 1 кургана 1 у оз. Дедное обнаружены кости домашних (крупного и мелкого рогатого скота, свиньи и лошади) и диких (лося, кабана и бобра) животных. Это первые достоверные сведения о занятии населения среднеднепровской культуры скотоводством и охотой.

Инвентарь погребений эпохи бронзы близ с. Ходосовичи состоит из керамики, кремневых, каменных и металлических вещей. По своему составу он разбивается в основном на четыре категории предметов: посуда, орудия труда, оружие и украшения.

К е р а м и к а. Вся керамика вылеплена от руки, без применения гончарного круга. Сосуды изготовлялись из глины с большой примесью мелкозернистого песка и кварца, поэтому тесто сильно песчанистое. Изготовление сосудов производилось путем постепенного наложения глиняного жгута, разминаемого в процессе выделки сосуда в широкоулы. В местах скрепления отдельных лент поверхность сосуда выравнивалась путем дополнительного покрытия глиной. Обжиг сосудов слабо окислительный, неравномерный, часто дающий темные пятна на поверхности. На изломе черепки имеют неоднородную расцветку: более светлую, желтую, серую или коричневатую-красную с поверхности и темную в середине. Наружная поверхность сосудов хорошо заглажена или со следами тонкой штриховки от сглаживания, по-видимому, травой.

Керамика довольно разнообразна по своим формам, причем отдельные типы сосудов достаточно хорошо выработаны и устойчивы. По форме и назначению здесь можно выделить три группы сосудов: горшки, чаши и кубки.

К первой группе относится наибольшее число сосудов. Это горшки различной формы, которые можно разделить на несколько типов.

Горшки первого типа с округлым или удлинено-округлым туловом, круглым или плоским дном и хорошо выраженной короткой, отогнутой наружу шейкой. В кургане 4 в уроч. Мошка найден 1 сосуд этого типа и в кургане 1 у оз. Дедное встречены 2 сосуда (рис. 1, 1; 21, 16, 17). Орнамент на сосудах расположен только в верхней части: по горлу и плечикам. Он состоит из отпечатков веревочки, линейного штампа и коротких нарезных линий, образующих горизонтальные ряды и композиции из «елочек».

К этому типу можно отнести также сосуд, обнаруженный в погребении 2 кургана 1 в уроч. Сергеева Грива. От описанных сосудов он отличается более высокой шейкой. Сосуд орнаментирован отпечатками веревочки, короткими насечками и нарезными линиями, образующими горизонтальные ряды и соприкасающиеся сторонами заштрихованные треугольники (рис. 23, 15).

На территории Верхнего Поднепровья аналогичные по форме сосуды известны из раскопок у г. Брасова⁴⁴, а также из уроч. Кокавня у с. Бердыж⁴⁵.

По-видимому, разновидностью горшков первого типа является сосуд из погребения 2 кургана 10 в уроч. Мошка. Сосуд с коротким, отогнутым наружу горлом, расширяющимся книзу удлиненным корпусом

⁴⁴ Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Разведки в районе Брянска.— «Труды секции археологии РАНИОН», 1928, т. IV, табл. XXII, 1.

⁴⁵ К. М. Паликарпович. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Ніжняга Сажа, табл. VIII, 1.

и низко расположенными плечиками. От плечиков стенки сосуда резко суживаются к маленькому плоскому дну. Орнамент расположен только в верхней части сосуда. Он состоит из двух рядов отпечатков линейного штампа, между которыми расположены шесть рядов отпечатков веревочки (рис. 5, 14).

Второй тип горшков представлен сосудами с шаровидным туловом, круглым или уплощенным дном и высокой, отогнутой наружу шейкой. Орнамент, расположенный по шейке и плечикам, состоит из отпечатков линейного штампа, веревочки и нарезных линий, образующих горизонтальные ряды из соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников, елочные композиции и группы вертикальных нарезных линий, окаймленных короткими насечками. Сосуды этого типа были обнаружены в погребениях 1 и 4 кургана 10 (см. рис. 1, 4, 6), в погребении 1 кургана 11 (см. рис. 10, 5) в уроч. Мошка, в кургане 1 у оз. Дедное и в погребении 1 кургана 3 в уроч. Сергеева Грива (рис. 26, 18). На территории Верхнего Поднепровья аналогичные сосуды известны из погребений в уроч. Стрелица⁴⁶ и уроч. Бельнец⁴⁷, на стоянке Мыс Очкинский⁴⁸, а также из случайных находок в уроч. Беседки близ г. Гомеля⁴⁹.

Форма сосудов этого типа является результатом дальнейшего развития форм керамики раннего этапа среднеднепровской культуры. Эта форма сосудов — одна из ведущих в керамике раннего этапа среднеднепровской культуры. Таким образом, рассмотрение формы второго типа горшков показывает генетическую связь керамики из погребений среднеднепровской культуры близ с. Ходосовичи с керамикой раннего этапа среднеднепровской культуры. Это подтверждается также составом теста и способом обработки поверхности сосудов.

Третий тип горшков представлен сосудами колоколообразной формы, с угловатыми, низко расположенными плечиками и широкими краями прямого, отогнутого наружу горла. Дно круглое или плоское, слабо выраженное, небольшого диаметра. Сосуды украшены отпечатками веревочки, линейного штампа и нарезными линиями. Орнамент образует горизонтальные ряды из соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников.

Сосуды этого типа обнаружены в кургане 1 в уроч. Мошка (см. рис. 1, 3) и в погребении 3 кургана в уроч. Палик (рис. 18, 3). Аналогичные по форме и орнаменту сосуды являются одним из основных типов керамики киевской (гатнинской, по Т. С. Пассек) группы памятников позднего этапа среднеднепровской культуры⁵⁰.

К четвертому типу горшков относятся 2 сосуда. Это небольшие открытые плоскодонные горшки с короткой, слегка отогнутой наружу шейкой. Они были обнаружены в погребении 1 кургана в уроч. Палик вместе с чашей и маленьким бокальчиком (рис. 18, 5) и в погребении 1 кургана 1 в уроч. Сергеева Грива (рис. 23, 14).

К пятому типу относятся высокие плоскодонные горшки с едва намечающейся или короткой, отогнутой наружу шейкой. Сосуды этого типа обнаружены в погребении 3 кургана 1 и в погребении 1 кургана 2 в уроч. Сергеева Грива (рис. 24, 15). Сосуд из погребения 3 кургана 1 орнаментирован двумя рядами отпечатков линейного штампа, между

⁴⁶ Раскопки Е. Г. Галайовой. Материал не опубликован.

⁴⁷ В. В. Кропоткин. Бельнецкие курганы и стоянка.— КСИИМК, 1952, вып. 47, стр. 60, рис. 21, 2.

⁴⁸ И. Г. Розенфельдт. Стоянка мыс Очкинский.— КСИИМК, 1950, вып. 31, рис. 44, 3; 45, 2.

⁴⁹ К. М. Паликарпович. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Ніжняга Сажа, стр. 153; Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре, рис. 14, 6.

⁵⁰ Т. С. Пассек. Указ. соч., рис. 11, 2, 4, 5, 7, 9; рис. 13, 1, 2, 6.

которыми расположены три ряда широких нарезных линий (каннелюр) (рис. 23, 16).

Ко второй группе керамики относятся 2 сосуда. Это небольшие чаши баночной формы. Они были обнаружены в погребении 1 кургана в уроч. Палик (рис. 18, 4) и в кургане 1 у оз. Дедное (рис. 21, 15). Первая чаша представляет собой плоскодонный баночной формы сосуд с расширяющимися кверху стенками. Сосуд не орнаментирован. На обеих поверхностях хорошо видны штрихи от сглаживания, по-видимому, травой. Совершенно аналогичные по форме, тесту и обработке поверхностей чаши известны из поселений среднеднепровской культуры в уроч. Ксендзова Гора у г. Быхова и у с. Малые Роги. Близкая по форме чаша известна также из погребения в уроч. Стрелица. Чаша из кургана 1 у оз. Дедное также баночной формы, плоскодонная, но с слегка суживающимися кверху стенками. Аналогии ей среди керамики среднеднепровской культуры нам неизвестны. В погребении 2 кургана 1 в уроч. Сергеева Грива найдена также маленькая круглодонная чашечка с загнутым внутрь краем (рис. 23, 10).

Третья группа керамики представлена только одним сосудом. Это маленький бокальчик с прямыми стенками и плоским дном (рис. 18, 2). Он обнаружен в погребении 1 кургана в уроч. Палик.

Таким образом, керамику погребений эпохи бронзы у с. Ходосовичи можно отнести к позднему этапу среднеднепровской культуры.

К р е м н е в ы е изделия представлены набором предметов, изготовленных из серого или темно-серого мелового кремня. В состав кремневых орудий входят наконечники стрел, ножи и клиновидные топоры.

Наконечники стрел в погребениях эпохи бронзы у с. Ходосовичи встречаются в различном количестве. Так, например, в погребении 1 кургана 4 и в погребении 4 кургана 10 в уроч. Мошка найдено по одному наконечнику стрел. В погребении кургана 1 у оз. Дедное найдено 6 наконечников стрел, а в погребении 2 кургана 10 в уроч. Мошка, в погребении 2 кургана 3 в уроч. Сергеева Грива было по 10 наконечников стрел. Наибольшее число наконечников стрел — 27 найдено в погребении 1 кургана 11 в уроч. Мошка. Всего в погребениях эпохи бронзы у с. Ходосовичи найдено 72 наконечника стрел. По форме они разделяются на три типа.

К первому типу относится наибольшее число наконечников стрел — 66. Это наконечники стрел треугольной формы с выемкой в основании. Поперечное сечение этих стрел дает тонкую линзу. Наконечники стрел этого типа изготовлены из тонких ножевидных пластин и обработаны по всей поверхности струйчатой ретушью (рис. 7, 14, 21, 23, 26). Наконечники стрел треугольной формы с выемкой в основании хорошо известны в культурах шнуровой керамики Средней Европы, а в катакомбной культуре они являются основным типом стрел⁵¹.

Ко второму типу относятся 2 наконечника стрел треугольной формы с черешком. Они найдены в погребении 4 кургана 10 в уроч. Мошка (см. рис. 1, 8) и в кургане 1 у оз. Дедное (рис. 21, 6). Наконечник в кургане 1 найден вместе с наконечниками стрел первого типа. Наконечники стрел этого типа известны в погребениях среднеднепровской культуры на р. Десне⁵², а также встречаются в катакомбной культуре.

К третьему типу относятся 4 наконечника стрел иволистной формы. Они обнаружены в погребении 2 кургана 10 в уроч.⁵³ Мошка и в погребении 2 кургана 3 в уроч. Сергеева Грива (рис. 26, 8—10).

⁵¹ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1955, стр. 165, рис. 31.

⁵² В. В. Кропоткин. Бельнецкие курганы и стоянка, стр. 62, рис. 23.

⁵³ Т. Б. Попова. Указ. соч., рис. 31, 13.

Ножи изготовлены из кремневых пластин различной формы. Их можно разделить на три типа: ножи без ретуши, однолезвийные (рис. 10, 4; 21, 12) и двухлезвийные (рис. 18, 8; 23, 8).

Клиновидные топоры представлены тремя типами: прямоугольные в поперечном сечении с широким лезвием и суживающейся обушной частью (см. рис. 1, 13), линзовидные в поперечном сечении с узкой обушной частью (рис. 18, 11; 21, 13) и овальные в поперечном сечении (рис. 18, 9; 23, 11).

Кроме кремневых орудий в ряде погребений встречены отщепы кремня. Так, например, в погребении 1 кургана 11 в уроч. Мошка найдено 53 отщепа, в погребении 2 кургана 1 в уроч. Сергеева Грива — 60 отщепов, а в погребении 3 кургана в уроч. Палик — 70 отщепов, лежавших кучкой. По несколько отщепов найдено также в погребении 4 кургана 10 в уроч. Мошка, в погребении 1 кургана в уроч. Палик, в погребении 3 кургана 1 и в погребениях 2 и 3 кургана 3 в уроч. Сергеева Грива. Все отщепы очень тонкие и мелкие. Принято считать, что обычай класть в могилы отщепы кремня связан с культом огня, существовавшим у древних племен. Действительно, отщепы кремня, обнаруженные в погребениях, очень тонкие, мелкие и как сырье для изготовления кремневых орудий непригодны. Но среди них найдены сверла, скребки на отщепах и наконечники стрел с незаконченной обработкой, дающие нам возможность все же предполагать, что отщепы кремня клались в могилы в качестве сырья для изготовления кремневых орудий и с культом огня не связаны.

Кроме кремневого инвентаря, в погребениях эпохи бронзы близ с. Ходосовичи встречены предметы из различных пород камня. К ним относятся сверленные топоры и полировальные плиты.

В погребениях найдено 8 сверленных топоров. Из них 6 топоров можно отнести к группе обушковых. Обушковые топоры разделяются на несколько типов: усеченно-обушковые топоры, найденные в кургане 1 у оз. Дедное (рис. 21, 14), в погребении 2 кургана 10 в уроч. Мошка, в погребении 2 кургана 1 (рис. 23, 13) и в погребении 2 кургана 3 в уроч. Сергеева Грива (рис. 26, 17); узкообушковый топор, найденный в погребении 1 кургана в уроч. Палик (рис. 18, 12); длиннообушковый топор, найденный в погребении 1 кургана 2 в уроч. Сергеева Грива (рис. 24, 14). Ладьевидный топор найден в погребении 1 кургана 11 в уроч. Мошка (см. рис. 10, 8). В этом же погребении найден и обломок (обушная часть) сверленного топора с хордой (см. рис. 10, 7).

Интересен топор, найденный в насыпи кургана 11 в уроч. Мошка. Обработка топора не закончена, сверлина только намечена. Топор с очень коротким, хорошо выраженным обухом и утолщением в месте, где должна быть сверлина. Рабочая часть топора листовидной формы с утолщением в середине широкой плоскости. Поэтому рабочая часть топора в поперечном сечении имеет форму ромба (см. рис. 7). Аналогии этому топору среди каменных сверленных топоров нам неизвестны. Вообще топор такой формы встречен впервые.

В насыпи кургана 1 в уроч. Сергеева Грива найден обломок большого лопастного топора так называемого фатьяновского типа.

В погребении кургана 1 у оз. Дедное обнаружена высверлина от каменного топора, найденного в этом же погребении. Эта находка свидетельствует о местном производстве сверленных топоров, а также дает нам возможность выяснить технику сверления при помощи полого сверла. Сверлины всех топоров имеют коническую форму.

Полировальные плиты изготовлены из коричневатого-красного песчаника. В погребении 1 кургана 11 найдена целая плита (см. рис. 10, 9), а в погребении 2 кургана 10 — половина плиты. Полировальная плита представляет собой массивную, прямоугольной формы плиту из песча-

ника. Длина целой плиты 33 см, ширина 14,5 см, толщина 5 см. Совершенно такие же полировальные плиты из коричневатого-красного песчаника известны и в погребениях фатьяновской культуры. На этих плитах производилась полировка каменных, кремневых и костяных орудий.

В кургане 10 в уроч. Мошка на уровне древнего горизонта найден обломок верхнего камня зернотерки, свидетельствующий о занятии населения среднеднепровской культуры земледелием. Обломок зернотерки был обнаружен нами в 1959 г. и на поселении среднеднепровской культуры в уроч. Ксендзова Гора у г. Быхова Могилевской обл.

Подвеска из янтаря найдена в погребении 1 кургана 11 в уроч. Мошка. Она представляет собой трапециевидной формы пластинку, соединенную с плоским кружком, в центре которого сделано отверстие большого диаметра. В верхней части пластинки имеется углубление, из которого в боковые стороны просверлены отверстия для прикрепления подвески. Одна из сторон подвески украшена короткими нарезными линиями. На кружке орнамент расположен по кругу, а на пластинке в елочку (см. рис. 11, 30). Подвеска изготовлена из прибалтийского янтаря и свидетельствует о связях населения среднеднепровской культуры с племенами Прибалтики.

Металлические предметы. В погребениях эпохи бронзы у с. Ходосовичи найдены изделия из металла: шилья, нож, топоры, наконечник копья, очковидные привески и височное кольцо.

Шилья (3 шт.) четырехгранной формы с заостренными концами обнаружены в погребении 2 кургана 10 в уроч. Мошка вместе с медным вислообушным топором, в погребении 3 кургана в уроч. Палик (рис. 18, 6) и в погребении 2 кургана 1 в уроч. Сергеева Грива (рис. 23, 7). Аналогичные шилья известны в памятниках конца III—I тыс. до н. э. Поэтому они не могут служить датирующим материалом.

Нож с лезвием треугольной формы и плоским, расширяющимся к лезвию черенком найден в погребении 1 кургана 12 в уроч. Мошка. Учитывая пропорции черенка и лезвия, можно предполагать, что это орудие могло употребляться как наконечник дротика. Аналогичные ножи известны в памятниках ямной⁵⁴ и катакомбной⁵⁵ культур, а также на Северном Кавказе⁵⁶.

Медные топоры (2 шт.) представлены двумя типами.

Вислообушный литой топор с круглым отверстием для рукоятки и расширяющейся книзу рабочей частью найден в погребении 2 кургана 10 в уроч. Мошка. Он принадлежит к типу кавказских топоров. Типологически близкие топоры известны на Кавказе из Сачхери⁵⁷, из могильника Фаскау⁵⁸, из разрушенного в 1957 г. кургана в Андреевской Долине⁵⁹ на окраине г. Грозного и из других пунктов. Особенно близкие аналогии мы находим в топоре из погребения 33 могильника Гатын-Кале Советского р-на Чечено-Ингушской АССР⁶⁰, который относится к северокавказской культуре эпохи бронзы. Ближайшие находки вислообушных топоров кавказского типа известны на Украине из с. Колон-

⁵⁴ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Київ, 1962, стр. 150—152, табл. XXVI.

⁵⁵ Т. В. Попова. Указ. соч., стр. 98.

⁵⁶ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.).— МИА, 1960, № 93, стр. 92.

⁵⁷ Б. А. Куфтин. К вопросу о древних корнях грузинской культуры на Кавказе.— «Вестн. Гос. музея Грузии», т. XII-В. Тбилиси, 1944, стр. 305, рис. 8, 5.

⁵⁸ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии дообанского периода.— МИА, 1951, № 23, стр. 38, рис. 7, 6.

⁵⁹ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 46, 47, 49, рис. 15, 9.

⁶⁰ Раскопки В. И. Марковина в 1959 г.

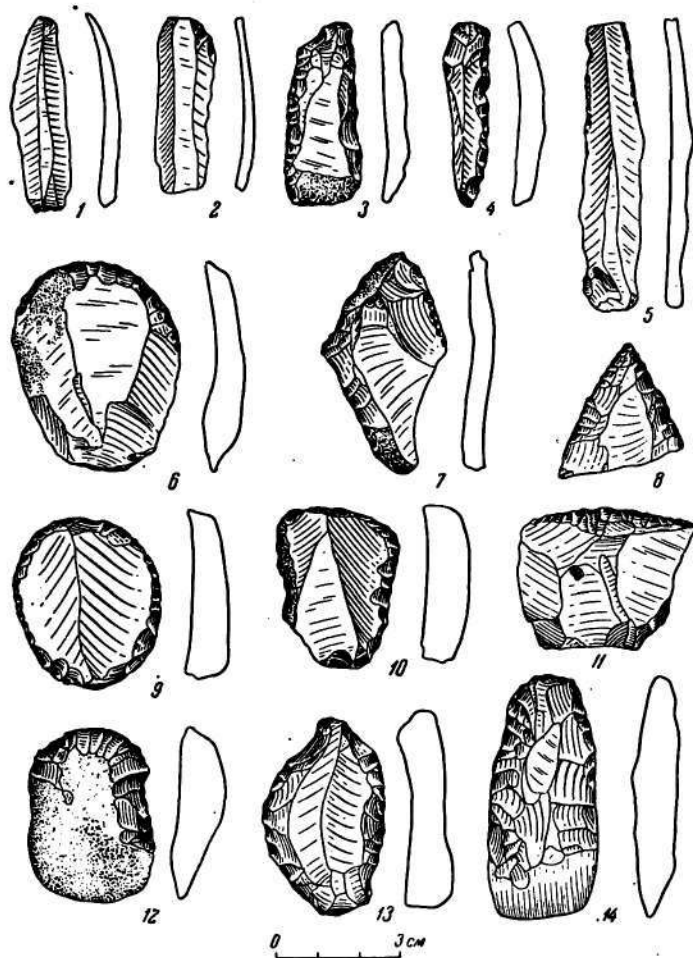

Рис. 28. Уроч. Мошка. Кремневый инвентарь из насыпи кургана 10
 1—5 — ножи; 6, 9—13 — скребки; 7 — заготовка наконечника дротика; 8 — обломок
 наконечника копья; 14 — клиновидный топор

таево Харьковской обл.⁶¹ и с. Капуловки⁶² близ г. Никополя Днепропетровской обл.

В Месопотамии и Иране вислобушные топоры этого типа, известные еще с III тыс. до н. э., доживают почти до середины II тыс. до н. э. Б. А. Куфтин относит бытование такого типа топоров на Кавказе к первой половине II тыс. до н. э.⁶³ Этим же временем датирует вислобушные топоры такого типа и В. И. Марковин⁶⁴.

Таким образом, вислобушный топор из погребения 2 кургана 10 в уроч. Мошка, а также весь комплекс вещей из этого погребения на основании приведенных аналогий можно датировать первой половиной II тыс. до н. э.

Втульчатый литой топор найден в погребении 1 кургана 11 в уроч. Мошка (см. рис. 11, 31). Топор ладьевидной формы с почти прямой лоб-

⁶¹ ОАК за 1890 г., стр. 123, рис. 88—90.

⁶² Архив ЛОИА, д. 298, ф. 5, л. 70 («корочки» А. А. Спицына).

⁶³ Б. А. Куфтин. Указ. соч.

⁶⁴ В. И. Марковин. Указ. соч.

ной плоскостью, хорошо выраженным обухом и расширяющейся рабочей частью. Близкий по форме топор имеется в коллекции В. И. Заусайлова⁶⁵. Наиболее близкие аналогии мы находим среди каменных ладьевидных топоров, встречающихся в погребениях среднеднепровской культуры, но особенно широко распространенных в Прибалтике.

Наконечник копья найден в погребении 1 кургана 11 в уроч. Мошка (рис. 11, 32). Наконечник имеет круглую втулку и перо листовидной формы. На конце втулки — два отверстия для прикрепления наконечника копья к древку.

Очковидные привески найдены в погребении 1 кургана 11 в уроч. Мошка (см. рис. 11, 28, 29). Одна привеска сохранилась сравнительно хорошо, от второй удалось взять лишь несколько обломков. Очковидные привески были скручены из медной проволоки прямоугольного сечения, а затем спирали были раскованы и проволока приобрела плоскую форму. Единственной аналогией нашим привескам на Кавказе является очковидная привеска из погребения 2 Карабудахкентского могильника Дагестанской АССР⁶⁶, которая, по мнению Р. М. Мунчаева и К. Ф. Смирнова, принадлежит к самым архаичным и ранним из обнаруженных на Кавказе и всей территории СССР подобных украшений⁶⁷. Карабудахкентский могильник авторы датируют началом II тыс. до н. э.⁶⁸

Аналогичные очковидные привески, скрученные из плоской медной проволоки, прямоугольной в сечении, известны в Моравии и Силезии в слоях, относящихся ко II периоду дунайских культур, которые Г. Чайлд датирует временем 3300—3000 и 2500—2200 гг. до н. э.⁶⁹, в надтисанской культуре Польши — 2300—2000 гг. до н. э.⁷⁰, а также в других памятниках раннеметаллической эпохи Передней Азии⁷¹ и Европы⁷². Таким образом, появившись в III тыс. до н. э., очковидные привески, скрученные из плоской медной проволоки, прямоугольной в сечении, употреблялись, по-видимому, до середины II тыс. до н. э. С середины II тыс. до н. э. в памятниках эпохи бронзы Восточной и Западной Европы широко распространяются очковидные привески, скрученные из бронзовой, серебряной или золотой проволоки, круглой в сечении. Они доживают до начала I тыс. до н. э.

На основании приведенных выше аналогий очковидные привески из погребения 1 кургана 11 в уроч. Мошка, а также весь комплекс инвентаря этого погребения можно датировать первой половиной II тыс. до н. э.

Височное кольцо в полтора оборота из медной проволоки, круглой в сечении, найдено в погребении 4 кургана 10 в уроч. Мошка. Височное кольцо взять не удалось, так как оно совершенно разрушилось. Аналогичные височные кольца известны в памятниках ямной, катакомбной и фатьяновской культур.

Анализ химического состава металлических предметов произведен в кабинете спектрального анализа лаборатории Института археологии АН СССР старшим лаборантом Е. Н. Черных.

⁶⁵ A. M. Tallgren. Collection Zaoussaïlov au Musée historique de Finlande à Helsingfors. Helsingfors, 1916, tabl. II, 9.

⁶⁶ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ с. Карабудахкент (Дагестанская АССР). — МИА, 1958, № 68, стр. 151, 154, рис. 7, 4.

⁶⁷ Там же, стр. 169.

⁶⁸ Там же, стр. 167, 168.

⁶⁹ Г. Чайлд. У истоков Европейской цивилизации. М., 1952, стр. 153, 154.

⁷⁰ J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław, 1955, стр. 37, 38, obr. 58.

⁷¹ E. Schmidt. Excavations at Tepe-Hissar... Philadelphia, 1937, pl. LIV, IV.

⁷² D. Popescu. Die frühe und mitte Bronzezeit in Siebenbürgen. Bucuresti, 1944, S. 59, Fig. 17.

Результаты химического анализа (см. таблицу) позволяют разделить металлические изделия из погребений близ с. Ходосовичи на три группы.

К первой группе относятся шилья из погребения 2 кургана 10 в уроч. Мошка и из погребения 2 кургана 1 в уроч. Сергеева Грива. Эти предметы изготовлены из почти чистой меди (99,9%) с незначительной (естественной) примесью серебра, свинца и железа.

Таблица

Химический состав металлических предметов. Си — основа

Вид изделия	Место находки	Pb	Sn	Fe	Ag	Sb	Bi	As	Au	Ni	P
Топор вислобушный	Уроч. Мошка 10/2	Сл.*	0,002	Сл.	0,003	0,02	0,001	0,75	—	0,01	—
Шило четырехгранное	10/2	0,001	—	»	3,1	—	—	—	—	Сл.	—
Наконечник копья	11/1	0,004	?	0,025	0,025	—	Сл.	2,7	—	0,009	—
Топор втульчатый	11/1	—	—	Слаб. сл.	0,04	—	—	0,14	—	0,008	—
Очковидная подвеска (целая)	11/1	—	—	0,002	0,02	0,06	?	1,0	—	0,006	—
Очковидная подвеска (обломок)	11/1	?	—	Сл.	0,35	0,06	Сл.	1,25	—	0,03	—
Нож	12/1	0,02	10	0,013	0,015	0,03	0,0012	0,07	—	0,01	—
	Курган в уроч. Палик										
Шило четырехгранное	Погребение 3 Уроч. Сергеева Грива	0,003	0,001	Сл.	3,003	0,01	0,003	0,32	0,003	0,04	—
То же	1/2	—	—	0,001—0,003	0,012	—	—	?	—	0,009	0,1

* Здесь и далее во всех таблицах сл.—следы.

Химический состав этих предметов близок к составу металлических изделий Балканского полуострова и Прикарпатья и указывает на изготовление их, вероятно, из металла юго-западного происхождения.

Вторая группа представлена преобладающим числом металлических предметов, изготовленных из медно-мышьяковистого сплава, в котором медь присутствует в количестве от 97,2 до 99,5%, а мышьяк — от 0,32 до 2,7%. Кроме того, в составе металла имеется незначительная примесь олова, серебра, никеля, свинца и железа.

Химический состав металлических предметов второй группы позволяет говорить об изготовлении их из металла кавказского происхождения. Особенно близкие аналогии в химическом составе металла отмечаются среди металлических изделий северо-кавказской культуры.

В памятниках среднеднепровской культуры пока не обнаружено никаких предметов, которые бы подтверждали существование металлургии у племен среднеднепровской культуры. Однако характер металлических изделий позволяет высказать предположение о том, что население среднеднепровской культуры занималось изготовлением металлических предметов из привозного сырья. Подтверждением такого предположения может служить тот факт, что если одна часть металлических изделий второй группы, обнаруженных в погребениях среднеднепровской культуры, — вислобушный топор из погребения 2 кургана 10 в уроч. Мошка, шило из погребения 3 кургана в уроч. Палик и очковидные привески из погребения 1 кургана 11 в уроч. Мошка — находят себе прямые аналогии

в типах вещей и в химическом составе металла на Северном Кавказе и, вероятно, доставлена на Верхний Днепр в готовом виде, то другая часть предметов, изготовленных из металла кавказского происхождения, — втульчатый топор и наконечник копья из погребения 1 кургана 11 в уроч. Мошка — на Кавказе и в других культурах эпохи бронзы, синхронных среднеднепровской культуре, аналогий не имеет. Можно предполагать, что эти предметы изготовлены из кавказского сырья населением среднеднепровской культуры.

К третьей группе относится нож из погребения 1 кургана 12 в уроч. Мошка. Он изготовлен из сплава меди с оловом — бронзы, в котором медь присутствует в количестве 89,84%, а олово — 10%. Кроме того, в составе металла имеется незначительная примесь железа, серебра, свинца, сурьмы, мышьяка и никеля.

В погребениях эпохи бронзы близ с. Ходосовичи найдены также остатки кожного футляра к вислообушному топору (погребение 2 кургана 10), остатки коры и три куса капа (нарост на дереве) (погребение 1 кургана 11). Значительный интерес представляют отпечатки растительных волокон на медном наконечнике копья из погребения 1 кургана 11 в уроч. Мошка (рис. 12).

На основании анализа инвентаря погребения эпохи бронзы близ с. Ходосовичи можно отнести к позднему этапу среднеднепровской культуры и датировать их первой половиной II тыс. до н. э. По-видимому, этим же временем можно датировать и грунтовое захоронение с трупосожжением, обнаруженное на неолитической стоянке у оз. Хоршово.

Погребение с трупосожжением, обнаруженное в траншее рядом с курганами 1 и 2 в уроч. Мошка, на основании особенностей сосуда можно датировать второй половиной II тыс. до н. э. Подробный анализ керамики из этого погребения и аналогичных ему памятников нами уже опубликован⁷³.

Исследования последних лет на территории Верхнего Поднепровья значительно расширили наши представления о характере среднеднепровской культуры.

Погребения эпохи бронзы близ с. Ходосовичи, а также известные в настоящее время на верхнем Днепре, Соже и Десне захоронения под курганами (Белынец, Речица и Белые Берега) и грунтовые могильники (Могилев, Стрелица, Печкуры, Столпники, Мыс Очкинский, Брасово, Курагин и Бор и др.) характеризуют погребальные памятники среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья, которые мы выделяем в днепро-деснинский вариант позднего этапа среднеднепровской культуры.

Стратиграфические наблюдения над расположением курганов с погребениями позднего этапа среднеднепровской культуры на площади неолитических стоянок, а также анализ керамики неолитических стоянок и погребений эпохи бронзы позволяют с большой определенностью говорить об отсутствии преемственной связи между культурой населения эпохи неолита и культурой среднеднепровских племен и считать население среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья пришлым. Исходной областью расселения племен среднеднепровской культуры является Правобережье северных районов Среднего Поднепровья, где известны памятники раннего и позднего этапов этой культуры.

Благодаря исследованиям погребений эпохи бронзы близ с. Ходосовичи были получены новые интересные данные о погребальном обряде, характере погребальных сооружений, а также об идеологических представлениях племен среднеднепровской культуры Верхнего Поднепровья.

⁷³ И. И. Артеменко. Поселение бронзового века на Кузиной Горе. — СА, 1961, № 2, стр. 232—236.

Погребальный инвентарь свидетельствует о высоком уровне развития племен среднеднепровской культуры, основными видами хозяйственной деятельности которых было скотоводство и земледелие, и о широких культурных связях этих племен с соседними и отдаленными племенами. Особенно тесные связи племен среднеднепровской культуры Верхнего Поднепровья устанавливаются с племенами Прибалтики и катакомбной культуры, а через посредство последних и с племенами Северного Кавказа.

В результате исследований погребений эпохи бронзы близ с. Ходосовичи получены также новые данные для характеристики социального строя и общественных отношений у племен среднеднепровской культуры. Развитие скотоводства, наличие семейных могильников с центральным положением мужского погребения, а также обычай хоронить покойников под курганными насыпями, для сооружения которых необходима была сильная родовая организация, позволяют рассматривать племена среднеднепровской культуры как общество с развитым патриархально-родовым строем. В курганах близ с. Ходосовичи были обнаружены погребения без инвентаря, с сравнительно бедным инвентарем, а также погребения, вероятно, представителей родовой верхушки, с богатым инвентарем, свидетельствующие, по-видимому, о развитии имущественной дифференциации внутри племен среднеднепровской культуры.

О. С. Гадзяцкая

МИЛОСЛАВСКИЙ ФАТЬЯНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Исследование фатьяновского могильника, расположенного в дер. Милославка Ильинско-Хованского р-на Ивановской обл. (рис. 1), было начато в 1958 г., продолжено и завершено в 1961 г. Раскопки велись Верхневолжской археологической экспедицией под руководством Д. А. Крайнова. Могильник интересен тем, что находится в районе, богатым случайными находками каменных сверленных топоров и мало обследованном в археологическом отношении.

Милославский могильник расположен на расстоянии 1 км к юго-западу от р. Сахты, притока р. Ухтомы, и занимает вершину холма, у подножья которого с юга и запада тянется болотистая низина.

В 1958 г. была вскрыта площадь в 102 кв. м и обнаружено погребение 1. В могильной яме глубиной 0,75 м лежал скелет женщины лет 30—35, на левом боку, головой на восток; кисти рук были расположены перед лицом, ноги сильно подогнуты. У ног найден сосуд, 3 костяных орудия (лощило, шильце и большая проколка), кость животного; у черепа — осколок кремня. Формы и размеры могильной ямы не установлены; прослежены остатки могильного сооружения. Погребение 2 — ребенка и погребение 3 — взрослого разрушены при копке ям и,

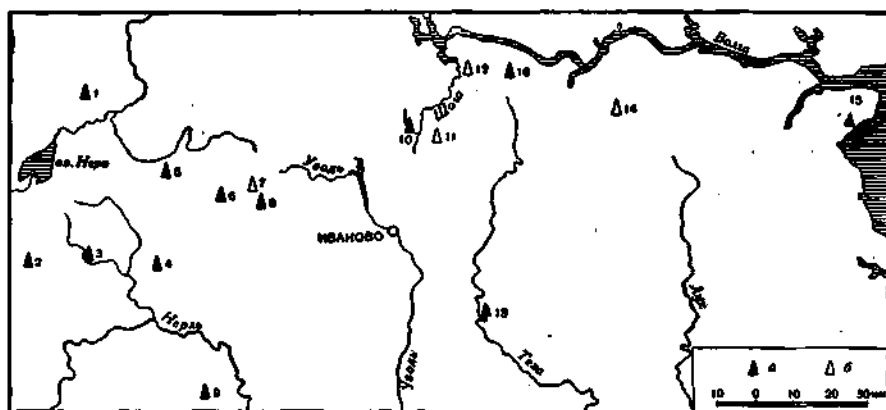

Рис. 1. Схема расположения фатьяновских могильников на территории Ивановской обл.

1 — Халдеевский; 2 — Карашский; 3 — Милославский; 4 — Аньковский; 5 — Тимофеевский;
6 — Митицкий; 7 — Жарковский; 8 — Добрынецкий; 9 — Быстри; 10 — Скородовский;
11 — Шухомовь; 12 — Васильевский Поток; 13 — Змеевский; 14 — Боровитиха; 15 — Юрьевский;
16 — Горкинский.

а — могильники, подвергавшиеся раскопкам; б — нераскопанные могильники

по словам колхозников, находились на глубине 1,5—2 м. Результаты раскопок 1958 г. опубликованы¹.

В 1961 г. вскрыта площадь около 2,5 тыс. кв. м и найдена еще одна могила с погребениями 4 и 5².

Все фатьяновские погребения найдены в средней, наиболее высокой части холма, в слое песка с гравием, над которым шла тонкая (20—30 см) прослойка плотной красноватой глины с камнями. По склонам холма твердая, спрессовавшаяся глина прослеживалась на большую глубину: видимо, мягкий грунт для устройства могил был выбран фатьяновцами не случайно. При раскопках в верхних слоях земли обнаружены следы поселения XVII—XIX вв.—остатки хозяйственных построек, ям, угли от пожарищ, большое количество костей животных и керамика. Принимая во внимание значительную величину раскопанной площади, а также тот факт, что могильник еще раньше был нарушен поселением, можно считать, что дальнейшее его исследование не даст положительных результатов.

Погребения 4 и 5 обнаружены на расстоянии 20 м к юго-востоку от погребения 1. Коричневое могильное пятно подпрямоугольной формы замечено на глубине 30 см в слое серого гравия. Оно было вытянуто с юго-востока на северо-запад; с юго-восточной и северо-западной сторон пятно повреждено поздними хозяйственными ямами. В заполнении могильной ямы, состоявшем из твердой, спрессовавшейся глины и песка, с глубины 30 см стали попадаться мелкие угольки. На глубине 60 см появились темные полосы тлена прямоугольного могильного сооружения, которые прослеживались до дна могилы, находившегося на глубине 80 см. Стенки сооружения сохранились плохо, темный тлен четко прослеживался только с северо-западной и западной сторон, где достигал толщины 1 см. В погребальном сооружении, размеры которого равны 1,6 × 1 м, были похоронены женщина 25 лет (погребение 4) и девочка 4—5 лет (погребение 5) (рис. 2).

Скелет женщины лежал на левом боку скорченно, правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте; кисть ее находилась под локтем правой руки. Детский костяк истлел; сохранились только остатки черепа, кисти руки, лежавшие перед лицом, и кости ног. Ребенок был положен рядом с женщиной в той же позе на левый бок, головой на юго-восток. По-видимому, женщина и ребенок были захоронены одновременно.

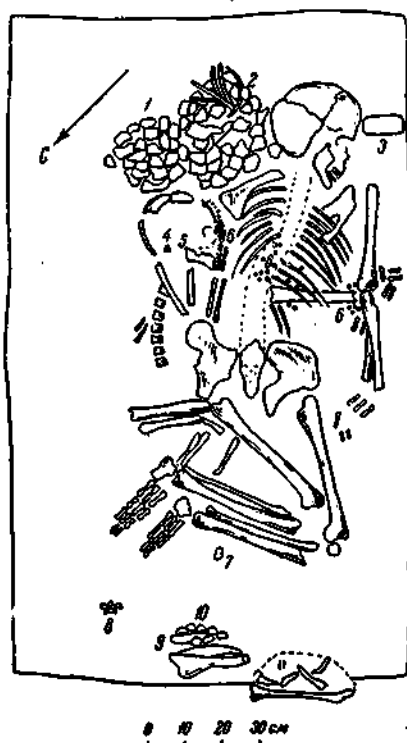

Рис. 2. Мидославский могильник.
План погребений 4 и 5

1, 2 — раздавленные сосуды; 3 — кремневый топор; 4, 5 — медные привески; 6 — бусы из раковин; 7 — кремневый отщеп; 8 — клык куницы и обломки раковин; 9 — ножевидная кремневая пластина; 10 — кремневые отщепы; 11 — кости свиньи

¹ Д. А. Крайнов. Новые памятники фатьяновской культуры.— КСИА, 1961, вып. 84, стр. 84—87.

² Для снятия верхних пластов земли использовался бульдозер.

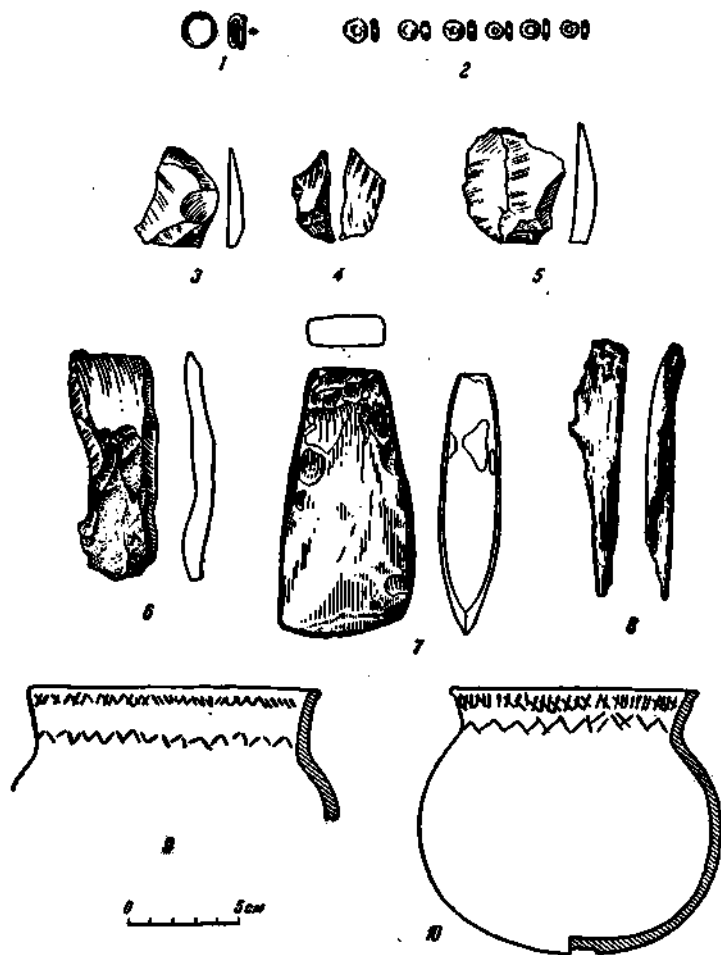

Рис. 3. Милославский могильник. Вещи из погребений 4 и 5

1 — медная височная подвеска; 2 — бусы из раковин; 3, 5 — кремневые отщепы; 4 — кремневая проколка; 6 — ножевидная кремневая пластинка; 7 — кремневый клиновидный топор; 8 — костяное орудие; 9 — сосуд 1; 10 — сосуд 2

У женского костяка располагались следующие предметы:

клиновидный кремневый топор, обращенный обухом ко лбу и лезвием к юго-западной стенке могилы (рис. 2, 3);

раздавленный сосуд (рис. 2, 2), внутри которого лежали кости свиньи, позвонки, ребра, кости ног и среди них плохо сохранившаяся костяная проколка;

находившиеся под сосудом четыре кости (определена кость мелкого рогатого скота и трубчатая птичья);

около 50 мелких, плоских, вырезанных из раковины бусин-колец, лежавших на ребрах и около локтя левой руки (бусы плохо сохранились и легко расслаиваются) (рис. 2, 6);

клык куницы, обломки раковин и кремневый отщеп, лежавшие у ног погребенной (рис. 2, 7, 8).

В средней части северо-западного конца сооружения найдены 14 коротких отщепов неправильной формы из матового розовато-серого кремня и среди них большая ножевидная пластинка и кремневая проколка

из розовато-желтого кремня (рис. 2, 9, 10; рис. 3, 3—6). Рядом с отщепом в ногах погребения была положена лопатка свиньи³.

С детским погребением можно связывать сосуд, стоявший рядом с первым и тоже раздавленный, горлом наклоненный к черепу (рис. 2, 1), медную проволочную привеску в полтора оборота, лежавшую около правого ушного отверстия на черепе и бусы из раковин, образующие низкий ожерелья или украшающие головной убор (они лежали в два ряда перед лицом, от носа до подбородка). Бусины, которых было не менее 100, рассыпались от малейшего прикосновения; взять удалось только небольшую часть их. Бусы с односторонним сверлением, диаметр их 0,7—1 см, толщина 2,3 мм (рис. 3, 2).

Инвентарь погребений 4 и 5, в отличие от инвентаря погребения 1 Милославского могильника, обнаруживает ряд черт, позволяющих связать эти погребения с памятниками московской группы. Так, раковинные бусы до сих пор были найдены только в фатьяновских могильниках, расположенных на территории Московской обл.: Буланинском⁴, Сушевском⁵, Кузьминском⁶. Кремневый полированный клиновидный топор с толстым обухом, по форме напоминающий трапецию и прямоугольный в сечении (рис. 3, 7), сходен с топорами, найденными в Московской и Калужской обл.; 3 топора этого типа происходят из могильников Михеевского⁷ и Ивановогорского⁸, 5 топоров представлены случайными находками⁹. Милославский топор сделан из желтоватого кремня, имеет скошенное и остро заточенное лезвие. На широких боковых гранях и обухе сохранились первичные сколы. Длина топора 12 см, лезвия 5,8 см, размеры обуха: 3,3 × 1,6 см. Ножевидная пластинка из розовато-желтого кремня, не имеющая следов вторичной обработки, сходна с кремневыми пластинками из погребений московской группы¹⁰. Длина пластины 10,3 см, ширина 3,6 см (рис. 3, 6).

Интересна находка округлого медного височного в полтора оборота колечка диаметром в 1,5 см¹¹ (рис. 3, 1). В настоящее время медные височные привески обнаружены, помимо Милославского, в семи фатьяновских могильниках московской и ярославской групп¹². Привеска сде-

³ В погребении кости животных найдены в большом количестве. В. И. Цалкин определил среди них кость мелкого рогатого скота, зуб куницы, кости свиньи в ногах погребенного и в горшке. В могильной яме найдены кости сурка, а на территории могильника при раскопках замечены норы крупного грызуна. Несмотря на то что трудно определить, жил ли сурок в фатьяновское время, находка костей этого животного в сравнительно северных областях заслуживает внимания.

⁴ К. Я. Виноградов. Новые данные о памятниках фатьяновского типа.— ПИДО, 1934, № 11—12, стр. 73 (Колл. Московского областного музея, г. Истра).

⁵ Погребение 2 (раскопки Д. А. Крайнова в 1929 г. Колл. ГИМ. Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры; московская группа.— САИ, 1963, вып. 1—19).

⁶ Погребение 3 (О. Н. Бадер. Кузьминский могильник фатьяновского типа под Москвой.— «Археол. сб. Гос. Эрмитажа», 1962, вып. 5. Колл. ГЭ, № 300).

⁷ 2 топора (К. Я. Виноградов. Новые данные о памятниках фатьяновского типа, стр. 73. Колл. Калужского музея, № 4231, 4249).

⁸ Топор из погребения 2 (К. Я. Виноградов. Три этапа культуры у Ивановой горы на р. Рузе. М., 1929, стр. 20, рис. 7).

⁹ Московская обл., Звенигородский р-н, с. Луцино (2 топора). Колл. ГИМ, № 85114; Можайский р-н, с. Поречье. Колл. ГИМ, № 2962; Тульская обл., дер. Митино. Серпуховский музей, № 27; Калужская обл., дер. Мурачевка, Калужский музей, № 2969.

¹⁰ Кузьминский могильник, погребение 5 (Колл. ГЭ, № 300); Буньковский могильник, погребение 2 (Колл. Ногинского музея); Истринский могильник, погребение 6 (Колл. ГИМ, № 86410).

¹¹ Результаты приближенного количественного спектрального анализа в процентах, выполненного в лаборатории ИА АН СССР Е. Н. Черных, следующие: Си — основа; Рb — 0,016; Ag — 0,035; Fe — 0,008; Ni — 0,0025.

¹² Ваулово, погребения 3 и 5 (Д. А. Крайнов. Вауловский могильник.— «Груды ГИМ», вып. 12, табл. XI, 5, стр. 110); Скоморохово, погребение 4 — три подвески балановского типа (раскопки Верхневолжской экспедиции, 1961 г.); Змеёво, погребение 2 («Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.» М.—Л., 1941, стр. 89, табл. XIII); Истра; погребение 3 (К. Я. Виноградов. Новые данные о памятни-

лана из немного уплощенной проволоки толщиной в 0,2—0,3 см и по форме близка аналогичным медным привескам из Кузьминского и Истринского могильников, причем концы проволоки не расплюснуты, как у кузьминских колечек, а округлы. Подобные круглые височные колечки в небольшом количестве известны и в Балановском могильнике¹³.

Керамика Милославского могильника в целом может быть отнесена к ярославской группе. Сосуд из погребения 1 близок сосудам из Горкинского¹⁴ и Вауловского могильников¹⁵, в отличие от сосудов погребений 4 и 5, по форме сходных с керамикой московской группы. Сосуд из погребения 4 (рис. 3, 9) небольшой, диаметр горла 13 см. Тулово шаровидное, на дне ямка диаметром в 3 см. Почти прямая шейка, плавно переходящая в пологие плечики, имеет высоту 2,5 см. Поверхность сосуда небрежно заглажена, снаружи она коричневого, внутри темно-серого цвета. В глине заметна примесь дресвы. Стенки сравнительно толстые: 0,4—0,7 см. Небрежно нанесенный орнамент состоит из ряда наклонных, пересекающихся оттисков тонкого штампа у края шейки и зигзагообразной линии из оттисков того же штампа у ее основания.

Сосуд из погребения 5 (рис. 3, 10) меньше и сделан более аккуратно. Шаровидное тулово, уплощенное у дна, и расширяющаяся кверху шейка с отогнутым краем (высота ее 2 см) отличают этот сосуд от первого. Диаметр горла 11,2 см, высота сосуда 12,3 см, наибольшая ширина 13,5 см. Поверхность сосуда хорошо заглажена, снаружи цвет его светло-коричневый, внутри серый. Глина с примесью мелкой дресвы, толщина стенок 0,4—0,5 см. Орнамент идентичен орнаменту первого сосуда. По форме сосуды погребений 4 и 5 близки сосудам из Сушевского¹⁶, Верейского¹⁷, Протасовского¹⁸ и Кузьминского¹⁹ могильников. В Ярославской группе сосуды подобной формы имеются в двух погребениях Тимофеевского могильника²⁰.

Орнаментика сосудов Милославского могильника типична для фатьяновской керамики ярославской группы.

Орнамент, состоящий из вертикальных рядов или немного наклонных отпечатков штампа, украшающий сосуд погребения 1, по схеме характерен для ряда фатьяновских могильников этой группы²¹. Интересен довольно редкий²² случай расположения одиночной зигзагообразной линии на шейке сосудов из погребения 4. На керамике ярославской группы зигзаг обычно наносился на плечики сосуда, выступая в роли раздели-

как фатьяновского типа, стр. 76. Колл. Московского обл. музея); Лихачево, погребение 2 (О. Н. Бадер. Лихачевский могильник.— СА, 1937, № 2, стр. 25); Чуркино, погребение 1 (ЗОРСА, т. V, вып. 1. СПб., 1903, стр. 99, рис. 70; ИАК. Добавления к вып. 5. СПб., 1903, стр. 45, 46); Кузьмино, погребение 2 и 5 (О. Н. Бадер. Кузьминский могильник фатьяновского типа под Москвой, стр. 16, рис. 13, 6; стр. 21, рис. 20, 1).

¹³ О. Н. Бадер. Балановская культура.— СА, 1961, № 4, стр. 48, рис. 7, 3.

¹⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник.— «Труды ГИМ», 1938, вып. VIII, табл. VII, 5.

¹⁵ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник (Колл. ГИМ, № 80397, оп. 398/94).

¹⁶ Раскопки Д. А. Крайнова 1929 г. Колл. ГИМ.

¹⁷ Раскопки Д. А. Крайнова 1940 г. Колл. ГИМ.

¹⁸ О. Н. Бадер. Фатьяновские могильники Северного Подмоскья.— МИА, 1950, № 13, рис. 12, 3, 10.

¹⁹ Колл. ГЭ, № 300/13.

²⁰ Раскопки Д. А. Крайнова 1961 г.

²¹ Горки, погребения 7 и 14 (О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 68, табл. VI, 4, 5); Ваулово, погребения 3, 5, 12 (Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, табл. VI, 3; табл. VIII, 2. Колл. ГИМ, № 80397/35, 94, 95); Тимофеевка, погребение 5 (Отчет Д. А. Крайнова за 1960 г. Архив ИА АН СССР, № 2215); Фатьяново (ЗОРСА, т. V, вып. 1. СПб., 1903, стр. 85, рис. 59, 9, 11. Колл. ГИМ, № 55428/169, 181, 183, 185, 186, 228, 229, 238).

²² С. Великое (ЗОРСА, т. V, вып. 1, табл. XXIV, 2. Колл. ГИМ, № 35184/4, 9, 10); Тимофеевка, погребения 2, 6 (Отчет Д. А. Крайнова за 1960 г. Архив ИА, № 2215); Николо-Перевоз (В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз.— «Труды ГИМ», 1960, вып. 37, стр. 33, рис. 3, 11).

теля орнаментальных зон, в отличие от балановской группы, где зигзагообразные линии преимущественно образуют сложные композиции, и от московской, для керамики которой подобный зигзаг вообще не характерен. Полоса косых, пересекающихся линий, завершающая снизу орнамент на плечиках сосуда погребения 1, а также нанесенная на шейки двух сосудов погребений 4 и 5 Милославского могильника, наблюдается на керамике московской, ярославской и балановской групп. Надо отметить, что на сосудах московской группы косая сетка встречается вдвое чаще, чем на сосудах ярославской группы, причем в московской группе она располагается преимущественно на шейке сосудов, а в ярославской — на плечиках сосудов.

Если вещевой комплекс Милославского могильника обнаруживает ряд признаков, сближающих его с московской группой фатьяновских памятников и не позволяющих безоговорочно отнести его к ярославской группе, то изучение особенностей погребального обряда данного могильника более определенно говорит в пользу принадлежности его именно к этой последней группе.

Прежде всего обращает на себя внимание наличие в погребениях 1 и 4 Милославского могильника особого внутримогильного сооружения, подобного вауловским²³. Плохая сохранность стенок сооружения, расчистить которые оказалось невозможным, позволила сделать только некоторые наблюдения. Так, было замечено, что боковые стенки переходят в дно сооружения плавно, не образуя угол. Об особенностях конструкции подобного внутримогильного сооружения можно судить по результатам раскопок фатьяновского Тимофеевского могильника²⁴ (см. рис. 1), проведенных Верхневолжской археологической экспедицией в 1959—1961 гг. Сравнительно хорошая сохранность тлена сооружения в нескольких погребениях этого могильника позволила полностью расчистить стенки сооружения по их внешней поверхности. Погребальные сооружения напоминают короб, прогнувшийся под тяжестью земли. Боковые стенки прослеживались в виде полос тлена шириной в 6—7 см, видимо, от нешироких деревянных плах, кусков луба или коры. По углам некоторых сооружений с внешней стороны прослежены отростки, состоявшие из того же тлена, равные высоте короба и являющиеся продолжением его стенок. Вполне вероятно, что это сжатые землей углы короба.

В погребениях Милославского могильника высота могильных сооружений, видимо, не превышала 20—25 см и сходна с высотой ряда могильных сооружений Вауловского, Тимофеевского и Карашского могильников²⁵. Надо отметить, что высота сооружений не является постоянной величиной даже в пределах одного могильника и колеблется от 15 см в Халдеевском²⁶ до 108 см в Вауловском²⁷ могильниках. Следует иметь в виду, что в ряде случаев небольшая высота стенок сооружения объясняется плохой сохранностью его верхней части. Сейчас трудно ответить на вопрос, от каких причин зависела высота могильного сооружения; во всяком случае на ее величину, видимо, не влияла ни глубина могилы, ни размеры самого сооружения.

Область распространения фатьяновских могильников с погребальными сооружениями типа вауловских в настоящее время делится на три группы: на западе это могильники Калининской обл. (Ошурково и Олочино)²⁸, могильники Ярославской и Ивановской обл., на востоке —

²³ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 120.

²⁴ См. указанные отчеты Д. А. Крайнова.

²⁵ Д. А. Крайнов. Новые памятники фатьяновской культуры, стр. 89.

²⁶ Отчет А. Л. Никитина. Архив ИА АН СССР, № 1987.

²⁷ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 120.

²⁸ Археологические исследования., стр. 71; раскопки Д. А. Крайнова в 1961 г.

Балановский могильник²⁹. В ярославской группе наибольшее число памятников с подобного типа погребальными сооружениями (Вауловский, Тимофеевский, Халдеевский, Мытищинский, Милославский, Карашский могильники)³⁰, что позволяет считать данный погребальный обряд для этой группы особенно характерным. Возможно, что и на территории московской группы будут открыты могильники этого типа; на это как будто бы указывает наличие сооружения в одном из погребений Кузьминского могильника. Небольшая глубина захоронений Милославского могильника (0,75—0,60 м, т. е. в пределах одного метра) в основном характерна для фатьяновских могильников, в погребениях которых не прослежено особого внутримогильного сооружения (Детчино, Протасово, Истра, Змеево, Горки), но иногда подобная глубина погребений наблюдается и в других могильниках, например в Тимофеевском и Кузьминском.

Насколько удастся установить, в могильниках московской и ярославской групп глубина могилы не зависела от пола погребенных, как это наблюдается в Балановском могильнике, где детские, женские и мужские захоронения располагались на разной глубине³¹. Ориентировка погребенных в Милославском могильнике головой на восток и юго-восток характерна преимущественно для женских погребений могильников Ярославской и Ивановской обл.³²; в Баланове женские погребения ориентированы на восток и северо-восток³³, а на территории Московской обл данная ориентировка известна только в Кузьминском могильнике³⁴.

Для женских фатьяновских захоронений типично положение погребенных на левом боку, как в Милославском могильнике. У женского костяка погребения 1 и детского костяка погребения 5 этого могильника наблюдается довольно редкий случай положения кистей рук перед лицом. Судя по имеющимся материалам, в такой позе были захоронены мужчины на левом боку в Сущево и Ваулове, женщина (?) в Мытищах, мужчины на правом боку в Змеево и Коврове³⁵; в Балановском могильнике также отмечено несколько подобных погребений, преимущественно женских.

Для характеристики погребального обряда не менее важно, чем определение ориентировки, устройство погребального сооружения, расположение вещей внутри погребения. В погребении 1 Милославского могильника сосуд стоял у ног костяка. Для большинства фатьяновских могильников это наиболее распространенное расположение: в 47 погребениях 19 могильников московской и ярославской групп известно 38 подобных случаев. В погребениях 4 и 5 оба сосуда стояли в головах погребенных; подобное расположение керамики известно всего в 6 случаях из 47³⁶, в 4 случаях сосуда находились у головы и в ногах одновремен-

²⁹ О. Н. Бадер. Балановская культура.

³⁰ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник; Он же. Отчеты Архива ИА АН СССР, № 2008, 2215; А. Л. Никитин. Отчет. Архив ИА АН СССР, № 1987; О. Н. Бадер. Мытищинский могильник фатьяновского типа.—КСИИМК, 1959, вып. 75; Д. А. Крайнов. Новые памятники фатьяновской культуры, стр. 83—89.

³¹ О. Н. Бадер. Балановская культура, стр. 63.

³² Восточная ориентировка: Ваулово, погребения 3, 4; Тимофеевка, погребение 2. Юго-восточная: с. Великое, погребение 1, Тимофеевка, погребения 12, 14; Змеево, погребение 1.

³³ О. Н. Бадер. Балановская культура, стр. 63.

³⁴ О. Н. Бадер. Отчет о раскопках Кузьминского могильника бронзовой эпохи на р. Дубне. Архив ЛОИА, № 783/1931 г., погребения 4, 7.

³⁵ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 107; О. Н. Бадер. Мытищинский могильник; Археологические исследования..., стр. 87; А. Ф. Дубынин. Ковровский фатьяновский могильник.—КСИИМК, 1954, 53.

³⁶ Михеевский, погребение 1 (К. Я. Виноградов. Новые данные...); Лихачевский, погребение 2 (О. Н. Бадер. Лихачевский могильник); Ковровский, погребение 1 (А. Ф. Дубынин. Указ. соч.); Змеевский, погребение 1 (Археологические исследования ..., стр. 87); Халдеевский, погребение 1 (А. Л. Никитин. Указ. отчет).

но³⁷, и только в 3 случаях сосуды были поставлены в средней части погребения. Погребения с сосудом у головы редки и в Балановском могильнике³⁸.

Необычно положение кремневого клиновидного топора перед лицом женщины в погребении 4. Известен только один аналогичный случай в погребении 2 Ивановогорского могильника³⁹; в трех погребениях клин лежал у черепа⁴⁰, обычно же клин находят в ногах погребения, реже на уровне пояса и таза.

Кремневые ножевидные пластины и отщепы встречаются или у ног, как в погребении 4, или у рук и гораздо реже у пояса и головы. Обращает на себя внимание большое количество кремневых отщепов в погребении 4, как и в погребении 3 Чуркинского могильника и в погребении 5 Олочинского могильника Калининской обл. Видимо, они являлись символом огня.

В погребениях 1 и 4 костяные предметы располагались около сосудов. Это также типично для подавляющего большинства фатьяновских погребений. Обычай класть часть свиньи в ногах погребения, как в Милославском могильнике, характерен в основном для памятников московской группы и встречен в Михеевском, Ивановогорском, Буланинском, Кузьминском могильниках, а также в Тимофеевском могильнике Ивановской обл.

Коллективное погребение 4 Милославского могильника может быть сопоставлено с рядом коллективных захоронений как в западных, так и в восточных фатьяновских могильниках.

В Балановском, восточном, могильнике особенно большое число коллективных захоронений. В могильниках московской и ярославской групп преобладают парные захоронения, чаще всего мужчины и женщины⁴¹, в Балановском могильнике большинство коллективных погребений включают от трех до пяти костяков⁴². Однако погребения женщины с ребенком в фатьяновских могильниках встречаются редко; в Балановском могильнике подобные погребения зафиксированы только в 3 случаях из 117. В московских и ярославских памятниках захоронения женщины с ребенком пока неизвестны. Интересно, что иногда детские погребения сопровождают мужские захоронения, как, например, в одной могиле Кузьминского могильника и в двух могилах Балановского могильника⁴³.

Видимо, некоторые коллективные погребения, особенно такого типа, как в Баланове, где похоронены в одной могиле несколько человек, были совершены не одновременно. Подобная возможность вполне допустима, если учесть, что фатьяновские погребальные камеры не сразу засыпались землей и какое-то время были пригодны для вторичного захоронения.

Таким образом, несмотря на то, что погребения Милославского могильника не дают ничего принципиально нового в смысле характера инвентаря или особенностей погребального ритуала, нельзя не отметить некоторое своеобразие этого могильника.

³⁷ Вауловский, погребения 2, 6 (Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 106, 110); Чуркинский, погребение 3 (С. А. Слицын. Указ. соч., стр. 100); Скомороховский, погребение 4 (раскопки Верхневолжской экспедиции, 1961 г.).

³⁸ М. С. Акимова. Балановский могильник.—КСИИМК, 1947, вып. XVI, стр. 125.

³⁹ К. Виноградов. Три этапа культуры у Имановой горы на р. Рузе, стр. 19.

⁴⁰ Михеево, погребение 1; Тимофеевка, погребения 3, 6; очень редко встречается в погребениях Баланова.

⁴¹ Сущево, погребение 2; Иванова Гора, погребение 3; Бульково, погребения 2, 3; Ваулово, погребения 5, 9; кроме того, в Баланове четыре погребения.

⁴² О. Н. Бадер. Балановская культура, стр. 63.

⁴³ Там же.

Милославский могильник служит примером смешения признаков, отличающих московскую группу фатьяновских могильников, с чертами, присущими ярославским памятникам и даже отчасти балановским. С московскими могильниками Милославский могильник связывают положение кремневого клина у головы, костей свиньи в ногах погребенного, наличие раковинных бус, форма кремневого клина, форма сосудов из погребения 4. С ярославскими памятниками — наличие характерного внутримогильного сооружения, ориентировка погребений, положение рук перед лицом, нахождение сосудов в головах, форма сосуда из погребения 1 и орнамент сосудов. Эти признаки более существенны, что позволяет отнести Милославский могильник к ярославской группе, принимая во внимание, что некоторые из этих признаков присущи и балановской группе.

Е. Н. Черных

О МЕТАЛЛЕ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В последние годы исследователей бронзового века лесной и лесостепной части бассейна р. Волги и Южного Урала все больше привлекает проблема абашевской культуры. Открытая еще в 20-е годы текущего столетия она до сих пор продолжает оставаться неясной во многих деталях. На огромных территориях, занятых абашевскими памятниками, не обнаружено поселений, бесспорно относящихся к этой культуре; исключение составляют несколько южноуральских поселений. Инвентарь абашевцев практически известен нам только из могильников. Значительное место в нем занимают металлические изделия, отличающиеся большим своеобразием форм. Однако специальному изучению абашевский металл не подвергался.

В лаборатории спектрального и структурного анализа Института археологии АН СССР нами была исследована коллекция из 70 металлических предметов абашевской культуры, происходящих в основном из курганных могильников левого берега среднего течения р. Волги на территории Чувашской АССР и Марийской АССР (Абашево — 17 предметов, Алгаши — 15, Виловатово — 25, Пепкино — 7, Миняшкино — 1), а также на территории Ярославской обл. (Кухмарь — 4 предмета).

Южноуральский абашевский материал представлен лишь одним изделием — рыболовным крючком из поселения Баланбаш¹. Остальная часть абашевского металла из названных пунктов, к сожалению, осталась недоступной для нас.

В данной работе ставятся следующие задачи:

исследование химического состава металла абашевской культуры с целью предварительного выяснения исходных районов получения металла и изготовления металлических орудий;

исследование древних сплавов абашевского металла;

изучение технологических приемов обработки металла.

Химический состав металла определялся методом спектрального анализа², а технологические приемы металлообработки — методом обычного микроскопического структурного анализа. Типологическая часть в данной работе оказалась необходимой, так как формы вещей здесь, так же как и в любой другой культуре, оказываются неразрывно связанными с химическими группами металла, а равно и с различиями в происхождении этого металла.

Спектральный анализ позволяет нам изучать металл с совершенно новой точки зрения. Рассмотрение вопросов истории металлургии толь-

¹ Изученный металл хранится в Казанском филиале АН СССР, Чебоксарском краеведческом музее, в ГИМ, в Эрмитаже и в ИА АН СССР.

² В нашей лаборатории применяется метод приближенного количественного спектрального анализа М. М. Клера (М. М. Клер и др. Приближенный количественный спектральный анализ минерального сырья. М., 1959).

ко типологическим методом сейчас следует считать совершенно недостаточным. Попытка привлечь в этой работе южноуральские материалы без их спектрального изучения не привела к нужным результатам.

Металлические изделия абашевских коллекций функционально представлены пока крайне односторонне: $\frac{9}{10}$ составляют украшения и лишь ничтожное количество — орудия труда. Так, из 70 предметов, изученных нами, к орудиям труда относятся лишь 4: короткий (59 мм) и плоский нож или наконечник из Алгашей (рис. 1, 35), где и рабочая часть и рукоять сходны между собой своей подромбической формой; 2 четырехгранных обычного вида шила из Кухмаря (рис. 1, 34) и Пепкина, а также массивный рыболовный крючок (из Баланбаша), ромбический в сечении, с отвернутым жалом и загнутым в петлю верхним концом (рис. 1, 36). Функционального назначения трех предметов из братской могилы Пепкинского кургана определить не удалось ввиду их плохой сохранности. Из этой же могилы были проанализированы медные капли со льячки из набора литейщика-кузнеца.

Остальные изделия (61 предмет) представляют собой различные украшения, 56 из которых изготовлены из меди или сплавов на медной основе, а 5 — из сплавов серебра с медью.

Наиболее многочисленную группу украшений составляют браслеты (21 шт.), которые подразделяются по форме своего сечения на четыре типа:

1) браслеты, круглые в сечении (рис. 1, 24—27), — 7 шт. (Абашево — 3, Алгаши — 2, Виловатово — 2); концы их не сомкнуты и заострены; вариаций в типе нет;

2) браслеты, полукруглые или треугольные в сечении (рис. 1, 29—33), 7 — шт. (Виловатово — 4, Абашево — 2, Кухмарь — 1); концы их не сомкнуты и слегка заострены, внутренняя сторона уплощена; исключение составляет браслет из погребения 6 кургана II Виловатовского II могильника (рис. 1, 33), где эта сторона выпуклая;

3) браслеты, четырехугольные в сечении, — 3 шт. (Виловатово — 1, Миняшкино — 1, Абашево — 1); браслет из Абашева имеет ромбическое сечение (рис. 1, 28);

4) браслеты желобчатые (рис. 1, 17, 18, 20, 21) — 4 шт. (Алгаши — 2, Абашево — 1, Виловатово — 1); оба браслета из Алгашей наиболее характерны для этого типа: они относительно массивны и имеют ребро по внешней стороне (рис. 1, 18, 21); браслет из Абашева изготовлен из тонко раскованной и изогнутой в дугу пластинки (рис. 1, 17); браслет из Виловатова заметно отличается от других этого же типа неглубоким желобком (рис. 1, 20).

Характернейшая абашевская форма украшений — бляшка-розетка (рис. 1, 12—14). Таких украшений найдено 17 (Абашево — 5, Алгаши — 6, Виловатово — 5, Кухмарь — 1).

Отдельную группу составляют спиралевидные подвески (рис. 1, 1—3) разного диаметра, изготовленные из проволочек или длинных и узких пластинок (7 шт.), и простые проволочные нашивные украшения, также являющиеся типичной абашевской формой (2 шт.) (Виловатово — 1, Абашево — 3, Кухмарь — 1, Алгаши — 1).

В исследованной коллекции находятся всего 3 очковидные проволочные подвески (Виловатово — 2, Абашево — 1) (рис. 1, 4, 5). Следует упомянуть и о свернутых из проволочных колечек бусах из Абашева (рис. 1, 10):

Розетки, пронизи и очковидные подвески часто составляют принадлежность женского головного убора в инвентаре рассматриваемой культуры.

Исследованы также пузырчатые бляшки из Алгашей (рис. 1, 11). В нашей коллекции имеются 5 витых проволочных перстней (рис. 1,

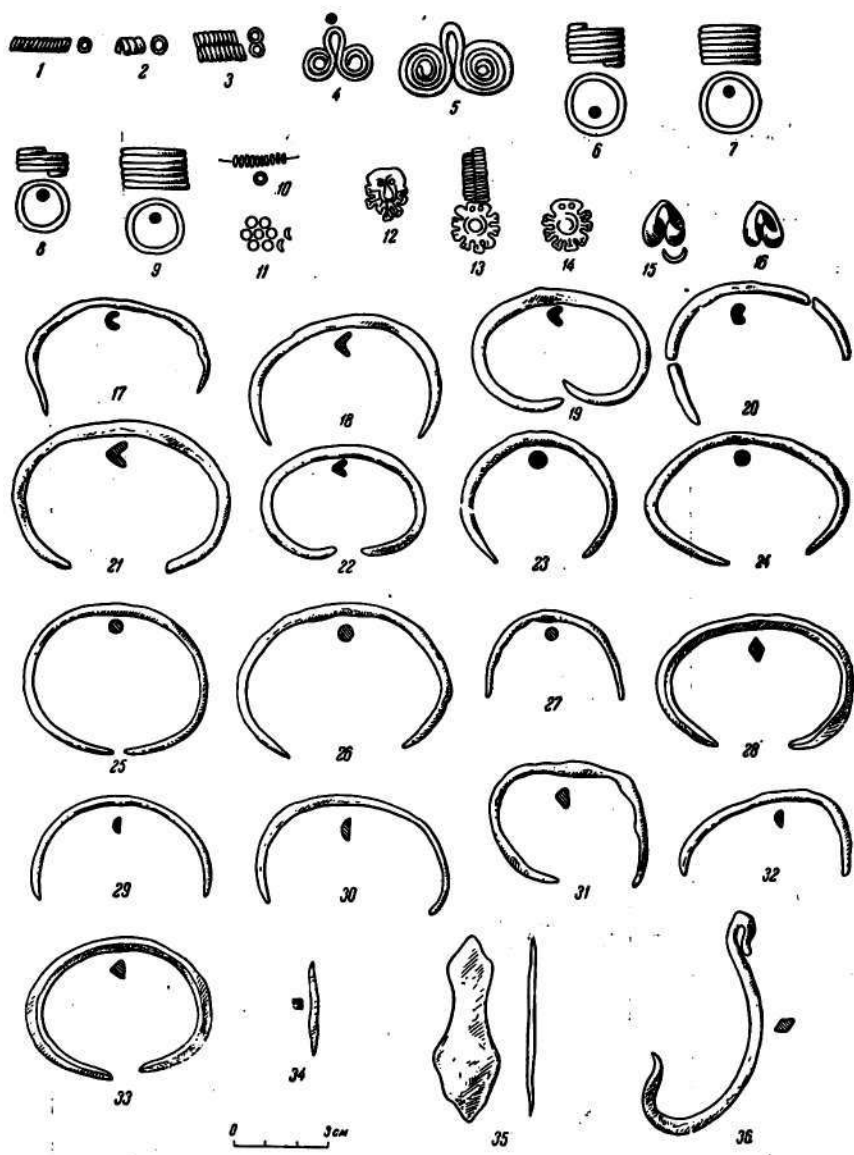

Рис. 1. Металлические изделия абашевской культуры

1, 3, 4, 7, 9, 12, 13, 15, 16, 20, 26, 27, 30, 31, 33 — из Виловатова II; 2, 34 — из Кухмара; 5, 8, 10, 17, 25, 28, 29, 32 — из Абашева; 6, 11, 14, 18, 21, 23, 24, 35 — из Алгашей; 19, 22 — из Турбинского могильника; 36 — из Баланбаша

6—9), напоминающих по форме пружину (Виловатово — 2, Алгаши — 2. Абашево — 1) ³.

Изучение результатов спектрального анализа 65 медных изделий абашевской культуры позволило нам с помощью сопутствующих меди характерных примесей, переходящих в металл из исходных руд, разделить их на три группы.

³ Более подробного описания указанных выше форм мы не приводим, так как интересующихся этим вопросом читателей мы отсылаем к специальной литературе по абашевской культуре.

Таблица 1

Химический состав медных изделий (группа 1). Си — основа

Вид изделия	№ на рис. 1	Место находки	Sn	Pb	Ag	Fe	Ві	Ni	Mn	p
Браслет, круглый в сечении		Абашево, 1925	—	Сл.	0,04	Сл.	—	0,001	—	0,30
То же		То же, оп. 488	Сл.	0,001	0,05	0,003	—	0,001	—	0,30
> >	25	То же, 1945	—	?	0,042	Сл.	—	0,001	—	—
> >	23	Алгаши III-A, инв. 35	—	Сл.	0,045	0,0015	—	0,001	Сл.	0,30
> >	24	Алгаши IV-A, инв. 46	—	>	0,033	0,001	—	Сл.	>	0,30
> >	27	Виловатово, курган 11, погребение 7	—	>	0,15	0,001	—	0,0015	—	0,10
> >	26	То же, курган 12, погребение 1	—	0,001	0,005	0,001	—	0,001	—	—
Браслет, полукруглый в сечении	32	Абашево, 1945	—	—	0,041	Сл.	—	Сл.	—	—
То же	30	Виловатово, курган 12, погребение 1	—	0,001	0,60	0,001	—	0,001	—	0,10
Браслет, треугольный в сечении	33	То же, курган 11, погребение 6	—	0,001	0,052	0,003	—	0,001	—	—
То же	31	То же	—	0,001	0,05	0,003	—	0,001	—	—
Браслет, прямоугольный в сечении		Виловатово, 120, Виловатово II, 14	—	0,001	0,025	Сл.	—	0,001	—	—
Перстень витой	8	Абашево, 1945, оп. 488/8	—	—	0,005	0,001	—	0,001	—	—
То же		Алгаши IV-A, инв. 48	0,001	0,001	0,033	0,002	—	Сл.	Сл.	0,70
> >		Петжино, погребение 1	—	Сл.	0,033	Сл.	—	?	—	0,10
> >	9	Виловатово курган 11, погребение 1	—	0,001	0,043	0,001	—	Сл.	—	—
> >	6	То же, курган 11, погребение 6	—	0,001	0,10	Сл.	—	?	—	0,30
Розетковидная бляшка		То же, курган 11, погребение 7	—	Сл.	0,03	0,002	—	?	0,001	0,70
То же	13	То же, курган 11, погребение 6	—	>	0,25	0,001	0,001	0,001	—	0,10
> >		То же, курган 11, погребение 7	—	—	0,04	0,007	—	0,001	0,001	0,50
> >		То же	0,001	—	0,063	0,001	—	0,001	—	0,30
> >	12	То же, курган 11, погребение 1	—	Сл.	0,03	Сл.	—	0,001	—	—
> >		Абашево, 1945, оп. 488/14	—	—	0,026	Сл.	—	0,001	—	—

Таблица I (окончание)

Вид изделия	№ на рис. 1	место находки	Sn	Pb	Ag	Fe	Вl	Ni	Mn	P
Розетковидная бляшка		Абашево, 1925	—	—	0,08	Сл.	—	Сл.	—	?
То же		Алгаши	—	Сл.	0,08	0,0012	—	0,001	—	—
> >		То же	—	>	0,055	0,001	—	Сл.	—	—
> >		> >	—	>	0,06	0,0015	—	>	—	0,30
Спиралевидные пронизки	3	Виловатово, курган 11, по- гребение 7	—	—	0,01	0,001	—	>	—	0,50
То же		Алгаши	—	0,001	0,064	0,001	—	0,001	—	0,30
> >		Абашево, 1945, оп. 488/19	Сл.	Слаб.	0,06	?	—	0,001	—	0,20
> >	2	Кухмарь, кур- ган 24, погребе- ние 1	—	Сл.	0,15	Сл.	—	Сл.	—	0,30
Бусы проволочные	10	Абашево, 1925	—	—	0,05	>	—	0,0035	—	?
Проволочные укра- шения		Виловатово, курган 11, по- гребение 7	—	Сл.	0,063	0,001	—	Сл.	—	0,30
То же		То же	—	>	0,04	0,001	—	>	—	0,30
Очковидная под- веска		> >	—	>	0,25	0,001	—	0,001	—	0,10
То же	5	Абашево, 1945, оп. 488/13	—	—	0,055	0,001	—	Сл.	—	—
Рыболовный крю- чок	35	Баламбаш	—	0,001	0,08	0,003	—	0,001	?	0,30

Группа 1 (табл. 1) содержит 37 предметов, или 57% общего количества исследованных предметов. Условно эту группу следует назвать группой чистой меди. Число посторонних примесей в ней невелико, а концентрации их малы. Присутствие серебра (Ag), никеля (Ni) и железа (Fe) постоянно. Характерно, что $\frac{4}{5}$ изделий содержат малую, но стабильную в своей концентрации примесь свинца (Pb). Содержание серебра зафиксировано в большом интервале — от тысячных до десятых долей. Никель и железо отмечены только в следах, или тысячных долях. Случайными примесями являются олово (Sn) и марганец (Mn). Мышьяк (As) полностью отсутствует.

Группа 2 (табл. 2) содержит всего 13 предметов, но, несмотря на малое количество предметов, четко выделяется своим химическим составом. Условно ее можно назвать мышьяковистой, так как металл ее постоянно содержит мышьяк в границах 0,10—4,60%. Свинец, в отличие от предыдущей группы, зафиксирован здесь только трижды и в следах. Железо отмечено в повышенных концентрациях (до 1%), лишь в двух случаях опускаясь до 0,005%. Серебро образует более компактную группу концентраций (0,02—0,10%). В девяти случаях выявлено наличие золота (Au), ни разу не обнаруженного в группе 1. Следует обратить внимание на очень редкое присутствие сурьмы (Sb) в малых концентрациях. Содержание никеля в среднем значительно выше, чем в группе 1.

Все сказанное выше дает нам право с полной определенностью говорить о различном происхождении групп 1 и 2. Вопрос об искусственном или естественном происхождении мышьяка в сплавах группы 2 здесь не рассматривается ввиду малого количества исследованных предметов.

Группа 3 (табл. 3) состоит из 15 предметов, в которых мышьяк отмечен, по сравнению с группой 2, в значительно более низких concentra-

Таблица 2

Химический состав медных изделий (группа 2). Си — основа

Вид изделия	№ на рис. 14	Место находки	Sn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Fe	Bi	Ni	Mn	P
Браслет желобчатый	18	Алгаши IV, погребение В-7	—	—	3,50	—	0,06	0,001	0,17	—	0,002	0,003	0,50
То же	21	То же, погребение В-13	?	—	4,60	0,01	0,027	0,003	0,03	0,001	0,063	0,001	0,50
» »	17	Абашево, 1925	—	—	1,70	0,003	0,04	0,001	0,35	—	0,004	?	0,30
Браслет, полукруглый в сечении	29	То же	—	—	2,80	0,003	0,064	0,001	0,06	0,001	0,03	—	0,30
Браслет, фсблещеский в сечении	28	Абашево, 1945	0,001	?	0,22	—	0,06	—	0,27	—	0,0045	Сл.	0,70
Нож (наконечник)	35	Алгаши IV, погребение В-7	—	—	2,80	—	0,04	Сл.	0,11	—	0,015	*	0,30
Шило	34	Кухмарь, курган 6, погребение 1	0,002	Сл.	0,80	—	0,019	—	0,018	—	Сл.	—	?
»		Пепкино, погребение 18	0,001	—	0,10	—	0,04	Сл.	0,40 (окись)	—	»	0,003	0,50
Перстень винтой	6	Алгаши IV, погребение В-6	—	—	0,90	—	0,04	»	0,005	—	»	0,002	0,50
Бляшки пузырчатые	11	Алгаши	0,001	—	0,40	—	0,08	—	0,005 (окись)	—	0,001	Сл.	0,30
Пластина, неопределенная		Пепкино, погребение 8	0,001	—	0,13	—	0,02	Сл.	0,15 (окись)	—	Сл.	0,001	0,50
Неопределенный предмет		То же, погребение 11	0,003	0,0015	0,12	—	0,08	—	0,28	—	0,001	—	0,70
То же		То же, погребение 8	?	Сл.	0,33	—	0,10	Сл.	1,00 (окись)	—	0,001	0,03	1,00

циях (0,01—0,10%)⁴. Заметим также, что пониженное содержание мышьяка в изделиях влечет за собой изменения в количественных характеристиках других примесей. Больше всего это касается железа, концентрации которого, образуя большой интервал (следы—1%), как бы объединяют в себе характеристики этого элемента в группах 1 и 2. Серебро также обнаруживает больший, чем в группе 2, интервал концентраций. Таким образом, наличие пониженных содержаний мышьяка в сочетании с упомянутыми количественными соотношениями железа и серебра позволяет нам пока чисто химически выделить эту группу, занимающую, соответственно данной характеристике, как бы промежуточное положение между предыдущими группами металла.

Рассмотрим сводную таблицу распределения отдельных категорий вещей и их типов по группам металла (табл. 4).

Из таблицы становится ясно, что группу 1 — чистой меди — следует считать основной в абашевской культуре не только ввиду ее количественного превосходства над остальными, но и по наличию в ней практически всех основных типов украшений. Группа 2 — мышьяковистой меди — занимает обособленное положение, не включая в себя характернейших абашевских бляшек-розеток, очковидных подвесок и пронизей. Желобчатые браслеты, за исключением отличающегося от всех своей формой браслета из Виловатова, отмечены только в этой группе. К ней же относятся все 3 орудия из абашевских могильников Поволжья. Все это дает нам основание говорить о том, что предметы группы 2 являются здесь чуждыми, не местными, привозными. Некоторая часть изделий этой группы (браслеты, прямоугольные в сечении, перстень, бляшки, а может быть и шилья), очевидно, изготовлена на месте абашевскими мастерами из привозного металла путемковки, без переплавки его.

Благодаря тому что в настоящее время нашей лабораторией широко проводятся спектральные исследования медных и бронзовых изделий почти из всех областей Европейской территории СССР, мы можем с большой достоверностью указать на исходную область мышьяковистой меди группы 2. Это турбинская культура, где мышьяковистая медь с абсолютно аналогичной химической характеристикой сопутствующих примесей является основной в металле Турбинского могильника и ряда случайных металлургических находок турбинского типа с территории Приуралья⁵. Кроме того, это подтверждается и чисто типологическим сравнением: нами здесь приведены рисунки 2 желобчатых браслетов из сборов и раскопок А. В. Шмидта с Турбинского могильника (рис. 1, 19, 22), которые не только отличаются удивительной близостью своей формы к браслетам из Алгашей, но и обнаруживают полное совпадение своего химического состава с ними, а соответственно и со всей группой 2.

Другой областью распространения мышьяковистой меди, значительно более обширной и богатой находками, является Сев. Кавказ и Закавказье⁶. Сравнение качественно-количественных характеристик примесей в изделиях группы 2 абашевской культуры с анализами северокавказских и закавказских материалов, как опубликованных⁷, так и исследованных в нашей лаборатории, не позволило выводить рассматриваемую здесь группу из кавказского металла. Прежде всего об этом можно судить по повышенным концентрациям серебра и железа в группе 2 абашевского

⁴ Следует учесть, что присутствие мышьяка в металле данным методом спектрального анализа устанавливается с концентрации в 0,01%. Такая относительно низкая чувствительность ограничивает наши операции с этим элементом указанной границей.

⁵ Спектральные анализы металла Турбинского могильника и ряда других находок (около 100 предметов) выполнены в нашей лаборатории и будут вскоре опубликованы.

⁶ И. Р. Селмиханов. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960; Ф. Тавадзе, Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959.

⁷ Нами исследованы мышьяковистые бронзы ряда памятников майкопской и северо-кавказской культуры.

Таблица 3

Химический состав медных изделий (группа 3). Си — основа

Вид изделия	№ на рис. 1	Место находки	Sn	Pb	As	Ag	Fe	Ni	Mn	P
Браслет желобчатый		Виловатово, курган 11, погребение 1	—	—	0,03	0,001	0,005	Сл.	—	—
Браслет, прямоугольный в сечении		Мняшкнино, курган 2, погребение 2	—	0,002	0,01	0,08	0,001	0,001	0,001	—
Браслет, треугольный в сечении	20	Виловатово, курган 11, погребение 1	—	?	0,01	0,10	0,004	Сл.	—	0,30
То же	4	Жухмарь, курган 15, погребение 1	0,0035	0,001	0,01	0,20	Сл.	«	—	0,10
Очковидная подвеска		Виловатово, курган 11, погребение 1	—	0,025	0,035	0,035	0,50	0,001	0,003	0,50
Спиралевидная пронизка		То же	—	—	0,01	0,17	0,01	0,001	—	0,10
Розетковидная бляшка		Абашево, оп. 778/3	0,001	0,002	0,01	0,045	0,008	0,001	0,001	1,00
То же	14	Алгаши	—	—	0,07	0,08	Сл.	0,001	—	?
> >		То же	—	—	0,10	0,063	»	0,002	—	0,30
Розетковидная бляшка		Алгаши	—	—	0,05	0,08	Сл.	0,001	—	?
То же		Абашево, 1925	—	—	0,05	0,10	0,001	0,001	—	0,30
> >		То же	—	—	0,01	0,033	0,001	Сл.	Сл.	0,30
> >		Жухмарь, курган 24, погребение 1	Сл.	Сл.	0,055	0,18	0,003	0,001	»	0,10
Неопределенный предмет		Пепкино, погребение 25	»	—	0,02	0,015	Сл.	Сл.	»	0,10
Капли с льячки		То же, погребение 8	»	—	0,01	0,001	1,00	0,001	0,10	1,00

металла, а также почти полному отсутствию сурьмы, являющейся почти обязательным компонентом бронз Сев. Кавказа.

Вопрос о происхождении основной (1) группы чистой меди более прост. Исходными рудами для нее служили, вероятно, местные месторождения медистых песчаников, занимающих огромные пространства Приуралья и Среднего Поволжья⁸. Характерной особенностью медистых песчаников является большая чистота и отсутствие примесей в значительных концентрациях. Однако для полного подтверждения этого положения необходимо произвести соответствующие анализы песчаниковых руд.

После рассмотрения групп 1 и 2 яснее становится и вопрос о происхождении группы 3 абашевского металла. Известно, что медь, засоренная различными примесями, при переплавке рафинируется, т. е. очищается от них. Особенно сильно сказывается вторичная плавка на концентрациях таких легколетучих элементов, как мышьяк. На серебре это

⁸ Ю. М. Абрамович. К вопросу о происхождении металлургического сырья в Прикамье во II тыс. до н. э.— «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», т. XI, вып. 3. Харьков, 1956, стр. 71—73; Л. М. Миропольский. Медные руды в пермских отложениях ТАССР и их генезис.— «Уч. зап. Казанского ун-та», 1938, т. 98.

Таблица 4

Распределение предметов по группам металла

Группа металла	Орудия труда			Браслет (в сечении)				Украшения головного убора и одежды						всего в группе	
	крючок	нож	шпатель	круглый	полукруглый или треугольный	четырёхугольный	желобчатый	бляшки-розетки	очковидные подвески	спиралевидные прошивки в бусы	бляшки пузырчатые	перстни витые	капли на льячках		неопределённые
1	1	—	—	7	4	1	—	10	2	7	—	5	—	—	37
2	—	1	2	—	1	1	3	—	—	—	1	1	—	3	13
3	—	—	—	—	2	1	1	7	1	1	—	—	2	—	15

сказывается незначительно⁹. Смешивание обломков меди, богатых мышьяком и свободных от него, и их совместная плавка должны были сильно уменьшать содержание мышьяка, который не только изгонялся во время плавки, но и чисто пропорционально уменьшался от смешивания. В результате смешивания и переплавки картина сопутствующих меди примесей значительно усложняется, появляются новые количественные комбинации их. Именно такую картину и обнаруживает группа 3 металла, где мышьяк присутствует в резко пониженных концентрациях по сравнению с группой 2, а серебро и железо занимают промежуточное положение между первыми двумя группами. Таким образом, группа 3 представляет собой продукт или отдельной вторичной плавки импортной меди, или совместной переплавки лома металла групп 1 и 2. В связи с этим группу 3 можно назвать группой вторичной меди¹⁰. Анализ форм инвентаря группы 3 делает еще более понятным химическое обоснование выделения этой группы. Из 14 предметов 7, т. е. 50%, относится к литым изделиям (бляшкам-розеткам), а 15-й анализ произведен с капли на льячке из набора литейщика-кузнеца из Пепкинского кургана. Наличие бляшек-розеток с пониженным содержанием мышьяка в группе 3 и отсутствие их в группе 2 особенно показательны, так как именно для их литья и была использована часть привозного металла; кроме того, наличие их в группе 2 (импортной) противоречило бы данным археологических исследований, определяющих этот характерный тип украшений как чисто абашевский.

Количественно изделия выделенных здесь групп металла в отдельных памятниках занимают различное положение (см. табл. 5).

Таблица 5

Количественное соотношение предметов по группам металла

Памятник	Группа			Всего	Памятник	Группа			Всего
	1	2	3			1	2	3	
Абашево	10	3	3	16	Миняшкино	—	—	1	1
Алгаши	7	5	3	15	Кухмарь	1	1	2	4
Виловатово II	17	—	4	21	Баланбаш	1	—	—	1
Пепкино	1	4	2	7					

⁹ Р. Раддл. Физическая химия и пирометаллургия меди. М., 1955, стр. 133—134.

¹⁰ Этот термин употребляется по отношению к металлам, происходящим из плавки металлического лома, а не непосредственно из руд.

Очевидно, необходимо при количественных сопоставлениях рассматривать группы 2 и 3 совместно, так как наличие предметов группы 3 в памятниках также свидетельствует о появлении здесь привозной меди. Если в Алгашах и особенно в Пепкинском кургане изделия этих групп количественно преобладают, то в самом обильном металлом Вилатовском II могильнике медь с мышьяком представлена только группой 3 и в очень малом количестве (4 предмета), причем концентрируются эти изделия только в погребении 1 кургана II. Таким образом, все три группы, несомненно сосуществуя¹¹, различаются по своему количеству в каждом памятнике. Несохранившаяся документация и паспорта ряда находок из Алгашей и Абашева, хранящихся в Чебоксарском краеведческом музее, лишают нас возможности изучить условия нахождения предметов, относящихся к разным группам. Однако сохранившиеся материалы и раскопки последних лет дают возможность проследить, что импортная и смешанная группы часто образуют компактные группы, концентрируясь в одном и том же погребении.

Относительное хронологическое положение турбинского импорта в абашевских памятниках пока неясно, так как в литературе сейчас отсутствуют какие-либо хронологические схемы этой культуры. Установление факта импорта чрезвычайно важно для решения вопросов о синхронности культур северо-востока Европы и о межплеменных связях.

Характер металла и сплавов на медной основе в абашевской культуре в значительной степени определяется проведенными анализами. Основная часть изделий представляет собой чистую медь, засоренную некоторым количеством примесей, перешедших в металл из руд. К сожалению, абашевцы оставили нам весьма ограниченный набор изделий, поэтому наши выводы относительно характера сплавов не могут быть исчерпывающими. Вопрос о мышьяковистой меди группы 2 интересен и сложен. Известно, что медно-мышьяковистые сплавы с их улучшенными механическими свойствами широко использовались древними металлургами, но до сих пор в ряде конкретных случаев неясен вопрос: имеем ли мы дело с намеренным вводом мышьяка в медь или это происходит естественным путем из руд? Решать этот вопрос на небольшом абашевском материале невозможно. Проблема эта станет ясной только после обработки анализов турбинского металла, с которым и связывается нами группа 2.

Следует подчеркнуть, что из всей изученной нами абашевской коллекции ни разу не отмечен факт использования оловянистой бронзы. Это очень характерно, так как массовый анализ древнейшего металла во многих лабораториях мира показывает, насколько упрощенным было прежде понимание терминов «энеолит» и «бронзовый век»; считалось, что определяющим для этих эпох являлся факт употребления орудий из чистой меди или оловянистой бронзы. Эволюция медных сплавов и появление оловянистой и других видов бронз в древнем мире оказываются более сложным процессом, нежели это предполагалось ранее.

Специфическим типом абашевских украшений являются лепестковидные височные подвески, загнутые в полтора оборота (рис. 1, 15, 16). Они изготовлялись только из сплавов на серебряной основе, где основным легирующим компонентом служила медь (табл. 6), концентрации которой достигали, очевидно, 10% и более. К сожалению, более подробных комментариев к химическому составу этих подвесок сделать не удастся, так как анализ древних серебряных изделий делается пока еще очень мало.

¹¹ Это доказывается присутствием изделий групп 1, 2 и 3 в одном и том же погребении, напр.: Кухмарь, курган 24, погребение 1; Вилатово, курган II, погребение 1; Алгаш, погребение В-7, а также самим существованием 3-й (смешанной) группы металла.

Для выяснения основных методов металлообработки, применяемых абашевскими мастерами, нами были исследованы структуры 13 металлических предметов, относящихся ко всем видам украшений. Сложный характер украшений, изготовленных из тонкой медной проволоки, изготовление браслетов, мелких бляшек-розеток, пузырчатых бляшек говорят о хорошем знании свойств меди и о способности к ювелирной работе по металлу. Для того, чтобы вытянуть из отлитой медной болванки тонкую, часто длиной до 35—40 см проволоку для изготовления перстней,

Таблица 6

Химический состав височных подвесок из Абашева. Ag — основа;
Cu — основной легирующий компонент

Вид изделия	№ на рис. 1	Место находки	Pb	As	Sb	Au	Fe	Bi	Ni	Mn
Височная подвеска	16	Виловатово курган 1, погребение 1	—	Есть	—	—	Есть	—	—	Мало
То же	15	курган 12, погребение 2	—	—	—	Мало	Мало	Мало	Мало	—
> >		курган 11, погребение 1	Мало	Есть	Есть	—	Есть	—	>	Мало
> >		курган 5, погребение 1	Следы	—	—	—	>	Мало	>	>
> >		Абашево, 1925	Мало	?	Мало	Мало	Следы	>	Есть	?

пронизок и т. д., необходимо было иметь большие навыки к кузнечному делу, знать приемы термообработки меди. Из 13 предметов, изученных структурно, 8 представляют собой проволочные украшения. Проанализированы 4 спиралевидные пронизки и проволочные украшения головного убора (рис. 1, 1, 3). Следующие 4 предмета — это буса, свернутая из тонкой проволоки (рис. 1, 10), 2 витых перстня (рис. 1, 8, 9) и очковидная подвеска (рис. 1, 4). Кроме этого, проанализированы 3 браслета: круглый, треугольный и желобчатый в сечении (рис. 1, 27, 20, 17), бляшка пузырчатая (рис. 1, 11) и бляшка-розетка.

Первые 12 вещей, за исключением бляшки-розетки, дают картину рекристаллизованной структуры, указывающей на то, что древним мастерам был известен прием термообработки меди, носящий название отжига после холодной деформации (ковки). До недавнего времени металлообработка в бронзовом веке представлялась крайне примитивной, ограничивающейся лишь холодной и горячей ковкой, да и то считалось, что последняя появилась в сравнительно позднее время, а существование термообработки металла даже не предполагалось. Начавшееся массовое исследование древних металлических орудий показало, что со взглядом на примитивность металлообработки в древности надо покончить. Так, недавно стало известно, что металлурги второй половины IV тыс. до н. э. в Южной Туркмении (анауская культура) знали этот прием термообработки меди¹².

Сущность этого приема заключается в следующем. В результате холодной проковки медной болванки или изделия в меди возникают сильные меж- и внутрикристаллические напряжения, которые тем сильнее, чем больше степень деформации металла. В результате проковки прочность возрастает, но одновременно увеличивается ломкость металла,

¹² Е. Н. Черных. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры.— КСИА, 1962, вып. 91, рис. 9, стр. 36, 37.

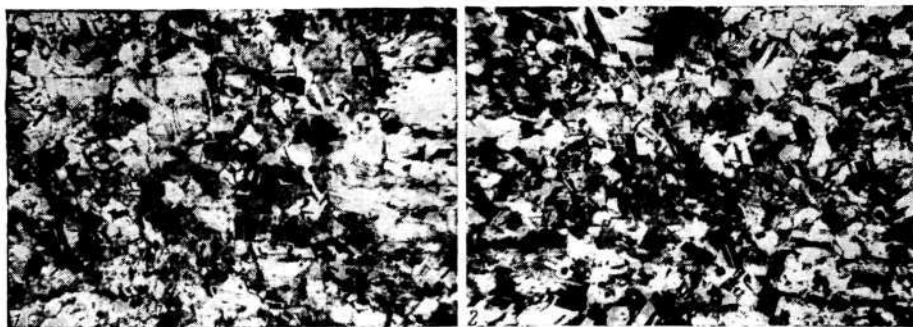

Рис. 2. Микроструктуры спиралевидной пронизки (1) из Вилватова (анализ № 56) и проволочной бусины (2) из Абашева (анализ № 32); $\times 200$

появляются мелкие трещины, резко понижается способность к дальнейшей деформации. Для возврата меди утраченной пластичности и мягкости и для возможности продолжать проковку медь необходимо отжигать определенное время и при определенной температуре в зависимости от ее состава и размеров изделия. При этом происходит рекристаллизация металла: появляются кристаллы новых форм, уничтожаются напряжения. Отжиг можно повторять несколько раз после каждой проковки. Этот прием термообработки употребляется и до сих пор в качестве основного, например, при волочении проволоки или прокатке металлических листов. Выясняется, что в древности его применяли также очень широко.

Возвращаясь к абашевскому металлу, следует сказать, что, по-видимому, ковка и последующий отжиг изделия производились друг за другом несколько раз, так как трудно предположить, чтобы проволоку, диаметр которой иногда меньше 1 мм, изготовляли за время однойковки. На фотографиях двух микроструктур (рис. 2) мы видим правильные, не нарушенные следующей за отжигом ковкой полиэдры и двойники. На очень большую степень деформации (до 80%) указывают вытянутые включения закиси меди (Cu_2O), образующие длинные цепочки. Аналогичную картину дают все 11¹³ исследованных нами рекристаллизованных структур.

Проволоке после вытягивания и последнего отжига, возвращающего ей пластичность, уже придавали вид готового украшения, обматывая ее вокруг стержня (витой стержень и пронизки) или любым другим способом. Коренного различия в изготовлении обнаруженных в Абашеве проволочных бус и пронизей не было. Проволока, также отоженная, разрезалась на мелкие куски и загибалась в кольца. Бляшки пузырчатые выбивались, очевидно, из тонкого листа меди и уже затем отжигались. Анализ бляшки-розетки подтвердил предположение о том, что этот вид украшений изготовлялся путем литья в форме.

Горячая ковка таких мелких деталей при температурах 500—700°, очевидно, была невозможна, так как в тех условиях практически нельзя было сохранять сколько-нибудь длительное время такую температуру металла в столь незначительной его массе.

Итак, благодаря анализам металла абашевской культуры удалось установить следующее.

Племена абашевцев, жившие в середине и второй половине II тыс. до н. э. на обширных территориях верхней и средней Волги и Южного

¹³ Тонкий желобчатый браслет из Абашева (рис. 1, 17) происходит из 2-й группы металла, а это дает основание предполагать его привозной характер.

Приуралья, еще не знали классической оловянистой бронзы и пользовались в основном чисто-медными орудиями и украшениями, а также изделиями из медно-мышьяковистых сплавов.

Абашевские племена имели два источника получения металла: основной их базой были приуральские и поволжские медистые песчаники; дополнительно металл получался в виде готовых изделий, а может быть слитков, от населения, владеющего металлом турбинских форм.

Металлообработка характеризуется высоким уровнем кузнечного мастерства в сочетании с отличным знанием свойств металла и широким применением термообработки меди. Отливка мелких бляшек-розеток свидетельствует также о большом навыке металлургов-литейщиков.

О. Н. Евтюхова.

КЕРАМИКА АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

В статье рассматривается керамика из 18 абашевских могильников, раскопанных в разное время в пределах Чувашской и Марийской АССР (Абашево, Алгаши, Большое Янгильдино, Виловатово II, Вильял, Картергино, Кугунур, Миняшкино, Нартасы, Пикшик, Семейкино, Сретенка, Тапшер, Тауш-Касы, Теби-Касы, Троицкое, Туруново, Тюрлема). Большая часть материалов опубликована авторами раскопок в ряде изданий¹. При этом не во всех случаях керамике уделено достаточно внимания.

Основные формы сосудов были определены еще В. Ф. Смолиным после первых раскопок Абашевского могильника в 1926 г. При раскопках было найдено около 15 сосудов, шесть из которых опубликованы². В. Ф. Смолин выделяет четыре вида посуды: «круглодонная, почти колоколообразная», «низкая шарообразная посуда с закругленным и уплощенным дном»; «стаканообразная посуда с плоским дном и прямыми стенками»; «небольшая посуда мискообразной формы». Сосуды последнего вида, судя по рисунку, всеми последующими исследователями называются остросереберными, по-видимому, по аналогии с похожими на них по форме сосудами срубной культуры. Посуду колоколообразной формы В. Ф. Смолин считает преобладающей.

На основании материалов своих раскопок Абашевского могильника О. А. Гракова выделяет сосуды известных уже видов: остросереберные, колоколообразные и один чашеобразный. Последний, судя по рисунку, тоже надо считать остросереберным³.

Те же основные типы сосудов, дополненные новыми вариантами форм внутри типов, называют А. Х. Халиков, Н. Я. Мерперт и другие исследователи при описании посуды из раскопок могильников абашевской культуры. Накопленный в результате работ последних лет новый материал дает возможность более подробно рассмотреть керамику абашевской культуры Среднего Поволжья.

¹ В. Ф. Смолин. Абашевский могильник. Чебоксары, 1928; О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник.—КСИИМК, 1947, вып. XVII; М. С. Акимова. Курганный могильник около дер. Тауш-Касы.—«Уч. зап. Чувашского НИИ», вып. IV. Чебоксары, 1950; Н. Ф. Калинин. Экспедиция по западному району Татарской АССР.—КСИИМК, 1952, вып. 44; О. Н. Евтюхова. Абашевские курганы у селений Туруново и Троицкое в Марийской АССР.—«Труды Марийского НИИ», вып. XIV. История, археология и этнография. Йошкар-Ола, 1959; А. Х. Халиков. Новые памятники абашевской культуры в Волго-Вятском междуречье.—СА, 1959, № 2; Он же. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР.—МИА, 1961, № 97; Н. Я. Мерперт. Абашевские курганы Северной Чувашии (раскопки 1957—1958 гг.)—Там же.; П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье.—Там же.

² В. Ф. Смолин. Указ. соч., стр. 50—52, рис. 13—17.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник, стр. 94, рис. 38

Керамика из абашевских могильников правого и левого берегов Среднего Поволжья почти одинакова по формам и орнаментации сосудов, поэтому не имеет смысла рассматривать ее отдельно. Однако некоторое своеобразие у сосудов каждой из этих географических групп имеется, что и будет во всех случаях отмечено особо. В Левобережье число раскопанных курганов, а соответственно, и количество сосудов меньше, чем в Правобережье.

Сосуды из абашевских курганов Среднего Поволжья могут быть разделены по форме на несколько типов. Выделяемые типы сосудов существовали одновременно и встречаются вместе в курганах. Как уже отмечалось при описании погребального обряда⁴, сосуды в зависимости от их размера занимают в могильной яме определенное место — у ног или у головы погребенного; у ног стоят крупные сосуды, у головы — меньшие. Кроме сосудов, в могильной яме и в самой насыпи кургана часто встречаются фрагменты крупных сосудов. Они несомненно принадлежат той же абашевской культуре, но отличаются от сосудов из погребений более тщательной выделкой и богатым орнаментом, являясь, по-видимому, парадной посудой.

Вся посуда абашевской культуры лепилась от руки из довольно тонкой глины с примесью ракушки, иногда шамота и травы. На внешней поверхности черепка ракушка обычно выщелачивается, что создает впечатление утраченной растительной примеси. Обжиг сосудов слабый, неравномерный, произведен, по-видимому, на костре. Черепок имеет светлую желто-серую поверхность, в изломе он черный; в некоторых случаях поверхность коричнево-серая или темно-коричневая, черепок слоистый. Поверхность сосудов заглажена и часто заложена. Большая часть сосудов орнаментирована. Орнамент геометрический, зональный, выполнен нарезкой или зубчатым штампом среднего размера. В орнаментальной композиции характерны небольшие плоские ямки, подчеркивающие группы орнамента.

Всю керамику можно разделить на четыре типа (рис. 1; 2).

Тип I. Колоколовидные миски. Всего 34 сосуда⁵ (Абашево, $1/1$; $5/1$; $9/2$. Алгаши, $4/1-3$, Виловатово II, $2/2$; $10/1$; $11/4$; $13/1$. Вильял, $1/1$. Б. Янгильдино, 4. Катергино, $2/4$ и 1 (в насыпи). Кугунур, $6/1$; $9/1,2$; $25/1$; $26/1$. Нартагы, 8. Пикшик, 2 (2 сосуда); $3/1$; $4/2$; $10/1$; $12/1,3,5$; $13/2$. Тауш-Касы, $4/3$. Туруново, $4/4$, 6 и еще один сосуд. Сретенка, $4/1$). Сосуды этого типа неглубокие, широко открытые, с плавным отгибом стенок, с закругленным утолщенным венчиком. Кроме нескольких экземпляров, все сосуды круглодонные. Высота их вдвое меньше ширины горла, что является характерной чертой этого типа. Так, при диаметре горла, равном 15—20 см, высота сосуда обычно бывает 8—10 см. Сосуды изготовлены из тонкой глины с примесью песка или шамота. Цвет сосудов желто-серый, неровный, что является следствием кострового обжига, или темно-серый. Поверхность гладкая, часто заложена.

Сосуды этого типа богато орнаментированы. Орнамент геометрический, зональный, нанесен нарезкой и гребенкой; занимает верхнюю половину, иногда $2/3$ тулова сосуда. Характерным является разделение зон орнамента горизонтальными линиями. На некоторых сосудах орнамент начинается с самого венчика, по которому группами нанесены вертикальные насечки или оттиски гребенчатого штампа (Пикшик, 2; Виловатово II, $11/4$; Абашево, $5/1$) (рис. 1, 1, 3, 4). Группы насечек по венчику и

⁴ О. Евтухова. К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры.— МИА, 1961, № 97, стр. 30.

⁵ Здесь и во всех других случаях, когда приводится количество сосудов, автор использует весь доступный материал, что, однако, не является исчерпывающим, хотя верно передает относительное соотношение типов сосудов. Здесь и далее числитель дроби означает номер кургана, знаменатель — номер погребения.

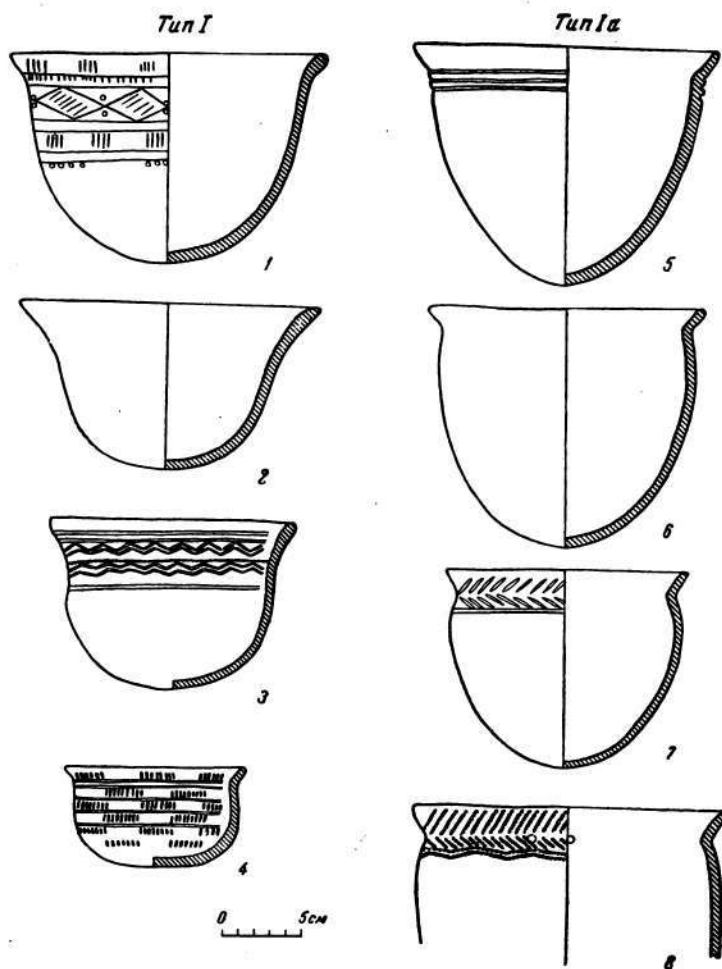

Рис. 1. Типы керамики Правобережья

1—4 — тип I; 5—8 — тип Ia. 1 — Абашево, погребение 1 кургана 5; 2 — Абашево, погребение 2 кургана 6; 3 — Виловатово II, погребение 4 кургана 11; 4 — Пикшик, курган 2; 5 — Алгаша, 1926; 6 — Миняшкино, погребение 2 кургана 2; 7 — Виловатово II, погребение 1 кургана 3; 8 — Виловатово II, погребение 2 кургана 9

под ним и подчеркивающие их горизонтальные линии составляют первую зону орнамента.

Вторая орнаментальная зона состоит, как правило, из ромбов с косой внутренней штриховкой или из треугольников. Треугольники крупные контурные или небольшие, образованные двумя рядами волнистых линий.

Третью зону орнамента образуют группы вертикально расположенного узора — насечек, собранных в группы, «лесенок» с обрамлением, подчеркнутых снизу неглубокими ямками или кружковым орнаментом. В некоторых случаях эту орнаментальную зону заполняет довольно сложная композиция с характерными деталями орнамента: вертикальные «лесенки», чередующиеся с композициями из заштрихованных треугольников и ромбов, вертикальных и горизонтальных узоров «елочки» и др. Таков, например, фрагментированный сосуд из погребения 1 кургана 10 Виловатовского II могильника (рис. 3, 4). Диаметр горла сосуда равен

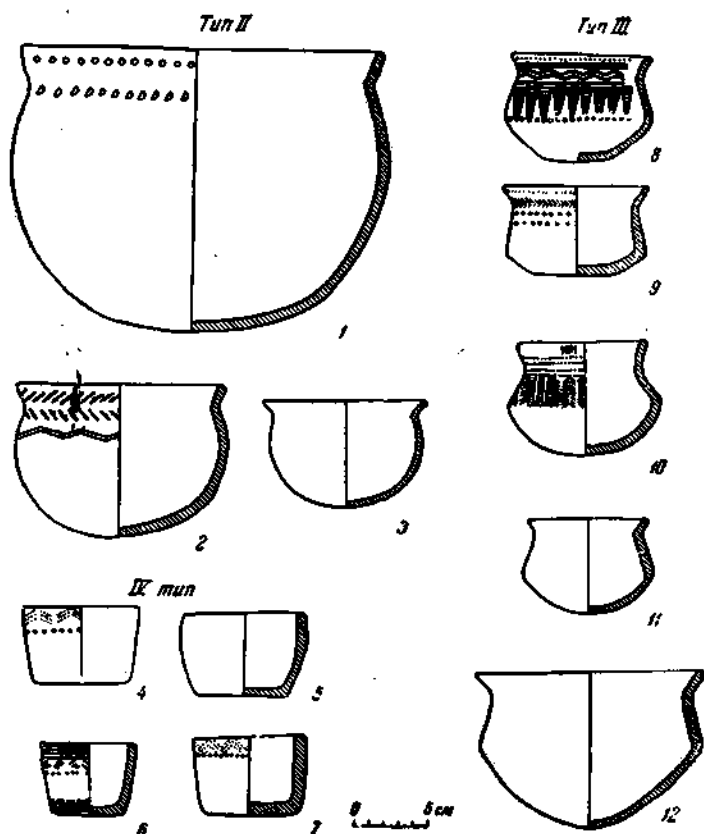

Рис. 2. Типы керамики Правобережья

1—3 — тип II; 8—12 — тип III; 4—7 — тип IV. 1 — Б. Янгальдино, курган 3; 2 — Пикшик, погребение 4 кургана 4; 3 — Пикшик, погребение 1 кургана 8; 4 — Катергино II, курган 5; 5 — Виловатово II, погребение 3 кургана 11; 6 — Миняшкино, погребение 1 кургана 1; 7 — Катергино, погребение 2 кургана 2; 8 — Пикшик, погребение 4 кургана 3; 9 — Алагиши, погребение I кургана 4; 10 — Виловатово II, курган 2; 11 — Катергино, погребение 4 кургана 2; 12 — Виловатово, II, погребение 1 кургана 10

36 см. Нижняя часть сосуда не сохранилась, но по имеющимся фрагментам можно предположить, что высота его была около 26 см. Сосуд имеет сложный орнамент. Под венчиком прочерчены три горизонтальные линии. Ниже нанесен ряд вытянутых ромбов, сделанных гребенчатым штампом. Внутри каждого ромба по два наклонных оттиска того же штампа. Пояс ромбов подчеркнут тремя горизонтальными параллельными линиями. От нижней линии начинается новая, вертикально расположенная композиция. Примерно через равные промежутки спускаются «лесенки», группами по три. Между крайними в группе вертикальными «лесенками» заключены чередующиеся композиции: орнаментальное поле разделено горизонтальной линией на две неравные части. Верхняя часть сплошь заполнена кривой сеткой. Узкая полоска кривой сетки под разделительной чертой подчеркнута рядом неглубоких ямок. В другом случае пространство между «лесенками» в верхней части заполнено двумя рядами вертикальной елочки, в нижней части — только рядом ямок. Весь орнамент занимает $\frac{2}{3}$ высоты сосуда.

Тот же принцип деления орнаментальной зоны вертикальными «лесенками» на чередующиеся композиционные группы соблюдается на

сосуде из погребения 1 кургана 12 могильника Пикшик (рис. 3, 5). Сосуд украшен по венчику короткими насечками, расположенными группами по 15—16 шт. Такие же группы насечек, расположенные в шахматном порядке, нанесены под венчиком. Под ними нанесен фриз из вытянутых ромбов, заполненных параллельной штриховкой. Ромбы отделены от следующей зоны орнамента двумя параллельными горизонтальными линиями. От нижней линии спускаются «лесенки», дающие основу следующей зоне орнамента. Семь вертикальных «лесенок» чередуются с тремя узкими ромбами, расположенными в ряд один над другим. Все пространство между ромбами и горизонтальными линиями, ограничивающими этот пояс орнамента, заполнено частой вертикальной штриховкой и представляет собой вытянутые заштрихованные треугольники. От каждой третьей-четвертой «лесенки» отходят вниз, под углом друг к другу, три луча из таких же коротеньких «лесенок». Каждая маленькая «лесенка» завершена неглубокими ямками по обеим сторонам. Нижняя линия, ограничивающая орнаментальный пояс, тоже подчеркнута рядом неглубоких ямок.

Столь же богато украшен сосуд из Кугунурского могильника (погребение 1 кургана 6) (рис. 4, 4). Под венчиком в три ряда нанесены горизонтальные зигзагообразные линии. Под ними прочерчены три прямые горизонтальные опоясывающие линии. Ниже следует пояс из треугольников, образованных тройными зигзагообразными линиями. Под треугольниками расположена зона орнамента, заключенная в две параллельные линии и составленная следующими элементами: частая, в несколько рядов, вертикальная елочка чередуется с группой вертикальных линий, подчеркнутых сверху и снизу рядом маленьких неглубоких ямок; под этим поясом орнамента следует узкая полоса, заполненная короткими вертикальными насечками, расположенными группами по восемь — десять насечек с правильными интервалами.

Приведенные примеры дают представление о наиболее богато орнаментированных колоколовидных мисках. В орнаментации большинства остальных сосудов этого типа характерно применение тех же элементов, но уже не соединенных в такие сложные композиции.

Для сосудов типа I можно отметить некоторые вариации в форме. Так, колоколовидные миски из левобережных могильников немного глубже. Они имеют такое же широкое горло с плавно отогнутым венчиком, но ширина его хотя и превышает высоту сосуда, но не вдвое, как у колоколовидных мисок Правобережья (ср. рис. 1 и 4).

Два сосуда из левобережного Кугунурского могильника (погребение 1 кургана 9 и погребение 1 кургана 26) (рис. 4, 2) отличаются интересной деталью. На обоих в верхней трети тулова сделан рельефный уступ, треугольный в разрезе, в виде валика, опоясывающего весь сосуд. Один из этих сосудов (погребение 1 кургана 9) плоскодонный.

Среди всех абашевских сосудов Среднего Поволжья не известно больше ни одного с таким уступом.

Тип Ia. Колоколовидные горшки. Всего 33 сосуда (Абашево, $\frac{9}{10}$ и 1 (?). Алгаши, $\frac{1}{3}$; $\frac{3}{1}$; $\frac{4}{1,3}$ (2 сосуда); $\frac{5}{1}$ и 3(?). Виловатово II. 2; $\frac{3}{1}$; $\frac{4}{1}$; $\frac{7}{1}$; $\frac{9}{2}$; II (из ровика); $\frac{12}{2}$; $\frac{13}{1}$. Катергино, $\frac{2}{1}$ (2 сосуда) и еще 3 сосуда. Кугунур, $\frac{9}{2}$. Пикшик, $\frac{4}{3}$; $\frac{5}{3}$ и 1 (?); 8; $\frac{11}{1}$. Миняшкино, $\frac{1}{1}$; $\frac{2}{2,3}$ Тюрлема, $\frac{2}{1}$ и еще один сосуд).

Сосуды этого типа известны пока только из могильников Правобережья (см. рис. 4). Характерной их чертой является широко открытое горло с отогнутым наружу венчиком, удлиненное тулово и округлое дно. Известен один плоскодонный сосуд (Алгаши, $\frac{5}{1}$). Часть сосудов имеет несколько суженное книзу тулово, что образует слегка заостренное дно. Колоколовидные горшки сравнительно тонкостенны, толщина стенок 0,3—0,6 см. Черепок пористый, слоистый, глина с растительной при-

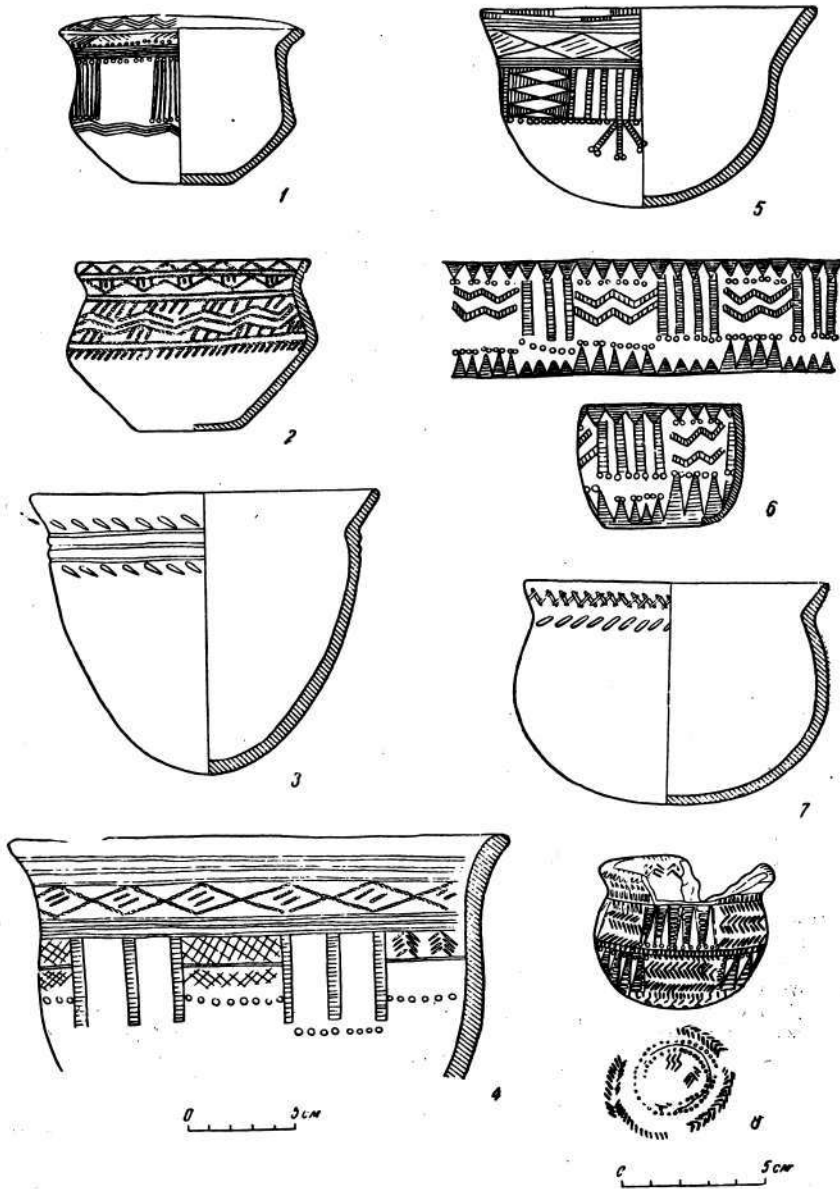

Рис. 3. Типы керамики .

1 — Ташер, погребение 2 кургана 2; 2 — Виловатово II, погребение 1 кургана 5; 3 — Катергино, 1927; 4 — Виловатово, II. погребение 1 кургана 10; 5 — Пикшик, погребение 1 кургана 12; 6 — Виловатово II, погребение 1 кургана 10; 7 — Абашево, погребение 1 кургана 1; 8 — Катергино, курган 2

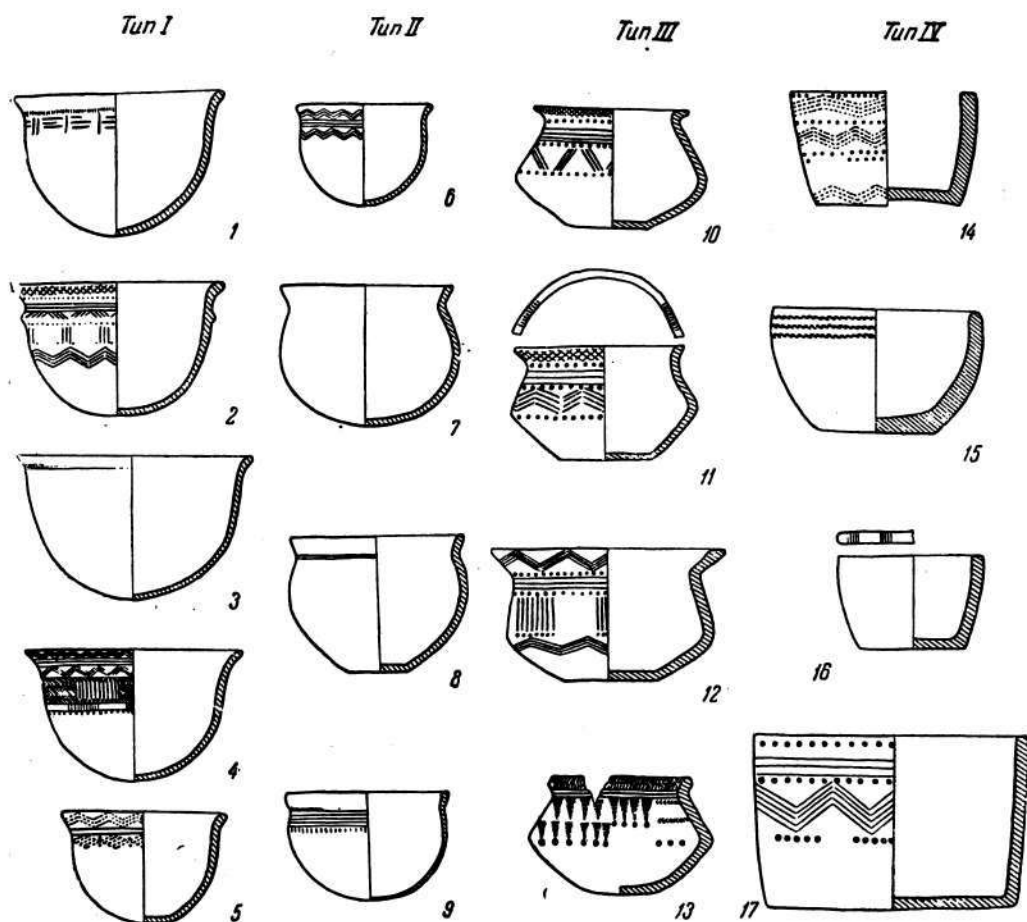

Рис. 4. Типы керамики Ленобережья

1 — Нартасы, курган 8; 2, 17 — Кугунур, погребение 1 кургана 26; 3 — Кугунур, погребение 1 кургана 25; 4 — Кугунур, погребение 1 кургана 6; 5 — Сретенка, погребение 1 кургана 1; 6 — Туруново, погребение 6 кургана 4; 7 — Тапшер, погребение 1 кургана 1; 8 — Кугунур, погребение 2 кургана 6; 9 — Кугунур, погребение 1 кургана 6; 10 — Кугунур, погребение 2 кургана 26; 11 — Вьялял, погребение 1 кургана 1; 12 — Тапшер, погребение 1 кургана 1; 13 — Нартасы, погребение 1 кургана 5; 14 — Сретенка, погребение 1 кургана 4; 15 — Семейкино, погребение 1 кургана 1; 16 — Кугунур, погребение 3 кургана 6

мелью и раковиной. Поверхность сосудов заглажена. Сосуды орнаментированы скупо, около половины их вообще не имеет орнамента.

Для украшения сосудов характерны горизонтальные каннелюры под венчиком, по две-три линии (рис. 1, 5). Кроме того, основными элементами орнамента являются елочка и косые насечки по венчику. Под ними обычно проходит одинарный или двойной зигзаг. На сосуде из Катергино каннелюры обрамлены сверху и снизу косыми насечками.

На сосуде из Виловатовского II могильника (погребение 2 кургана 9) под венчиком нанесена горизонтальная елочка, а под ней в два ряда зигзагообразные горизонтальные линии из оттисков того же штампа. Близкий по композиции орнамент украшает сосуд из того же могильника (погребение 1 кургана 3) (рис. 1, 7).

Тип II объединяет широкогорлые широкодонные круглодонные сосуды с хорошо выраженным плечиком и округлым туловом. Горшки имеют невысокую

шейку с прямым или слегка закругленным и отогнутым наружу венчиком. Известно 11 сосудов этого типа (Абашево, $1/1$. Б. Янгильдино, 3. Пикшик, $4/4$; $8/1$. Тапшер, $1/1$; $2/1$. Туруново, $4/5$; $2/2$ и 1 сосуд из ямы; $4/2$, 5). Два из них имеют плоское дно. В правобережных могильниках такие горшки встречаются редко. В пределах этого типа есть сосуды средних размеров с диаметром горла 26 см и общей высотой 19 см и небольшие сосудики диаметром 15,5 см и высотой 11 см.

В глине этих сосудов, как и во всей абашевской посуде, заметна растительная примесь и толченая раковина, иногда шамот. Поверхность сосудов затерта, по-видимому, пучком жесткой травы и потом замыта водой. Это создает впечатление рельефной заглаженности. Поверхность сосудов имеет серый или темно-коричневый цвет. Большая часть посуды этого типа не орнаментирована. Орнаментированные горшки украшены очень простым узором. Так, сосуд из кургана 3 могильника Б. Янгильдино (рис. 2, 1) украшен рядом неглубоких ямок по венчику и рядом ногтевых отпечатков под ним. На сосуде из Абашевского могильника (погребение 1 кургана 1) (рис. 3, 7) под венчиком нанесена одна полоса орнамента в виде «решетки», местами переходящей в елочку, а под ней полоса косой насечки. На горшке из Туруновского могильника (погребение 6 кургана 4) под горлом нанесен узор из двух полос тройных зигзагообразных линий, разделенных двумя прямыми параллельными горизонтальными линиями (рис. 4, 6). Сосуд из могильника Кугунур (погребение 1 кургана 6) имеет, подобно сосудам типа Ia, под горлом орнамент из горизонтальных каннелюр. От нижней каннелюры отходят вниз короткие вертикальные насечки (рис. 4, 9).

Среди сосудов этого типа есть несколько горшков с уплощенным и плоским дном. Один из плоскодонных сосудов (рис. 3, 1) из могильника Тапшер (погребение 2 кургана 2) имеет заметный перелом в средней части тулова, тем самым сближаясь до некоторой степени с острореберными сосудами, отнесенными к типу III.

Тип III объединяет острореберные сосуды. Сосуды этого типа одинаково часто встречаются в правобережных и левобережных могильниках. Известно 35 сосудов этого типа (Абашево, $5/1,2$. Алгаши, $4/1$; 22; $3/2$. Вилловатово II, $10/1$; 2 (из насыпи); $5/1$. Вильял, $1/1$. Катергино, $2/4$ (2 из насыпи) и еще один сосуд. Нартасы, $5/1$. Сретенка, $4/3$; 1 сосуд из Теби-Касы. Тапшер, $1/1$. Тауш-Касы, $1/2$; 3. Тюрлема, $4/1$; $5/3$. Туруново, $1/2$; $2/2$; $3/1$; $4/1-3$; $5/1$. Троицкое, $1/1$; $3/1$. Кугунур, $28/2$; Пикшик, $3/4$; $3/3$; $12/3$. Б. Янгильдино, 5).

Характерной особенностью являются небольшие размеры сосудов, небольшой отогнутый венчик и резкий перелом в нижней трети тулова сосуда, создающий ребро. Гораздо реже встречаются сосуды, имеющие перелом на середине тулова (Вильял, $1/1$ и др.) (рис. 4, 11). Большая часть горшков имеет плоское или уплощенное дно (рис. 2, 8—11). Сосуд из Туруновского могильника (погребение 1 кургана 4) имеет уплощенное дно с выемкой посередине. Круглодонных горшков этого типа немного, все они происходят из могильников Правобережья. Поверхность сосудов лощеная, обычно темно-коричневого цвета. Острореберные горшки наиболее богато орнаментированы. К уже известным нам на сосудах других типов орнаментам здесь добавляются новые элементы: узкие, опущенные вершинами вниз, горизонтально заштрихованные треугольники и «лесенки», заштрихованные в шахматном порядке. Есть сосуды, целиком покрытые орнаментом. Это горшки из могильника Катергино (курган 2) и из Тюрлемы (погребение 3 кургана 5). На сосуде из Катергино орнаментировано даже дно (рис. 3, 8). По богатству орнамента и его расположению острореберные горшки ближе всего к колоколовидным мискам. Некоторые острореберные сосуды отчасти напоминают по форме колоколовидные, но с переломом в средней части тулова и яв-

ляются как бы промежуточными между этими двумя столь непохожими типами (Виловатово II, $1/10$ и др.) (рис. 2, 12). Однако ни о каком переходе одной формы сосуда в другую здесь речи быть не может, ибо существуют они одновременно. В абашевских погребениях найдено несколько горшков, близких по форме и размерам срубным острорезерным сосудам (рис. 3, 2) (Виловатово II, $5/1$. Абашево, $1/2$). Подобные им сосуды известны в срубных курганах Среднего Поволжья⁶. Однако при всей схожести срубные горшки имеют характерные отличительные черты: более резкую суженность придонной части сосуда и меньшую ширину дна по отношению к горлу. Вряд ли здесь надо усматривать что-нибудь большее, чем просто свидетельство соседства и одновременности этих культур.

Тип IV. К нему относятся 20 плоскодонных цилиндрических баночных сосудиков небольших размеров, высотой 5—8 см, с диаметром горла 7—8 см и тех же размеров баночных сосудиков со слегка расширенным туловом и чуть загнутым внутрь венчиком. (Алгаши, $3/1$. Виловатово II, $12/3$; $11/1,3$; $16/1$. Катергино, $2/2,5$. Кугунур, $6/3$; $7/1$; $26/1$. Миняшкино, $1/1$. Пикшик, $6/1$; $9/1$. Семейкино, $1/1$. Сретенка, $4/1$. Тауш-Касы, $4/2$. Тохмея, 1. Туруново, $2/1$; $3/2$, $4/4$. Троицкое, $2/4$.)

Сюда же нужно присоединить 3 более крупных баночных сосуда, близких по форме к срубным. Из них 2 сосуда найдены в могильнике у с. Катергино (погребение 2 кургана 9 и погребение 1 кургана 2) и 1 — в левобережном Сретенском могильнике (погребение 2 кургана 4).

Маленькие баночные сосудики обычно не отличаются тщательностью выделки. Примерно половина их не орнаментирована. Остальные имеют простой геометрический орнамент (рис. 2, 4—7). Обычно это идущие в два-три ряда под венчиком зигзагообразные или прямые линии, подчеркнутые снизу, а иногда и сверху рядом неглубоких ямок. Некоторые сосуды имеют удивительно похожий орнамент. Так, например, на сосуде из Кугунурского могильника (погребение 1 кургана 26) (рис. 4, 17) по верху, под венчиком, нанесен ряд неглубоких ямок, опоясывающий сосуд, под ними — три горизонтальные параллельные линии, подчеркнутые снизу рядом таких же ямок. Сразу же под ними расположен пояс, образованный зигзагообразными линиями в пять рядов. Каждый нижний угол этого широкого зигзага подчеркнут пятью неглубокими ямками. Совершенно такое же расположение узора мы видим на сосуде из Троицкого могильника (погребение 2 кургана 4), с той только разницей, что здесь, вместо верхнего ряда ямок, нанесены еще две нарезные горизонтальные линии и нижний ряд ямок составляет сплошную линию. На близком им по орнаменту сосуде из Сретенского могильника (погребение 1 кургана 4) (рис. 4, 14), как и на сосуде из могильника Миняшкино (погребение 1 кургана 1) (рис. 2, 6), орнамент нанесен по самому низу сосуда.

Сплошь орнаментирован высокий, в форме стакана, цилиндрический сосудик из Туруновского могильника (погребение 1 кургана 2). Орнамент на нем расположен тоже зонально. Сверху нанесены четыре горизонтальные линии, под ними широкая полоса горизонтального елочного узора, образованная зигзагообразными линиями; снизу она подчеркнута двумя горизонтальными линиями, ниже которых вся поверхность сосуда до самого дна заполнена горизонтальной елочкой. Интересен сплошь орнаментированный сосуд из Виловатовского II могильника (погребение 1 кургана 10), (рис. 3, 6). По верху сосуда зигзагообразной линией образован ряд треугольников, опущенных вершинами вниз. Треугольники заштрихованы горизонтальными линиями. У вершин каждого четырех треугольников нанесено по неглубокой ямке с каждой

⁶ МИА, 1954, № 42, рис. 29, 8, стр. 111; МИА, 1958, № 61, рис. 23, 3, стр. 107.

стороны. От вершин следующих четырех треугольников спускаются вниз длинные узкие «лесенки», тоже обрамленные ямками с каждой стороны. «Лесенки» занимают $\frac{2}{3}$ тулова сосуда. В промежутках между ними расположен узор из двух параллельно идущих зигзагообразных двойных заштрихованных линий. Вся эта композиция трижды повторяется на поверхности сосуда. От самого дна сосуда вершинами вверх поднимаются заштрихованные треугольники разной высоты. Четыре-пять заштрихованных треугольника (той же высоты, что и спускающиеся сверху) чередуются с четырьмя-пятью высокими вытянутыми треугольниками. Вершины вытянутых треугольников обрамлены двумя неглубокими ямками, составляющими одну линию с ямками, обрамляющими «лесенки». Все это образует нарядный и необычный для сосудов этого типа орнамент. В общем же для украшения баночных сосудов характерно применение тех же элементов и композиций орнамента, что и для всей абашевской посуды.

Рассмотрев все типы абашевских сосудов, можно сделать несколько общих выводов относительно их орнаментации. Прежде всего отметим, что наиболее богато орнаментированы остросеребряные сосуды (тип III) и колоколовидные миски (тип I). На сосудах других типов, как уже отмечалось, повторяются те же элементы орнамента, но не соединенные в такие сложные композиции. Особенно бедно орнаментированы колоколовидные горшки (тип Ia).

Для всей абашевской посуды характерен геометрический, как правило, зонально расположенный орнамент, выполненный нарезкой или оттисками гребенки с зубцами средней величины.

Каковы же основные элементы орнамента? Рассмотрим их, взяв расположение орнамента по зонам.

Группы насечек по венчику сосуда и под ним (иногда выполненные гребенкой) и подчеркивающаяся их горизонтальная линия составляют первую зону орнамента. Ромбы с косой внутренней штриховкой, заштрихованные треугольники, горизонтальная елочка и горизонтально расположенные линии зигзагов составляют вторую орнаментальную зону, занимающую верхнюю четверть сосуда.

Композиция вертикально расположенного узора из насечек, «лесенок» с обрамлением внизу, вытянутых узких треугольников, опущенных вершинами вниз, подчеркнутая снизу неглубокими ямками или кружками, образует вторую или третью зону орнамента (напр., рис. 3, 5; 2, 8).

Подобное перечисление элементов орнамента абашевской посуды может дать основание для неверных выводов при сопоставлении абашевской керамики с фатьяновской. О. А. Кривцова-Гракова называет для последней такие характерные элементы орнамента: зигзаги, горизонтальный и вертикальный елочный узор, заштрихованные ромбы и заштрихованные линии, широкой полосой опоясывающие сосуд⁷. Однако даже при сравнении самих сосудов, расположения и характера перечисленных элементов орнамента и их композиций в целом становится очевидным полное несходство керамики этих культур. В этом отношении очень показательна приведенная К. В. Сальниковым таблица «Развитие элементов орнамента керамики фатьяновской и абашевской культуры»⁸, где, вопреки желанию автора, различие выступает более резко, чем сходство.

Еще большие различия наблюдаются в формах сосудов, их глине и технике изготовления.

Итак, мы считаем, что для установления генетической связи между фатьяновской и абашевской культурами по данным керамики нет ни-

⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры.— КСИИМК, 1947, вып. XVI, стр. 28.

⁸ К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале.— СА, 1959, № 21.

каких оснований. О том же свидетельствуют и данные погребального обряда⁹.

Следует обратить внимание и на имеющееся различие в абашевской средневожской и приуральской керамике. Предварительно можно сказать, что если средневожская керамика абашевского типа имеет некоторые черты сходства со срубной, то абашевская керамика приуральских памятников имеет большое сходство с керамикой андроновской культуры. В качестве рабочей гипотезы может быть выдвинуто следующее предположение: поволжская и приуральская ветви племен абашевской культуры в своем продвижении и расселении испытывали влияние и усваивали отдельные элементы культуры более сильных соседних срубных и андроновских племен.

Открытие в последние годы П. Д. Либеровым на Среднем Дону памятников эпохи бронзы, в которых обнаружена керамика, во многом сходная с абашевской, позволит, по-видимому, если не увеличить область распространения самой абашевской культуры, то, по крайней мере, раздвинуть границы зоны ее контакта с другими культурами эпохи бронзы. Исследование материалов этих памятников необходимо сделать на более широком фоне с привлечением всех материалов, близких абашевским. Но эти проблемы уже выходят за рамки настоящей статьи.

⁹ О. Евтюхова. К вопросу о погребальном обряде...

Е. Е. Кузьмина

ПЕРИОДИЗАЦИЯ МОГИЛЬНИКОВ ЕЛЕНОВСКОГО МИКРОРАЙОНА АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Перед Еленовским отрядом Оренбургской экспедиции стоит задача изучения андроновского микрорайона, что позволит наметить детальную периодизацию памятников, поскольку различия между ними в пределах микрорайона, естественно, могут быть только хронологическими, а не локальными, хотя памятники, принадлежащие одной общине, и могут иметь некоторые этнографические особенности, выделяющие их из числа синхронных им памятников соседних общин.

Среди 50 андроновских памятников, обследованных экспедицией за три года, 13 могильников¹ (схема 1). Все они располагаются на низком левом берегу небольших речек, как правило, примерно напротив относящихся к ним поселений.

В 7 могильниках были произведены рекогносцировочные раскопки. При анализе найденного в них массового материала — керамики — был применен сравнительно-стратиграфический метод классификации, разработанный П. П. Ефименко при исследовании могильников Рязанской земли².

Сопоставление элементов орнамента и формы сосудов Еленовского микрорайона (схема 2) позволило наметить два четко различающихся типа могильников и промежуточный, переходный между ними, тип. Это выделение трех типов могильников подтвердилось при рассмотрении деталей погребального обряда и конструкции сооружений (схема 1).

К первому типу относится могильник Ушкатты I³.

Могильник расположен на довольно возвышенном участке второй надпойменной террасы, примерно в 50 м от левого берега р. Ушкатты, в 550 м выше фермы № 9. С востока площадь могильника ограничена неглубоким оврагом, по склону которого группируется несколько оград. В 400 м к югу от могильника на высоком холме видны величественные курганы могильника Ушкатты III.

Могильник Ушкатты I состоит из 44 сооружений двух типов:

курганов диаметром до 17 м, незначительной высоты, у основания которых проходит каменное кольцо, составленное из крупных каменных плит; они сложены из земли и галечника и имеют сегментовидную форму;

¹ Е. Е. Кузьмина. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры. — КСИА, 1962, вып. 88, стр. 86—87.

² П. П. Ефименко. Рязанские могильники. — «Материалы по этнографии», т. III, вып. 1, Л., 1926.

³ Он был открыт местным краеведом А. С. Новиченко и показан им С. А. Попову и Н. П. Кипарисовой во время их кратковременной разведки в Домбаровском р-не Оренбургской обл. в 1954 г. (Отчет Н. П. Кипарисовой. Архив ИА, № 987). В 1959 г. местоположение этого могильника, так же как могильников Атакен-сай и Шаядаша, было любезно указано нам, за что приношу А. С. Новиченко благодарность.

Могильник	Количество сооружений	Средние размеры сооружений в метрах (длинах) высота	Типы сооружений						Состояние				Ориентировка по сторонам горизонта	Примечание	Характерный тип могильника
			земляные курганы	земляные курганы с каменными курганами	колыца	срубленные каменные курганы и каменные курганы	в ящиках	в ящиках	в ящиках	в ящиках	в ящиках	в ящиках			
Ушкаты III	8	до 30	до 19	+	⊕	+	+	+						Расположен на холме	Могильник с шпилькой
Курхата	11	10-20	05-11	+	⊕	+	+	+						Стола	
Байту I	7	7-12	02-07		⊕	+	+	+						На холме	
Шандаша II	4	5-10	04		⊕	+	+	+						Стола	
Ушкаты I	44	4-10 до 17	02-07 до 11		+	⊕	+	+						Разрушен	
Байту II	20?	6-10			+	⊕	+	+							II ранне-александровский
Шандаша I.	44	45-10	04-07		+	⊕	+	+						Разрушен	
Турсумбай III	31	35-10			+	⊕	+	+						2 кургана "в ящиках"	Александровский
Еленовский I	4	3-8			+	⊕	+	+							
Атамен-сай	60	2-5-9			+	⊕	+	+						Стола	
Ушкаты II	8													Разрушен	Неизвестен
Еленовский II	13	3-8			+	⊕	+	+							
Кашмбай															

⊕ а б

Сравнительная схема (1) сооружений могильников Еленовского микрорайона
 а — признак встречается; б — признак преобладает

каменных колец, составленных из крупных плит, вертикально врытых в землю; размеры колец весьма значительны: как правило, 5—10 м; контуры их очень четки; обычно каменные кольца размещаются вокруг более значительных курганов, составляя отдельные группы.

Раскопки 10 сооружений, выбранных в разных участках могильника, показали, что обряд и инвентарь погребений в курганах и кольцах в разных группах единообразен. Погребенные лежат в грунтовой могильной яме, перекрытой каменными плитами, или в каменном ящике также с каменным перекрытием. В некоторых случаях стенки ящиков выступают на поверхность еще до раскопок. Как ящики, так и ямы ориентированы строго с востока на запад. Ящики составлены из гранитных плит, причем торцовые стенки поднимаются несколько выше боковых. Иногда стенки ящиков укреплены небольшими каменными плитками-подпорками. Ямы, вырытые в желтой материковой шебнистой глине, имеют овально-прямоугольную форму, размеры их 1,7—2 × 0,9—1,1 м при глубине 0,7—1,0 м; размеры детских ям гораздо меньше. В пяти случаях прослежены одиночные погребения, в пяти — парные погребения: либо в двух ямах (кольцо 12, курган 23), содержащих центральное взрослое и детское погребение в отдельной яме, либо в двух ящиках (кольцо 39 с двумя детскими захоронениями), либо, наконец, в ящике и яме (разрушенное кольцо 37). Совместное парное погребение в одной яме можно предполагать только в кольце 24. Сочетание погребений в ящиках и погребений в грунтовых ямах в разных группах могильника и даже в пределах одного кольца не позволяет принять гипотезу В. С. Сорокина о связи двух этих обрядов с фратриальной системой рода андроновских племен⁴, и вопрос о причинах сосуществования двух этих обрядов, таким образом, остается открытым.

Погребенные в могильнике Ушкатты I лежат скорченно на боку, головой на запад. В четырех случаях обряд погребения установить не удалось, в шести случаях покойники положены на левый бок, в пяти — на правый; из них три погребения принадлежат детям, погребенным в отдельных могилах рядом с центральной могилой взрослого, где покойник лежал на левом боку (погребения 12, 23, 39 и одно погребение, которое разрушено и может быть смещено, — кольцо 38). Господствующим надо признать обряд погребения на левом боку.

Следует остановиться на двух интересных могилах. В кольце 24 на глубине 0,86 м расчищен обезглавленный скелет взрослого человека, лежащий скорченно на левом боку. Над скелетом и около ног найдены скопления мелких костей человека и фрагменты керамики. При погребенном лежали браслет, бусы, овальная подвеска. Непосредственно под этим скелетом на глубине 0,94 м лежал второй скелет также без черепа скорченно на левом боку. На ногах погребенного надеты браслеты из бронзовых бус, еще несколько бусин лежало около шеи. Рядом с ним стоял сосуд. Вероятно, оба скелета были смещены при разграблении могильной ямы. Однако возможно, что здесь мы имеем дело с каким-то неизвестным ритуалом андроновцев, поскольку в кольце 6 могильника Атакен-сай прослежена подобная картина: над богатым женским погребением без черепа расчищено два взрослых скелета без черепов.

Другой интересный случай отмечен в кургане 38, где около разрушенного взрослого погребения открыты следы тризны — ориентированный на запад неполный скелет собаки с подогнутыми ногами. Случаи находок костей собаки в погребениях не единичны. Они зарегистрированы, например, в андроновских могилах у Минусинска⁵, в Западном

⁴ В. С. Сорокин. Могильник Тасты-Бутак I.— КСИА, 1960, вып. 80, стр. 53—59.

⁵ Г. П. Сосновский. К истории скотоводства в Сибири.— «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I. М.—Л., 1940, стр. 135, 142.

Могильный	н а т у л о в е													
	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Ушкаты I	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○	○
Купухта							○	○	○	○	○	○	○	○
Байты I и II								○	○	○	○	○	○	○
Шандаша I								○	○	○	○	○	○	○
Атакен-сай											○	○	○	○

○ — сосуд

Сравнительная схема (2) орнамента и формы горшковидных

Казахстане, в Челябинской обл., а также в памятниках срубной культуры⁶.

Кроме этого погребения, кости животных встречены в четырех детских погребениях (12, 23, 39), где около черепов выложено по несколько астрагалов (альчиков) лошади, коровы и, главным образом, овцы⁷.

В большинстве курганов и колец могильника сохранились следы гризны — несколько сосудов, поставленных на глубине 0,05—0,1 м от дневной поверхности.

В каждой могиле при погребенном поставлены один, два, иногда три сосуда. Найденные при некоторых погребенных могильника Ушкаты I немногочисленные украшения представлены несколькими типами. В кургане 23, а также в кольце 12 найдены бронзовые височные колечки в полтора оборота. Одно из них свернуто из круглой в сечении проволоки, другое — из выпукло-вогнутой пластины. На ногах погребенных в кольцах 15 и 24 найдены бронзовые бусы, видимо нашитые на штаны или завязку для обуви; в кольце 24 найден бронзовый браслет с несомкнутыми концами.

В кольцах 25 и 30 внутри могильных ям найдены кремневые ножевидные пластины, возможно, относящиеся к погребениям. Еще несколько кремневых орудий собрано на площади могильника в выбросах из нор грызунов.

Найденная в могильнике керамика представлена сосудами трех типов, причем все три типа иногда встречаются в пределах одного погребения (рис. 1, 1—9). К первому типу относятся горшковидные сосуды среднего или большого размера с раздутыми боками, без уступчика, со слегка отогнутым венчиком и небольшим дном (рис. 1, 1, б). Второй тип составляют сосуды большого или среднего размера, также с раздутыми боками, но с уступчиками на плече. Часто эти сосуды имеют каннелюру, которая и образует уступчик. Следует отметить, что максималь-

⁶ В. А. Городцов. К истории приручения собаки в пределах СССР. — «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. 1. М.—Л., 1940, стр. 155; А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. — ИГАИМК, 1935, вып. 119, стр. 95; В. С. Стоколос. Курганы эпохи бронзы у с. Степное. — «Краеведческие записки», вып. 1. Челябинск, 1962, стр. 3—12.

⁷ Все определения остеологического материала Еленовского отряда произведены проф. В. И. Далкиным.

Н а в е н ч и к е													Тип сосуда					

сосудов из могильников Еленовского микрорайона

ное расширение стенки сосуда находится не около уступчика, а ниже, примерно на середине общей высоты сосуда, благодаря чему сосуды с уступом сохраняют вазообразную форму. Венчик сосудов слегка отогнут, дно малого диаметра (рис. 1, 2—5).

Сосуды как первого, так и второго типа имеют прекрасно лощеную поверхность и богато орнаментированы. Узор располагается зонально: на венчике и на плечике. Очень часто орнамент нанесен зубчатым штампом; гладкий штамп также применяется. По венчику обычно размещается несколько рядов зигзага, равнобедренные или косые треугольники, противостоящие треугольники, флажки и т. д.

Орнаменты на плечиках сложны, очень разнообразны и представляют собой меандры, свастики, сложные X- и Z-образные фигуры с отрезками, образующие горизонтально заштрихованными лентами; поперечная штриховка орнаментальных полос встречается реже.

Третий тип составляют сосуды баночной формы среднего и маленького размеров. Как правило, они встречаются в составе остатков тризны и в детских погребениях. Среди баночных сосудов выделяется три подгруппы:

средней величины горшочки с уступчиком на плече. Обычно они имеют довольно грубую поверхность и иногда украшены желобками;

небольшие толстенные баночки-стаканчики, иногда также с канелюрой и очень бедным орнаментом (рис. 1, 8, 9). К этому типу примыкает найденный в погребении кургана 33 интересный стаканчик с горизонтальными рядами равнобедренных треугольников. Сверху он прикрыт крышкой с треугольным орнаментом (рис. 1, 7);

наконец, найдено несколько неорнаментированных баночных сосудов с округлым плечом, слегка отогнутым венчиком и хорошо лощеной поверхностью.

Тот факт, что сосуды разных типов встречаются в пределах одного погребения, позволяет считать все рассмотренные типы керамики одновременными, а также предполагать, что разные погребения могильника относятся к одной эпохе.

К другому типу могильников Еленовского микрорайона относятся могильники Атакен-сай, Шандаша, Еленовский и, по-видимому, Турсумбай III, объединяемые рядом общих черт. Хотя могильник Атакен-сай отстоит от могильника Ушкатты I всего на несколько километров вверх по течению реки Ушкатты, он весьма существенно отличается от последнего как по внешнему виду сооружений, так и по инвентарю погребений,

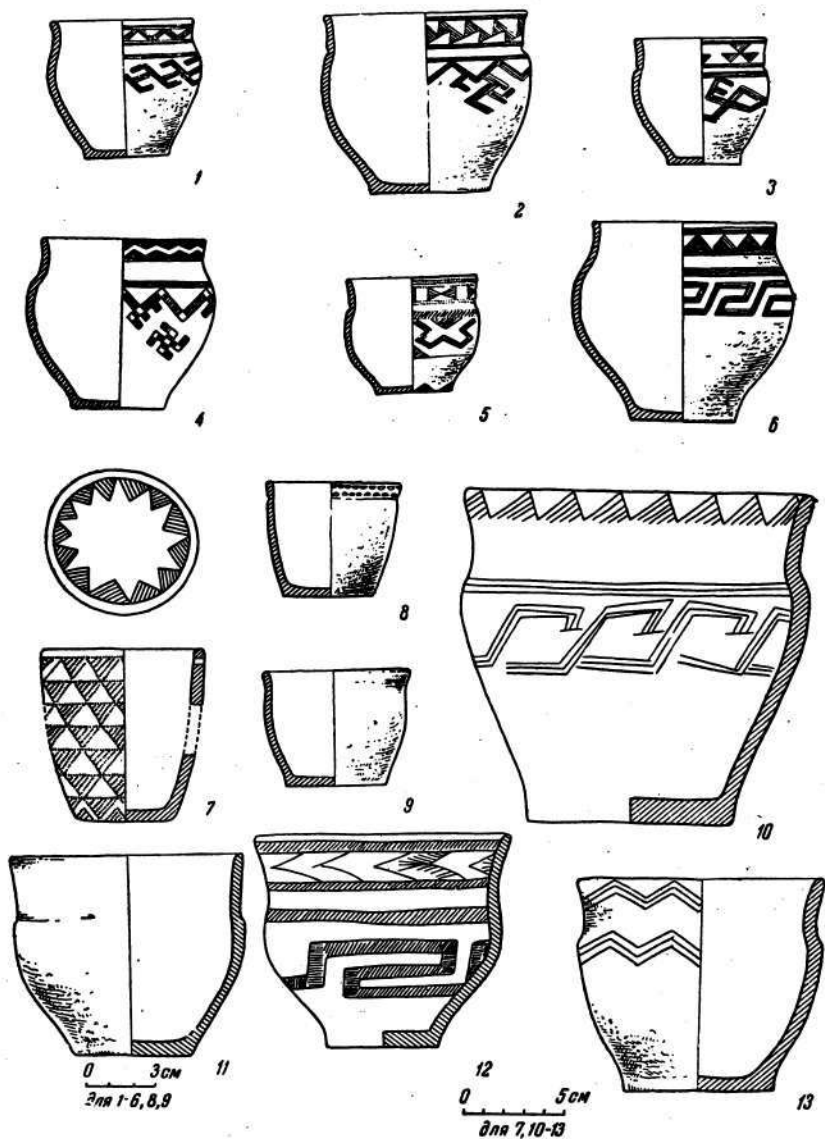

Рис. 1. Сосуды из могильников Ушкаты I и Байту

1-9 — Ушкаты I; 1 — кольцо 38; 2, 5 — кольцо 24; 3 — кольцо 15;
 4, 6, 8 — кольцо 23; 7 — кольцо 33; 9 — кольцо 39. 10-13 — Байту:
 10 — Байту I, кольцо 4, погребение 1; 11-12 — Байту II, кольцо 9,
 погребение 1; 13 — Байту II, кольцо 12

особенно по керамике. Могильник расположен на второй надпойменной террасе, на левом берегу реки, приблизительно в 800 м к востоку от нее. Он состоит из 60 сооружений, которые на четырех холмах образуют четыре группы. В центре каждой группы находится одно кольцо из крупных плит или невысокий курган диаметром 7—7,5 м и высотой до 0,3 м, иногда с примесью камня в насыпи; вокруг центрального кольца или кургана группируются небольшие кольца диаметром 2,5—5, реже 6—7 м, небрежно составленные из небольших плит. Контуров колец нечетки, иногда кольца смыкаются друг с другом; весьма часто встречаются кольца овальной формы и прямоугольные оградки, пристроенные к основному сооружению. В целом сооружения могильника Атакен-сай менее монументальны и выполнены значительно более небрежно, чем курганы и кольца Ушкатты I (схема 1). В трех группах могильника в некоторых кольцах на поверхность выступают стенки каменных ящиков. Следовательно, и в этом могильнике погребения в каменных ящиках не составляют особых групп на территории могильника.

В разных группах могильника Атакен-сай были произведены раскопки восьми каменных колец, показывающие, что обряд погребения и инвентарь на разных участках могильника единообразны. В центре кольца расположена могильная яма размерами 1,4—1,5 × 0,6—0,75 м, глубиной 0,6—0,7 м, перекрытая сверху крупными каменными плитами. В одном случае (кольцо 46) в центре располагался каменный ящик, составленный из плит, врытых вертикально.

Пять из раскопанных колец содержали одиночные погребения в центре. В одном случае (кольцо 44) обнаружены погребения трех детей, видимо, в трех индивидуальных ямах. Интересно отметить, что череп девочки (погребение 2) положен на плоскую каменную плиту — зернотерку. В другом случае (кольцо 43) рядом с центральным взрослым погребением имелось совершенно разрушенное погребение маленького ребенка в индивидуальной яме. Наконец, в кольце 47 можно предполагать наличие взрослого парного нарушенного погребения.

Интересный обряд прослежен в кольце 6, где на дне могильной ямы был расчищен женский скелет без черепа; рядом были положены довольно богатые украшения. Поверх этого костяка лежали смещенные скелеты двух взрослых людей без черепов, засыпанные кусочками охры, угольками и светлым суглинком. Каково значение этого обряда, в настоящее время установить невозможно. Угольки, кусочки обожженной глины и мел найдены также в могильной яме в кольце 8 и в следах тризны в кольце 43.

Во всех случаях, где возможно было установить обряд погребения, покойники лежали скорченно на левом боку, головой на западо-юго-запад. Судя по ориентировке могильных ям, расположению керамики и сохранившимся в первоначальном положении костям ног, эту ориентировку следует признать господствующей.

Около стенки кольца, а иногда в центре рядом с плитами, перекрывающими могильную яму, обычно располагаются следы тризны — один — три сосуда и изредка кости животных (овцы, коровы и лошади).

В некоторых погребениях могильника найдены бронзовые украшения: бронзовые бусы, иногда образующие браслет на ногах (кольца 8, 47, 6), бронзовые несомкнутые браслеты из выпукло-вогнутой пластины, (кольца 6, 47, 44), височные кольца в полтора оборота (кольца 43, 47) и бронзовые полусферические бляшки с отверстиями для нашивания на одежду (кольцо 6), а также мелкие белые пастовые (аргиллитовые) бусы (кольцо 6). В кольце 41 найдено каменное, тесловидной формы орудие.

У головы погребенных были поставлены сосуды, которые подразделяются на два основных типа (рис. 2, 1—3, 5, 6).

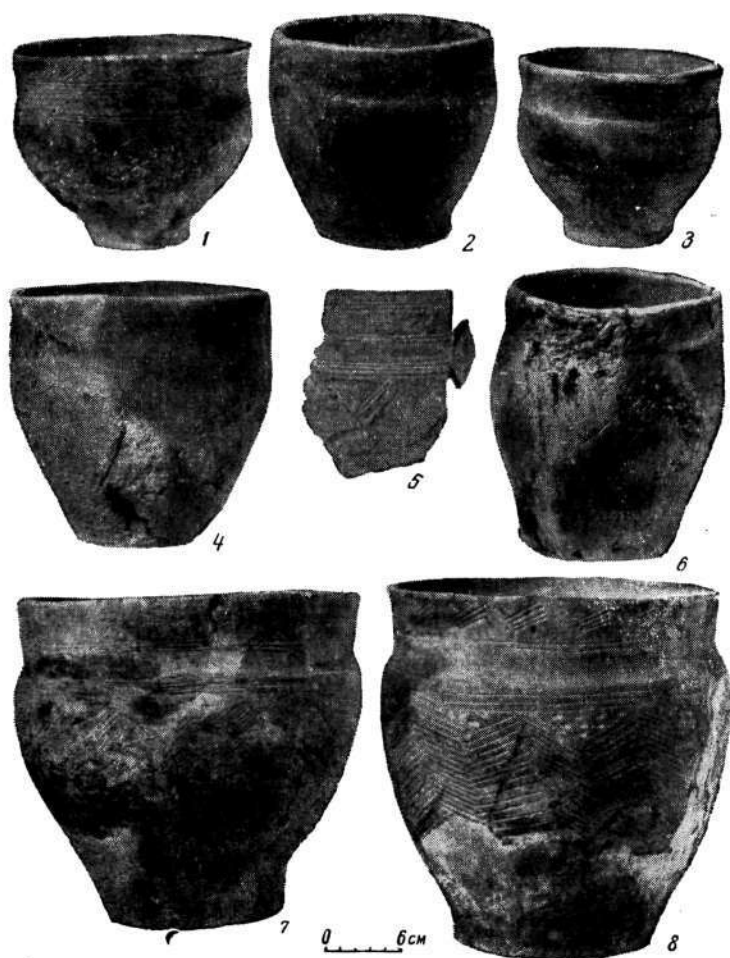

Рис. 2. Сосуды из могильников Атакен-сай и Шандаша

1—3, 5, 6 — Атакей-сай: 1, 3 — кольцо 44; 2 — кольцо 43; 5 — кольцо 37; 6 — кольцо 8.
4, 7, 8 — Шандаша: 4 — кольцо 23; 7, 8 — кольцо 18

К первому типу относятся крупные и средние горшковидные сосуды со слегка отогнутым наружу венчиком и ярко выраженным уступчиком на плечике. Максимальное расширение стенки сосуда находится под уступом. Наружная поверхность сосудов грубая, лишь в некоторых случаях заглаженная. Значительная часть сосудов этого типа не орнаментирована (рис. 2, 3). Остальные украшены весьма бедным и однообразным орнаментом, расположенным зонально: на венчике и на плечике. Орнамент состоит из равнобедренных треугольников, вертикального зигзага и елочки. В одном случае по тулову идут небрежно нанесенные ромбы. Как правило, орнамент нанесен гладким штампом; иногда отграничивающие орнаментальные зоны пояски нанесены крупнозубчатым штампом (рис. 2, 1, 5).

Второй тип сосудов могильника Атакен-сай составляют довольно крупные, вытянутых пропорций сосуды, по форме приближающиеся к баночным, у которых под горлом иногда проходят одна — три широких каннелюры. Они или не орнаментированы, или бедно украшены равнобедренными треугольниками, елочкой и насечками (рис. 2, 2, 6). Интерес представляет сосуд из кольца 37, у которого по валику, образованному

каннелюрами, нанесен елочный орнамент, так что сосуд внешне напоминает керамику с налепными валиками с насечками, хотя, по существу, и не относится к этому типу.

В целом керамика могильника Атакен-сай как по составу теста и обработке внешней поверхности, так и по орнаменту гораздо грубее керамики Ушкаттинского комплекса. И форма сосудов и орнаментация гораздо более стандартизованы и упрощены. Из всего обилия и многообразия орнаментов горшков Ушкатты на сосудах Атакен-сай представлены только насечки, елочка, зигзаг и равнобедренные треугольники, нанесенные весьма небрежно.

По-видимому, очень близок к могильнику Атакен-сай по обряду и инвентарю погребений могильник Еленовский I, расположенный на левом берегу р. Книмбай. Он был открыт геологами, а затем обследован А. А. Формозовым в 1949 г. и К. В. Сальниковым в 1950 г. В настоящее время могильник сильно разрушен шурфами георазведки; удается выделить только 14 сооружений, хотя еще в 1950 г. К. В. Сальниковым было отмечено 15 каменных колец диаметром 3,5—8 м, 2 кургана с каменными насыпями и ряд овальных каменных площадок. Первоначально количество андроновских могил было значительно больше. Кольца могильника сложены очень небрежно; наряду с крупными кольцами встречаются овальные и смыкающиеся оградки небольшой величины. Интересно отметить, что сооружения сложены из кусков отработанной породы расположенного в непосредственной близости от могильника Еленовского рудника. Это наблюдение имеет весьма существенное значение, поскольку позволяет датировать начало разработки рудника временем, предшествующим сооружению могильника. В Еленовском могильнике раскопкам подверглись три андроновских погребения; одно из них было вскрыто геологами. Это погребение содержало спиральное медное височное кольцо. Сведения о других находках в нем отсутствуют. Во втором кольце, также раскопанном геологами, имевшем диаметр 3—5 м, было вскрыто ориентированное на юго-запад парное погребение; в головах погребенных были положены кости животных, 2 сосуда, один из которых орнаментирован заштрихованными треугольниками⁸. Третье кольцо, диаметром 6—7 м, раскопано К. В. Сальниковым. В центре его располагалась могильная яма, в которой скорченно на правом боку лежал скелет женщины, ориентированный головой на юго-запад; на шее и на ногах найдены бронзовые бусы, у головы стоял неорнаментированный сосуд с примесью дресвы в тесте⁹.

Тот же облик, что и два последних могильника, имеет могильник Турсумбай III, расположенный на довольно возвышенном холме на берегу сая Турсумбай, в 1,5 км от пос. В. Книмбай. Могильник был бегло осмотрен Н. П. Кипарисовой в 1954 г., а в 1959 г. обследован нами. Он состоит из 31 сооружения, среди которых преобладают кольца небольшого диаметра (3,5—6 м), группирующиеся вокруг более значительных колец, достигающих 10 м в диаметре. Все сооружения сложены из небольших, неправильной формы, колотых камней, выложенных на поверхности весьма небрежно. Очень часто ограды имеют неправильную форму и смыкаются друг с другом; встречаются навалы камней.

Если могильники Еленовский I и Турсумбай, ввиду недостаточной изученности, только предположительно могут быть отнесены к памятникам Атакен-сайского типа, то могильник Шандаша несомненно должен быть объединен с могильником Атакен-сай в одну группу. Он распо-

⁸ А. А. Формозов. Отчет об археологических разведках в районе г. Орска в 1949 г. Архив ИА АН СССР, № 360, 361.

⁹ К. В. Сальников. Отчет об археологических исследованиях 1950 г. по р. Книмбай. Архив ИА АН СССР, № 409, стр. 10; К. В. Сальников, А. С. Новиченко. Андроновские памятники Домбаровского р-на.— СА, 1962, № 3.

жен на левом берегу речки Шандаши, притока Киимбая, и состоит из 46 сооружений, среди которых выделяется несколько средних курганов (диаметром от 7 до 10 м) с каменным кольцом и насыпью из галечника и мелкого камня (высотой 0,4—0,7 м); вокруг них разбросаны мелкие каменные кольца диаметром 3,5—5 м, составленные из небольших, острых, вертикально врытых камней. Изредка встречаются смыкающиеся ограды. Как и в других могильниках, сооружения составляют отдельные группы. На площади могильника находится курган с усами, сложенными из мелких камней, и аналогичное сооружение в виде замкнутого задернованного вала, примыкающего к кургану. Располагающиеся на площади андроновских могильников курганы с усами датируются эпохой ранних кочевников¹⁰.

В 1961 г. в разных группах могильника Шандаша были проведены раскопки 8 колец, показавшие, что и здесь, как и в других исследованных могильниках, погребальный обряд и инвентарь отдельных погребений весьма сходны между собой. Во всех исследованных кольцах в центре располагалась могильная яма, перекрытая на высоте 0,1—0,2 м от поверхности крупными каменными плитами. Однако в могильнике, вероятно, имеются и погребения в каменных ящиках, поскольку в нескольких случаях выступающие на поверхность плиты, видимо, составляют стенки ящиков. Из 8 исследованных колец 4 содержали по одиночному взрослому погребению в центре (погребения 18, 38, 39, 40); в кольце 13 в центре находилось погребение ребенка; кольца 21, 23 и 33 содержали рядом с центральным взрослым погребением погребения детей в отдельных ямах, причем можно предполагать, что в кольцах 23 и 33 было совершено по два младенческих погребения. Погребенные были положены (в случаях, где удалось установить первоначальную позу) на левый бок, лишь в кольце 39 можно предполагать, что покойник лежал на правом боку. Ориентировку погребений и даже ям, к сожалению, не везде можно было выяснить. По-видимому, господствующей является юго-западная ориентировка.

В детском погребении кольца 13 было найдено несколько алычилов овцы. Набор украшений, найденных в могильнике, очень скромный и весьма традиционен: обломки бронзовых несомкнутых браслетов (детское погребение 2 в кольце 23 и взрослое погребение 2 в кольце 33); бронзовые бусы на ногах (в том же погребении в кольце 33 и в кольце 39) и разрозненные бронзовые бусы в кольце 21.

При каждом погребенном найдено от 1 до 3 сосудов. Сосуды грубые, тесто содержит большую примесь дресвы, обжиг неровный, наружная поверхность часто лошенная. По форме сосуды разделяются на те же две группы, которые выделены в керамике могильника Атакен-сай:

довольно крупные и средние горшки с выраженным уступчиком и максимальным расширением стенки в верхней трети сосуда, под уступчиком, с широким дном и слегка отогнутым или прямым, часто уплощенным венчиком (рис. 2, 7, 8);

сосуды вытянутых пропорций от весьма крупных до небольших по величине, приближающиеся по форме к баночным (рис. 2, 4). Сосуды первого типа (рис. 2, 7, 8) иногда орнаментированы и украшены каннелюрами. Орнамент расположен зонально: по венчику идут равнобедренные треугольники или зигзаг, по тулову — тот же зигзаг, заштрихованные ромбы и в двух случаях Z-образные фигуры. У дна изредка встречаются насечки. Орнамент нанесен весьма небрежно гладким штампом, зубчатым штампом и то в сочетании с гладким орнаментирован только

¹⁰ М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР», т. VII. Алма-Ата, 1959, стр. 163.

один сосуд. Интересны несколько сосудов с резким ребром в верхней части тулова и грубым орнаментом. И по форме и по узору они очень напоминают срубные горшки хвалынского этапа.

В целом, и по пропорциям, и по орнаменту, и по составу теста, и по характеру обработки поверхности керамика могильника Шандаша более всего напоминает посуду могильника Атакен-сай.

Кроме этих двух, достаточно четко выделяемых типов могильников микрорайона, намечается еще один тип могильников, который нельзя отнести ни к тому, ни к другому типу. К этому промежуточному типу относятся могильники Байту I и II, открытые нами в 1961 г.¹¹ Могильник Байту II расположен примерно в 300 м от левого берега р. Байту на довольно возвышенном участке. До распашки этот могильник состоял не менее чем из 20 сооружений, среди которых, видимо, были невысокие земляные курганы с кольцом диаметром около 10 м и каменные кольца диаметром 5—6 м, составленные из средней величины плоских каменных плит или глыб, врытых вертикально. Примерно в 800 м к востоку от него на очень высоком холме, доминирующем над степной равниной, расположен могильник Байту I. Он состоит из семи невысоких курганов и колец диаметром 7—12 м, составленных из небольших белых камней или огромных каменных глыб. Следы каменных ящиков на поверхности не прослеживаются ни в том, ни в другом могильнике. В могильнике Байту II были произведены раскопки трех сохранившихся колец (8, 9, 12), в могильнике Байту I — двух (4 и 7)¹². Во всех случаях открыты ориентированные на юго-запад погребения в грунтовых могильных ямах без каменного перекрытия сверху. Погребения в двух кольцах (7, 8) оказались разграбленными. В трех других открыто по две могильные ямы — погребения взрослого и ребенка. В кольце 9 в могильнике Байту II в основной яме содержится парное погребение, в кольце 4 могильника Байту I и в центральной, и в детской яме расчищены парные погребения. Во всех трех случаях основным, видимо, является погребение мужчины, положенного на левый бок; скелеты женщин лежат на правом боку. При женских погребениях найдены богатые наборы украшений: бронзовые браслеты, разрушившаяся гривна, зубы лисы и собаки, раковина (кольцо 4); браслеты, пронизки, бляшка (кольцо 12); особенно богат убор женщины в кольце 9 — на руках у нее надето три браслета, на пальцах следы колец, на ногах бусы, на черепе и у пояса бронзовые пронизки и пластинки, на груди круглые пластины с умбонами и пунсонным орнаментом. В каждой могильной яме при погребенных поставлено по два сосуда; в кольце 4 — три сосуда, кроме того, в кольцах 9 и 12 открыты следы тризны, состоящие из трех сосудов; в детском погребении в кольце 9 найдена маленькая глиняная чашечка. Керамика могильников Байту представлена сосудами трех типов (рис. 1, 10—13).

К первому типу относятся горшки с ясно выраженным уступчиком на плече, иногда с каннелурой, причем некоторые сосуды имеют довольно раздутые бока и донца малого диаметра и напоминают по пропорциям сосуды второго типа могильника Ушкатты (рис. 1, 12).

Сосуды второго типа гораздо более вытянутых пропорций и приближаются по профилю к керамике Атакен-сай и Шандаши (рис. 1, 11, 13).

Сосуды первого и второго типа обычно покрыты хорошим красным или чаще черным лощением и иногда орнаментированы. По венчику они украшены треугольниками или другими фигурами, по тулову располагаются меандр, Z-образные фигуры и треугольники, составляющие

¹¹ К этому же типу хронологически относится и могильник Купухта, комплекс керамики которого очень близок байтинскому.

¹² Е. Е. Кузьмина. Андроновские могильники на р. Байту. — КСИА, 1964, вып. 97, стр. 39—49.

фестоны. Орнамент в семи случаях нанесен гладким штампом и только в одном — зубчатым.

Третий тип составляют сосуды, приближающиеся по форме к банке. Они имеют ясно выраженный уступчик и иногда желобок под венчиком, не орнаментированы, наружная поверхность их слегка заглажена. Керамика Байту отличается присутствием в тесте сосудов значительной примеси слюды.

Таким образом, как по форме, так и по орнаментации керамика Байту занимает промежуточное положение: здесь еще встречаются сосуды вазообразной формы, хорошее лощение, довольно богатая орнаментация, однако, сосуды без уступчика, как и орнаменты со сложным мотивом, уже не применяются, зубчатый штамп встречается редко, появляется большой процент неорнаментированных горшков, господствующей становится форма сосуда, характерная для могильников типа Атакен-сай.

Изучение андроновских могильников Еленовского микрорайона показывает, что в пределах одного могильника погребения характеризуются рядом устойчивых признаков и в конструкции могил, и в обряде, и в инвентаре. Следовательно, они принадлежат одной общине и производились на протяжении небольшого отрезка времени. Это предположение подтверждается тем, что выделяются поселения, относящиеся к еленовским могильникам и синхронные им, т. е. намечаются комплексы принадлежавших одной общине памятников. Проведенное типологическим методом объединение групп подтверждается анализом керамики поселений и синхронных им могильников, характеризовавшейся для каждой общины определенным сочетанием примесей в глине сосудов¹³.

Сопоставление материалов разных могильников позволяет наметить черты сходства внешнего вида сооружений, погребального обряда и, главным образом, керамики и на основании этого предположительно выделить три типа могильников: I — Ушкатты; II — Байту; III — Атакен-сай.

Наконец, топография нескольких могильников и характер составляющих их сооружений позволили наметить IV тип. К нему могут быть отнесены могильники Ушкатты III, Купухта и, вероятно, Шандаша II и Байту I (последний отнесен нами по времени ко II типу, но по существу, видимо, должен быть объединен с могильниками IV типа).

Три из них располагаются в непосредственной близости от рядовых могильников, на возвышенных холмах, доминирующих над степью. Эти могильники выделяются тем, что количество сооружений в каждом из них невелико (Ушкатты III — 8, Байту — 7, Купухта — 11, Шандаша — 4), однако размеры каждого сооружения весьма значительны и превосходят величину рядовых сооружений близлежащих могильников.

В могильниках IV типа встречаются каменные кольца, составленные из очень крупных каменных плит, но преобладают курганы с земляной насыпью, обставленные каменными плитами или глыбами. Курганы могильника Купухта достигают диаметра 16 м при высоте около 1 м; выше основания насыпи проходит кольцо из больших каменных плит. Особенно величественны курганы могильника Ушкатты III, достигающие диаметра до 30 м при высоте 1,4—1,9 м, с кольцом из огромных глыб камня.

Расположение и размеры курганов IV типа позволили высказать предположение, что в этих курганах погребены представители господствующей части андроновского общества. Проведенные в 1961 г. раскопки в могильнике Купухта, открытом нами в 1959 г., подтвердили это предположение¹⁴.

¹³ Анализ керамики из раскопок Еленовского отряда выполнены О. Ю. Круг (камеральная лаборатория ИА АН СССР).

¹⁴ Е. Е. Кузьмина. Купухта — могильник андроновской знати. — КСИА, 1963, вып. 93, стр. 95—105.

Под насыпью каждого кургана, иногда под каменной вымосткой, располагается ориентированная на юго-запад могильная яма очень большого размера, на краю которой иногда положены черепа и части туш быков и коней. При погребенных поставлены хорошо лощеные орнаментированные сосуды, по типу напоминающие керамику Байту. Несмотря на древнее разграбление могил Купухты, в пяти раскопанных курганах были найдены медный нож, бронзовые бусы и височное кольцо, золотое височное кольцо с звездвидным раструбом, бронзовый со спиральными концами браслет с золотой обкладкой. Это приводит к выводу, что до разграбления инвентарь погребений Купухты отличался необычайным богатством, и подтверждает предположение о том, что могильники IV типа принадлежали привилегированной группе андроновского общества.

Если особенности могильников IV типа находят свое объяснение, то вопрос о причинах различий между рядовыми могильниками трех первых типов гораздо более сложен. Если бы речь шла об особенностях нескольких могильников андроновской культуры, значительно удаленных друг от друга, то эти, в общем, не слишком существенные различия, можно было бы признать локальными. Однако тот факт, что могильники расположены в одном микрорайоне, и каждая группа представлена не одним, а несколькими могильниками, которым соответствуют синхронные поселения, заставляет эти особенности считать хронологическими. Могильники II типа — Байту (так же, как и одновременный с ними могильник IV типа Купухта) — занимают промежуточное положение и позволяют утверждать, что между всеми тремя типами существует тесная генетическая связь. Однако какова хронологическая последовательность типов, какова абсолютная хронология каждой группы? К сожалению, не было сделано никаких находок вещей, устанавливающих абсолютную датировку рассмотренных памятников.

Многослойные памятники, стратиграфия которых позволяла бы установить последовательность разных типов, также отсутствуют. Типологический анализ керамики, найденной в могильниках, позволяет наметить генетическую связь типов, но не дает ответа на вопрос, какой из них считать древнейшим. Поэтому для установления хронологической последовательности типов могильников Еленовского микрорайона следует обратиться к сравнительному материалу с соседних территорий.

Ближайшую аналогию могильнику I типа Ушкатты I составляет Кожумбердынский могильник, расположенный в пределах того же Домбаровского р-на¹⁵. Характерной особенностью этих могильников является сочетание сосудов вазообразной формы без уступа и сосудов с уступом, имеющих сильно раздутые бока, маленькое дно и хорошо лощеную поверхность. Венчик и стенки сосудов богато украшены сложным орнаментом, нанесенным иногда зубчатым штампом и представляющим свастичку, правильный меандр, фестоны из треугольников и различные варианты X- и Z-образных фигур в сложных композициях; по венчику располагаются косые, противостоящие треугольники и флажки. Эти элементы орнамента весьма типичны для сосудов, которые на соседних территориях андроновской культурной общности относятся к федоровскому этапу. Форма горшков без уступа также напоминает форму федоровских. Вместе с тем от собственно федоровских горшков керамика Ушкатты отличается рядом существенных признаков: во-первых, как уже говорилось, у многих горшков имеется достаточно выраженный уступчик; во-вторых, все они имеют неорнаментированную зону на шейке; в-третьих, ни разу не встречен орнамент из обрамляющих треуголь-

¹⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. — «Труды ГИМ», 1948, вып. XVII, стр. 148—150, 165—169, рис. 67—70.

ных фестонов, столь обычных на федоровской керамике; наконец, отсутствует ряд мотивов федоровской орнаментации и относительно часто встречается поперечная штриховка орнаментальных полос. Эти различия весьма существенны и не дают никаких оснований относить могильники первого типа к федоровским. Однако прослеженное сходство в элементах и сюжетах (но не в композиции!) орнаментов позволяет предполагать, что между этими двумя группами древнего андроновского населения существовала, по-видимому, связь. В настоящее время нет никаких данных для того, чтобы судить, объясняется ли эта связь тем, что могильники I типа являются переходными между собственно алакульскими и еще не открытыми для данной территории федоровскими или же они частично синхронны федоровским памятникам соседних областей и представляют собой орско-актюбинский вариант федоровского этапа андроновской культуры. Особенности этого варианта, может быть, объясняются соседством и влиянием срубной культуры, для керамики которой характерны уступ, преобладание гладкого штампа и сравнительная бедность орнамента. Последнее предположение не лишено некоторых оснований.

Однако до тех пор, пока не будет решена проблема происхождения андроновской культуры и отдельных ее вариантов, этот вопрос не может быть решен. Как бы то ни было, пока памятники I типа являются, по-видимому, наиболее ранними андроновскими памятниками не только для Еленовского микрорайона, но и для всей орско-актюбинской группы.

Кроме двух указанных могильников, к I типу весьма близки еще два памятника; погребение у Орска¹⁶ и погребение в кургане Близнецы¹⁷. Оба они, видимо, являются погребениями знатных представителей андроновского общества.

Сосуды, найденные в кургане Близнецы, относятся к первому и второму типам ушкаттинской керамики; один из них без уступа, орнаментирован зубчатым штампом; второй с уступом, но сохраняет вазообразную форму. У обоих горшков орнамент располагается не только на венчике и тулове, но и на шейке, что характерно для федоровских сосудов. Сходство сосудов, а также западная ориентировка могильной ямы позволяют хронологически сближать это погребение с могильниками I типа.

Керамика из орского погребения, к сожалению, неизвестна, но весь остальной инвентарь, как кажется, дает основание также отнести это погребение к ушкаттинскому типу.

Датировка I типа могильников орско-актюбинской группы устанавливается прежде всего по находкам в андроновских могилах копий сейминского типа, позволяющих синхронизировать эти памятники с соседними культурами (рис. 3). Сейминские копья были найдены в погребении под г. Орском, а затем в кургане Близнецы. Подобные копья известны в погребениях срубной культуры по находкам в могильниках Карамыш¹⁸ и в Покровском¹⁹. В последнем случае представлено также кованое копьё с несомкнутой втулкой. Оба типа копий Покровского могильника находят аналогии в инвентаре Сейминского могильника, где наряду с ними есть копьё с вильчатым стержнем. Литые сейминские копья весьма сходны с

¹⁶ А. А. Формозов. Археологические памятники в р-не г. Орска.— КСИИМК, 1951, вып. 36, стр. 115—119, рис. 32.

¹⁷ Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э.— «Труды ГИМ», 1960, вып. 37, стр. 55—56.

¹⁸ Е. К. Максимов. Памятники эпохи бронзы у ст. Карамыш.— «Труды Саратовского музея». Саратов, 1956, вып. 1, рис. 66.

¹⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46, рис. 14, 9.

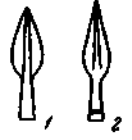

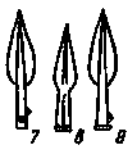

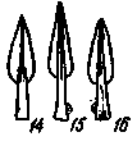

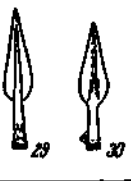

	<i>Копья</i>	<i>Ножи</i>	<i>Тесла</i>	<i>Кельты</i>
<i>Андроновские могильники Западного Кавказа</i>				
<i>Срубные могильники Нижней Волги</i>				
<i>Сейма</i>				
<i>Турбино</i>				
<i>Бородино</i>				
<i>Комплексы Западной Сибири</i>				

Рис. 3. Типы бронзовых изделий из андроновских погребений орско-акто-бинской группы, совместно встречаемых в комплексах других культур

1, 3, 5 — погребения в г. Орске; 2, 4 — могильник Вязнацы, курган 4, погребение 6; 6 — могильник Эмба II, курган 3; 7 — могильник Карамыш; 8—11 — Покровский могильник; 12, 13 — Царев курган, клад; 14—21 — Сейминский могильник; 22—28 — Турбинский могильник; 29—30 — Бородинский клад; 31, 35, 38 — Омский клад; 32, 39 — Томская литейная форма; 33, 34, 36, 37 — литейные формы с поселения Самусь IV

копьями Бородинского клада²⁰ и с копьями с вильчатым стержнем из Турбинского могильника²¹, что позволяет считать все три типа копий более или менее одновременными. Копья с вильчатым стержнем представлены также в составе Омского клада²² и на литейных формах с поселения Самусь IV²³ и из Томского музея. В целом ряде случаев вместе с сейминскими копьями были найдены ножи с намечающимся перекрестием. Такое сочетание обоих типов встречено в погребениях у г. Орска, в кургане Близнецы, в Покровском и Сейминском могильниках, а также в Омском кладае, что позволяет уверенно синхронизировать оба типа. Находки ножей с намечающимся перекрестием были сделаны также в срубном погребении у Кротовки²⁴, в кладае Царева кургана²⁵ и в некоторых андроновских могильниках (например, в Кожумбердынском²⁶, Мало-Койтасском²⁷, Былкылдакском²⁸, Боровом²⁹ и др.). Большое значение для синхронизации ранних памятников орско-актюбинской группы с другими памятниками имеют также находки в погребении у Орска и на Эмбе плоских тесел³⁰, находящихся аналогично в Покровских курганах и в Царевом кургане. Турбинского типа кельты ни разу не были пока найдены в памятниках орско-актюбинской группы, однако в восточных районах распространения андроновской и других культур сейминские кельты были найдены в составе Омского клада и на литейных формах с поселения Самусь IV и из Томского музея. Рассмотрение комплексов, дающих разные сочетания трех перечисленных типов бронзовых изделий, найденных в орских андроновских погребениях, позволяет предполагать, что андроновские памятники орско-актюбинской группы синхронны раннесрубным (типа Покровских курганов) и сейминско-турбинским памятникам, а также, возможно, Бородинскому кладу. К сожалению, в восточных районах распространения андроновской культуры пока не было сделано находок рассматриваемых типов изделий в погребениях, а находки кладов и литейных форм позволяют лишь установить типы одновременно бытующих вещей, но не дают оснований отнести их к той или иной стадии развития андроновской культуры.

Какова абсолютная датировка рассмотренных синхронных памятников? Много раз исследовавшийся Бородинский клад, по-видимому, есть основания датировать второй четвертью и серединой II тыс. до н. э., поскольку входящие в состав булавка с ромбической головкой и кинжал находят аналогично в IV шахтной гробнице Микен³¹ и др. эгейских памятниках³².

Сейминское и покровское копьё с несомкнутой втулкой сходны с

²⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад.—«Труды ГИМ», 1949, вып. 1, стр. 3.

²¹ О. Н. Бадер. Работы Воткинской археологической экспедиции.—«Вопросы археологии Урала», вып. II. Свердловск, 1962, рис. 34.

²² Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье.—МИА, 1960, № 90, стр. 26, табл. XXV, 4.

²³ В. И. Матюшенко. К вопросу о бронзовом литье в низовьях р. Томи.—КСИА, 1961, вып. 84, стр. 133—135, рис. 48.

²⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., рис. 12, 7.

²⁵ Там же, рис. 12, 6.

²⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, рис. 74.

²⁷ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане.—Сб. «Казахи», вып. 11. Л., 1927, стр. 214, рис. 25, 1.

²⁸ Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, табл. VI, 75.

²⁹ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы.—«Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР», т. V. Алма-Ата, 1958, табл. VII, 1.

³⁰ Е. Е. Кузьмина. Результаты работ на Эмбе в 1958 г.—КСИА, 1961, вып. 85, рис. 32, 10.

³¹ О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад, стр. 3.

³² M. Gimbutas. Borodino, Seima and their contemporaries.—«Proc. of the Prehistoric Society», v. XXII. Cambridge, 1956.

экземплярами среднеминойского III периода, относящегося также к 1700—1550 гг. до н. э.³³

Сейминские топоры сходны с некоторыми балканскими, датирующимися временем от 1700 г. до н. э.

Копья с вильчатым стержнем встречены в Бейерне³⁴ и Венгрии (IV период среднедунайской культуры — 1700—1500 г. до н. э., по Чайлду)³⁵. Там же (в Хайду Самсон-апа) известны булавки, сходные с бородинской³⁶. Наконец, на ту же дату, около середины II тыс. до н. э., указывают и тесла, находящие аналогии в теслах привольненского этапа Кубани, относящегося, по А. А. Иессену, к 1700—1300 г. до н. э.³⁷

Не менее интересны находки втульчатых копий и кельтов в Китае, в Аньяне³⁸, где они датируются временем, начиная с XIII в. до н. э., и, по мнению ряда исследователей, воспроизводят более древние сейминско-андроновские образцы³⁹.

Таким образом, на основании аналогий от Эгей до Аньяна, I тип могильников Еленовского микрорайона предположительно может быть датирован временем около середины II тыс. до н. э.

Интересно, что на поселении Ушкатты, Ограда II, относящемся к могильнику Ушкатты I, найден нож архаической листовидной формы, изготовленный из чистой меди, и обломок четырехугольного блюда с ручками, что подтверждает относительно раннюю дату комплекса.

Следующую за ушкаттинскими группу составляют могильники II типа — Байту. Тесная генетическая связь их с памятниками ушкаттинского типа прослеживается как в погребальном обряде, так и в керамике: в этих могильниках сохраняются вазообразной формы горшки с уступом, изредка применяется зубчатый штамп, все элементы орнамента восходят к ушкаттинским, однако орнамент нанесен более небрежно, композиция значительно упрощена, сохраняются только меандр и простые X- и Z-образные фигуры.

Эти могильники относятся к кругу памятников развитого алакульского этапа и находят аналогии в соседних орско-актюбинских могильниках, особенно таких, как Терекла и Киригльда⁴⁰.

В могильниках развитого алакульского этапа распространяются многочисленные бронзовые украшения: браслеты с несомнутыми или свернутыми в спираль концами, очковидные привески, восьмеркообразные и овальновытянутые привески, перстни с закрученными в спираль концами, разнообразными бляшки и т. д., соответствующие украшениям раннего бронзового века Европы, в первую очередь Венгрии и всего Нижнего и Среднего Дуная, где сходные типы украшений господствуют в течение V периода (1600—1300 гг. до н. э.)⁴¹.

Интересны также находимые в алакульских могильниках, главным образом, в Центральном Казахстане, бронзовые бляшки с геометриче-

³³ H. Hall. The civilization of Greece in the bronze age. London, 1928, p. 88, fig. 100; Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 47, рис. 15.

³⁴ S. Junghans, E. Sangmeister, M. Schröder. Metallanalysen kupferzeitlicher und frühbronzezeitlicher Bodenfunde aus Europa. Berlin, 1960, Taf. VI, 168.

³⁵ G. Child. The Danube in Prehistory. London, 1929, tabl. 1.

³⁶ A. Mazsolics. Ein Beitrag zur Chronologie der Ungarischen Frühbronzezeit.— «Kommission für das Aneolithikum und die Ältere Bronzezeit». Nitra, 1958, S. 183.

³⁷ А. А. Иессен. К хронологии больших кубанских курганов.— СА, т. XII, 1950, стр. 171, табл. XIII.

³⁸ H. Kühn. Chronologie der Sino-Sibirischen Bronzen. Ypek, В. XII, 1938, S. 162—165; M. Loehr. Chinese Bronze Age Weapons. Michigan, 1956, p. 42—43, 100, 104; С. В. Киселев. Неолит и бронзовый век Китая.— СА, 1960, № 4, стр. 244—267.

³⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири.— МИА, 1949, № 9, стр. 86.

⁴⁰ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане, стр. 173—198.

⁴¹ G. Child. The Danube in Prehistory. London, 1936, tabl. VIII, XIV, fig. 170, 209, 224.

ским узором. Мне кажется, что они, возможно, имитируют бронзовые и каменные печати Намазга VI, датирующиеся примерно третьей четвертью II тыс. до н. э. и восходящие к более древним иранским печатям Гиссара III⁴².

Большое значение для датировки андроновских памятников имеют находки пастовых бус и бронзовых бус, воспроизводящих пастовые прототипы (сегментированные бусы). Л. Томас и Х. Бек в 1936 г. сопоставили фаянсовые бусы, найденные в Англии, в совершенно аналогичными экземплярами из 1800А гробницы Абидоса, датированной скарабеем с именем Аменхотепа IV временем XVIII династии — 1400 г. до н. э.⁴³

Г. Чайлд выделил в других районах Европы аналогичные типы бус и показал, что их находки, в особенности так называемых сегментированных типов, имеют решающее значение для установления европейской хронологии⁴⁴.

И. Стоун и Л. Томас в последней статье, посвященной распространению фаянсовых изделий в Старом Свете и основанной на огромном материале и большом количестве анализов, показали, что наряду с египетскими существовали микенский и переднеазиатские центры производства. Хронологические границы бытования в Европе фаянсовых бус и их имитаций теперь определяются XV—XIII вв. до н. э., хотя главное количество находок все же относится ко времени около 1400 г. до н. э.⁴⁵

Находки пастовых бус в памятниках андроновской и срубной культур, возможно, позволяют принять эту дату и для памятников степных культур Евразии, хотя этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

Европейские и туркменские аналогии дают некоторое основание датировать памятники II типа (Байту) предположительно третьей четвертью II тыс. до н. э.

К III типу могильников Еленовского микрорайона относятся памятники Атакен-сай, Шандаша и, возможно, Еленовский и Турсумбай. По внешнему виду эти могильники отличаются малым диаметром колец, составленных весьма небрежно из небольших камней; кольца часто смыкаются друг с другом и имеют овальную форму. Погребенные, как и в могильнике Байту, хоронятся скорченно, головой на юго-запад; однако обнаруживается ряд признаков, позволяющих судить о контактах со срубным населением: в ряде могил Атакен-сая были найдены куски мела, реалгара, угольки, столь обычные в срубных погребениях. Особенно заметно усилившееся срубное влияние в керамике Атакен-сая и Шандаши. Ведущей формой становятся удлиненные банки и горшковидные сосуды, иногда довольно вытянутых пропорций, с подчеркнутым уступчиком на плечике, причем максимальное расширение сосуда находится в верхней трети, непосредственно под уступчиком. Тесто сосудов очень грубое, содержит большую примесь дресвы, наружная поверхность иногда заглажена. Многие сосуды вообще не украшены, у остальных орнамент нанесен очень небрежно, почти всегда гладким штампом. Из всего многообразия орнаментальных мотивов Ушкатты, которое частично сохранялось и в Байту, здесь представлены только зигзаг, елка, равнобедренные треугольники и изредка косые ромбы. Ближайшую аналогию могильникам III типа составляют такие памят-

⁴² В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргяны.— МИА, 1959, № 73, табл. XII.

⁴³ H. Beck, L. Thomas. Faience beads of the British bronze age.— «Archaeologia», 1936, v. LXIII, p. 224.

⁴⁴ G. Childe. The Orient and Europe. «American Journal of Archaeology», 1939, v. XLIII, N 1, p. 23, 24; Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, стр. 176, 439, 447.

⁴⁵ J. Stone, L. Thomas. The use and distribution of faience in the Ancient East and prehistoric Europe.— «Proc. of the Prehistoric Society», 1956, v. XXII, p. 37—83.

ники орско-актюбинской группы, как Ново-Аккермановка⁴⁶ и, возможно, немного более ранний Тасты-Бутак⁴⁷. Набор найденных в этих могильниках украшений почти тот же, что и в могильниках типа Байту. Украшениям могильников III типа очень близки украшения хвалынского этапа срубной культуры Поволжья — от Куйбышева до Волгограда. Общими являются желобчатые браслеты с несомкнутыми концами, восьмеркообразные и овальные височные привески, бронзовые бусы, бляшки и др. О. А. Кривцова-Гракова высказала предположение, что в срубной культуре эти украшения распространяются из Андропова⁴⁸. Эта гипотеза подтвердилась в результате проведенных Е. Н. Черных химических анализов украшений Еленовского микрорайона. Все они изготовлены на месте из еленовской руды, причем среди нижневолжских украшений намечается группа изделий, состав металла которых позволяет считать их импортом из Южного Приуралья. В связи с этим встает вопрос о восьмеркообразных височных привесках из Кокчи и Махан-Дарьи, происхождение которых М. А. Итина связывает со срубной культурой⁴⁹.

Новые находки этих изделий в орской группе позволяют полагать, что эта форма тазабагъябских украшений, как и другие, связана с памятниками орско-актюбинской группы, где ассортимент украшений необычайно богат; встречается целый ряд типов, не известных ни в срубных, ни в тазабагъябских комплексах. Анализ керамики и украшений могильников III типа позволяет прийти к выводу, что связи орско-актюбинских центров со срубной культурой Поволжья, установившиеся в период образования могильников у Покровска и Ушкаты, особенно интенсифицируются на хвалынском этапе, представленном в Еленовском микрорайоне могильниками III типа.

Возможно, что некоторое значение для установления конечной даты памятников этого типа будет иметь сопоставление с синхронными памятниками срубной культуры.

Их датировка основывается на сопоставлении с Сосново-Мазинским кладом, который некоторые исследователи относят к самому концу развития срубной культуры. Входящие в состав этого клада кельты с лобным и боковым ушками подобны кельтам, относимым М. П. Грязновым к карасукской эпохе⁵⁰, и находят аналогии в Суй-Юани⁵¹. Они датируются по найденной литейной форме для изготовления подобного кельта, происходящей из VII В слоя города Трои⁵², относимого К. Бледженом к 1200—1000 гг., до н. э.⁵³ Кельты и серпы сосново-мазинских типов найдены также в памятниках позднебронзового века Западной Европы (VI период), датируемых рубежом II—I тыс. до н. э. По-видимому, рассматриваемые нами памятники несколько предшествуют сосново-мазинскому комплексу.

Эта дата подкрепляется находками керамики позднеалакульского типа, а также керамики с наклепным валиком на поселениях Южной

⁴⁶ Г. В. Подгаецкий. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска.— МИА, 1940, № 1, стр. 69—82.

⁴⁷ В. С. Сорокин. Могильник Тасты-Бутак I.— КСИА, 1960, вып. 80, стр. 53—59.

⁴⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 51, 52, 64—68.

⁴⁹ М. А. Итина. Могильник бронзового века Кокча 3.— «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 5. М., 1961, стр. 82, 86.

⁵⁰ М. П. Грязнов. Казакстанский очаг бронзовой культуры.— Сб. «Кзаки», вып. 15. Л. 1930, табл. IV, 1—3.

⁵¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 118; «Inner Mongolia and the region of the Great Wall». Tokyo—Kyoto, 1935, v. II, fig. 35, 1; 36, 14; O. Jansen. Un groupe de Bronze de Chine.— «Bull. of Museum of Far Eastern Antiquities», v. II, Stockholm, 1930, p. 107, d. 6, tabl. 7, 4a.

⁵² W. Dörpfeld. Troja und Ilion. Bd. II. Athens, 1908, S. 405.

⁵³ C. Blegen. Troy III, settlements VIIa, VIIb, VIII, v. IV. Princeton, 1958, p. 1, 2.

Туркмении (Аучин, Тахирбай, Елькен, Теккем, Анау) в верхней части слоя Намазга VI, относящегося, видимо, к концу II тыс. до н. э.⁵⁴

Однако к туркменским аналогиям приходится относиться с осторожностью, поскольку у южных степных племен процесс развития мог проходить в ином темпе, чем у родственных племен Приуралья и Казахстана.

Более существенным подтверждением даты служат проведенные анализы дерева (по С-14) на поселении Тасты-Бутак, датирующие его последней четвертью II тыс. до н. э.

Следовательно, выделенные в Еленовском микрорайоне три типа рядовых андроновских могильников, по-видимому, являются разновременными.

Между всеми тремя типами прослеживается тесная генетическая связь и преемственность. Каждый тип еленовских могильников находит близкие аналогии в других памятниках орско-актюбинской группы. Это позволяет предполагать, что намеченные три типа могильников Еленовского микрорайона, возможно, отражают три хронологических этапа развития орско-актюбинского варианта андроновской культуры, охватывающих период от середины до последней четверти II тыс. до н. э.

⁵⁴ А. А. Г а н я л и н. Теккем-тепе.— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР», т. II. Ашхабад, 1956, стр. 83; А. А. М а р у ш е н к о. Елькен-тепе.— Там же, т. V, 1959, стр. 60—62; В. М. М а с с о н. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба.— КСИИМК, 1957, вып. 69, стр. 59, рис. 19.

Е. Е. Кузьмина

О ЮЖНЫХ ПРЕДЕЛАХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СТЕПНЫХ КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Вопрос о взаимодействии скотоводческих степных и земледельческих культур — один из основных в истории Средней Азии, начиная с эпохи бронзы. Но если изучение памятников оседлоземледельческого населения юга Средней Азии проводится, особенно в последние годы, весьма интенсивно, то памятники культуры степного типа, к сожалению, до сих пор исследовались очень мало. Между тем в результате случайных находок и разведочных сборов накоплен материал, хотя и весьма фрагментарный, но представляющий большой интерес.

Первые упоминания о находках керамики степного типа содержатся в туркменской археологической литературе начиная еще с 30-х годов текущего столетия¹. В широкий научный оборот эта керамика была введена А. В. Збруевой и С. В. Киселевым, сопоставившими ее с керамикой культур андроновского круга².

В настоящее время развеечные стоянки, на которых сделаны находки керамики степного типа, известны уже во многих пунктах Туркмении. Обычно они размещаются в подгорной равнине в затухающих дельтах пересохших горных речек и ручьев на окраине песков, в котловинах выдувания, тяготея к поселениям земледельцев, или вблизи колодцев в зоне полузакрепленных песков. На небольшом участке развеечных песков обычно концентрируется по нескольку фрагментов лепной керамики, иногда в сочетании с другим инвентарем³. К сожалению, почти весь этот материал до сих пор не опубликован, однако по кратким упоминаниям в литературе можно составить схематическую карту распространения на территории юга Средней Азии развеечных степных стоянок⁴ (рис. 1). Основная масса находок керамики степного типа концентрируется в подгорной полосе, а также на Красноводском п-ове и по Узбою. Отчасти это объясняется более слабой археологической обсле-

¹ А. А. Марущенко. Археологические открытия последних лет в Туркменистане.— «Изв. ТГНИИ», 1935, № 1, стр. 15; Он же. Анау. Историческая справка.— «Архитектурные памятники Туркмении». М.—Ашхабад, 1939, стр. 101; С. А. Ершов. Археология в Туркменской ССР за 20 лет.— «Изв. ТФАН», 1944, № 2, 3, стр. 31, 33, 35.

² А. В. Збруева. Древние связи Средней Азии и Приуралья.— ВДИ, 1946, № 3, стр. 186; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири.— МИА, 1949, № 9, табл. VII, 6.

³ Часть из этих пунктов, видимо, является не остатками развеечных стоянок, а следами разрушенных могильников.

⁴ Приношу глубокую благодарность А. А. Марущенко и А. Ф. Гаянину, ознакомившим меня с этим материалом и оказавшим мне помощь в работе над данной темой.

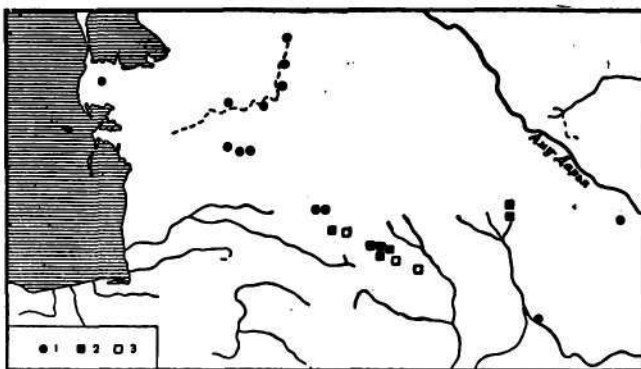

Рис. 1. Схематическая карта распространения находок керамики степного типа на юге Средней Азии на стоянках и в культурном слое поселений стадии Намазга VI

1 — пункты находок керамики степного типа на стоянках; 2 — пункты находок керамики степного типа на поселениях в культурном слое стадии Намазга VI; 3 — памятники стадии Намазга VI
 Пункты находок керамики степного типа (с северо-запада на юго-восток): Красноводский п-ов, Чарышлы, Орта-Кую, Бала-Ишем, Игды, Тоголок, Гяур-Куи, Кара-Бугаз, Кизыл-Арват, два пункта у Ашхабада, Анау, Елькен, Намазга, Серманча, Теккем, Аучин, Тахирбай 3, Тахта-Базар, Келифский Узбой

дованностью центральных районов Туркмении, где находится зона тяжелых песков Кара-Кумов. В то же время есть все основания предполагать, что труднопроходимые и лишенные воды участки пустыни были недоступны для людей эпохи бронзы, чем и объясняется распределение пунктов в районах, где травяной покров наиболее густ, а воду легко доставать⁵.

На северо-западе Туркмении, вблизи колодцев на Красноводском плато несколько местонахождений лепной керамики степного типа было обследовано в 1942 г. геологом В. В. Шумовым. На стоянках, наряду с грубой лепной керамикой, им был собран большой кремневый материал⁶. Интересная и довольно многочисленная серия фрагментов степной керамики была найдена на стоянке Оюклы В. Бахтой и Г. Е. Марковым. Выделяемый ими тип IV — лепная керамика с примесью кварца и раковин, украшенная несколькими рядами зигзага по прямому утолщенному венчику, — относится к интересующему нас времени⁷.

Весьма многочисленны следы разветвленных стоянок эпохи бронзы по Узбою. Здесь в 1951—1952 гг. хорезмской экспедицией был обследован ряд пунктов: Бала-Ишем, Тоголок, Кукунек, а также верховья Актама, где найдена лепная керамика, орнаментированная елочным узором, косыми насечками и т. д., нанесенными гладким или зубчатым штампом. Кроме того, на этих стоянках были найдены бронзовый двуперый втульчатый наконечник маленького дротика (Бала-Ишем 8) и кремневые на-

⁵ Б. А. Федорович. Основные итоги и задачи изучения пустынь в связи с проблемой их освоения и преобразования. — Сб. «Пустыни СССР и их преобразования». М., 1950.

⁶ С. А. Ершов. Археология в Туркменской ССР за 20 лет, стр. 35. Часть коллекции хранится в Историческом музее АН Туркм. ССР, инв. IV, 2744, колл. 3. В состав коллекции входят разновременные материалы. Аналогичная керамика, иногда с геометрическим орнаментом, обнаружена В. А. Дубинским на п-ове Мангышлак.

⁷ В. Бахта, Г. Марков. Археологическая разведка 1957 г. в западной Туркмении. — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР», т. V. Ашхабад, 1959, стр. 50—53, рис. 10—12.

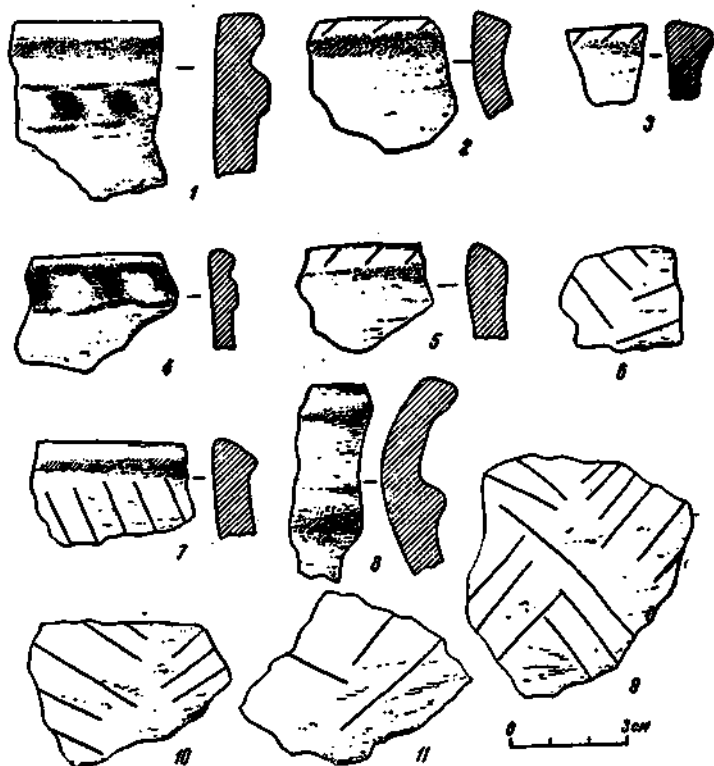

Рис. 2. Находки лепной керамики в Туркмении

1 — у колодца Санцыз; 2, 3 — у колодца Кызыл-Готы; 4, 5 — у г. Кызыл-Арвата; 6—11 — к северу от г. Ашхабада

конечники стрел, в том числе один черешковый⁸. В 1952 г. А. Ф. Ганялин на среднем и нижнем Узбое у колодцев Санцыз, Чатур, Кызыл-Готы и особенно Игды и Тоголок собрал грубую лепную керамику серого или красно-бурого обжига, содержащую примесь дресвы и иногда раковины в глине (рис. 2, 1—3). Плоскодонные сосуды с прямыми венчиками и довольно раздутыми боками орнаментированы иногда налепными валиками с защипами или косыми насечками по венчику⁹.

К юго-западу от этой группы стоянок на окраине песков у с. Кара-Бугаз и Гяур-Куи и г. Кызыл-Арвата А. Ф. Ганялиным обследовано еще две стоянки, керамический материал которых аналогичен описанному выше¹⁰ (рис. 2, 4, 5).

Таким образом, эпоха бронзы в северо-западной Туркмении представлена рядом стоянок, на которых найдена грубая лепная керамика

⁸ С. П. Толстов. Археологические памятники на трассе Главного Туркменского канала.— ВАН СССР, 1952, № 4; Он же. Археологические разведки по трассе Главного Туркменского канала.— КСИЭ, 1952, вып. XIV, стр. 4—6; Он же. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1951 г.— СА, 1954, № 19, стр. 241, 246, 247, рис. 5; Он же. Археологические работы Хорезмской экспедиции 1952 г.— ВДИ, 1953, № 2, стр. 156 Он же. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг.— «Труды Хорезмской экспедиции», т. II. М., 1953, стр. 57; М. А. Итина. Первобытная керамика Хорезма.— Там же, т. IV, 1959, стр. 259; Она же. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя.— Там же, рис. 13, 14; сб. «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой». Под ред. С. П. Толстова. М., 1960, стр. 316, рис. 188.

⁹ А. Ф. Ганялин. Теккем-тепе.— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР», т. II. Ашхабад, 1956, стр. 86. Часть сборов хранится в Историческом музее в г. Ашхабаде.

¹⁰ А. Ф. Ганялин. Указ. соч., стр. 86.

с простым геометрическим орнаментом или наклепными валиками и насечками по венчику.

Вторую группу памятников степного типа эпохи бронзы на юге Средней Азии составляет ряд стоянок по краю песков вдоль узкой подгорной полосы древнего земледельческого оазиса, где расположены поселения анауского типа. Самой западной среди них является обследованная А. А. Марушенко стоянка у Коджа. Далее к юго-востоку расположены две стоянки: у Овадана и Безменна, где в котловинах выдувания на границе пустыни с оазисом А. А. Марушенко были найдены фрагменты лепной керамики¹¹ (рис. 3, 1—15). Сосуды имели прямой, округлый или отогнутый наружу венчик и были иногда украшены наклепным валиком или елочным, треугольным или зигзагообразным орнаментом, выполненным гладким штампом.

В песках к северу от Ашхабада М. В. Воеводский весной 1942 г. собрал коллекцию керамики степной бронзы. Судя по дневнику М. В. Воеводского, материал бронзового века залегает на дне глубоких котловин выдувания, там, где в результате эрозии вскрывается древний гравийный горизонт аллювиального происхождения, обычно вблизи древних, меридионально расположенных бывших протоков, примерно в 1 км от края песков. Пункты находок керамики были обследованы в 8—10 км к северу от Ашхабада и на дороге из Ашхабада на серный завод¹². Особый интерес представляют два пункта, где в едином комплексе со степной лепной керамикой были найдены фрагменты гончарных сосудов, покрытых красноватым ангобом с лощеной поверхностью. М. В. Воеводский рассматривает их как сосуды культуры позднего Анау: возможно, их следует отнести к эпохе Намазга VI.

В том же районе на окраине песков к северу от г. Ашхабада были сделаны сборы степной керамики А. Н. Формозовым в 1948 г.¹³ Найденная им керамика вылеплена из глины, содержащей примесь песка и дресвы; обжиг снаружи желтый, розовый или серый, в изломе черный или розовый. Сосуды плоскодонны. Венчики прямые, округлые или слегка нависающие наружу. Часть фрагментов украшена трубным елочным орнаментом, нанесенным гладким штампом. Один фрагмент орнаментирован наклепным валиком с насечками (рис. 2, 6—11).

В восточной части подгорной полосы пункт находок степной керамики обследован в песках у колодца Ила-Или, в 20—22 км к северо-западу от станции Каахка. Среди найденных здесь С. А. Ершовым в 1951 г. фрагментов есть обломки сосудов, украшенные косыми насечками по краю венчика¹⁴.

Таким образом, керамика, найденная в различных пунктах в подгорной полосе, весьма единообразна.

Третьим районом распространения степной керамики эпохи бронзы является дельта Мургаба. Около наиболее древних правых рукавов реки, по краю песков, тяготея к древнеземледельческому оазису, особенно на участке между колодцами Джупты и Байтушлы, размещается несколько стоянок. Здесь собрана лепная керамика с прямым или слегка отогнутым утолщенным венчиком, украшенная геометрическим орнаментом¹⁵. Самым южным пунктом находок подобной керамики является, насколько

¹¹ Приношу глубокую благодарность А. А. Марушенко за разрешение опубликовать материалы его разведки.

¹² М. В. Воеводский. Дневник археологических разведок в окрестностях Ашхабада в 1942 г. Архив ИА АН СССР, ф. 4/5. Материалы хранились в Музее антропологии МГУ (инв. № 455, 457) и затем были переданы в ГИМ.

¹³ Коллекция хранится в ГИМ, инв. № 604.

¹⁴ А. Ф. Ганялин. Указ. соч., стр. 86.

¹⁵ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, 1959, № 73, стр. 117.

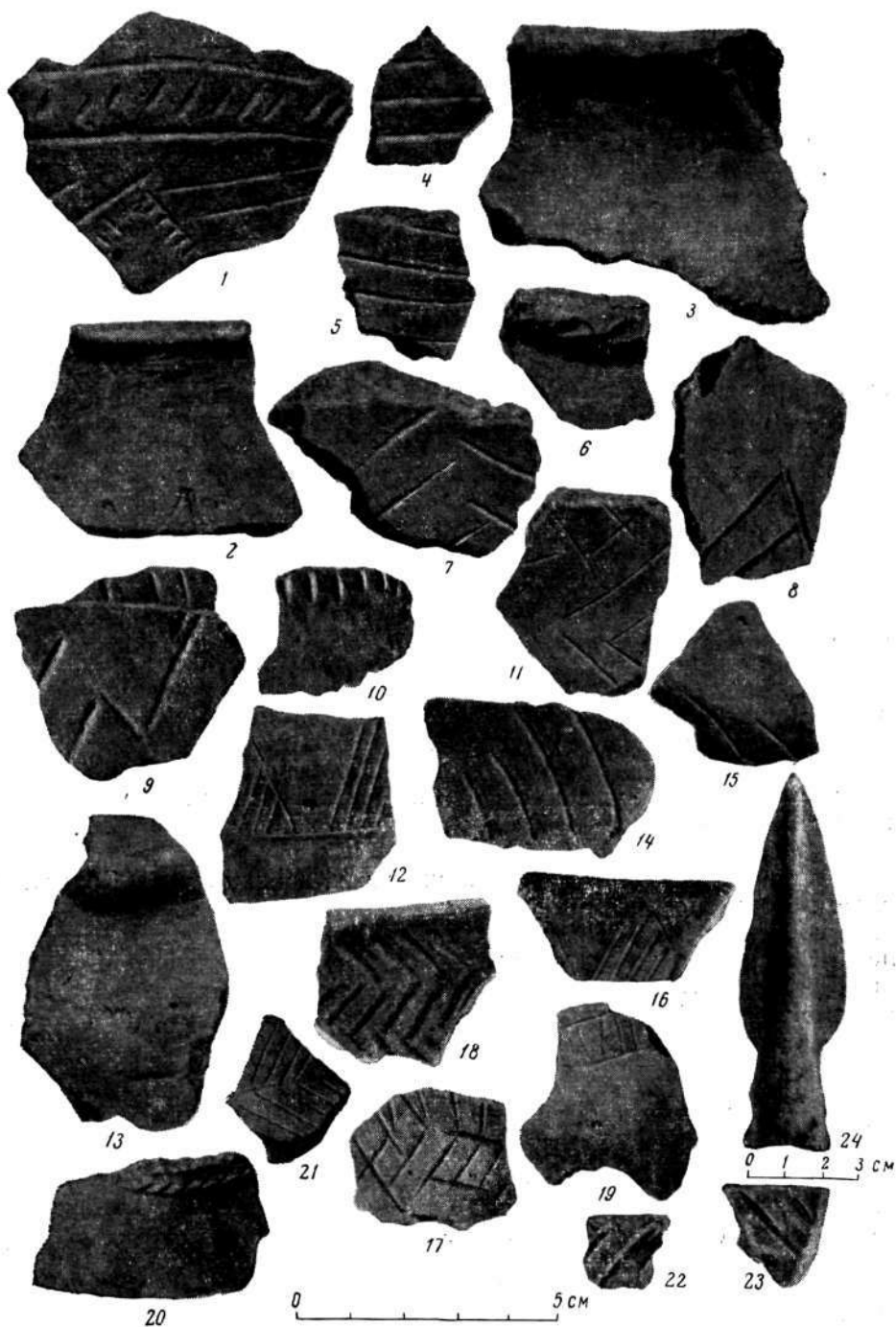

Рис. 3. Типы лепной керамики Туркмении

1—10 — стоянка у Овадана; 11—15 — стоянка у Безмена; 16—23 — культурный слой на поселении Анау; 24 — бронзовое копье, найденное севернее г. Ашхабада

ко известно, район у ст. Тахта-Базар в верхнем течении Мургаба, где А. А. Марущенко найдено несколько фрагментов лепной керамики¹⁶.

В юго-восточной Туркмении находки памятников степной бронзы пока незначительны. Отсюда, с Келифского Узбоя, с шоров Карамет-Нияз, Шай-Ахмед и Час-Как происходит небольшая коллекция степной керамики и кремневых орудий, собранная геологом В. В. Шумовым в 1948 г. Найденная керамика имеет коричневый или серый цвет обжига, заглаженную поверхность и иногда орнамент, выполненный гладким штампом в виде насечек в верхней части тулова и по краю венчика¹⁷.

Таким образом, зарегистрировано довольно большое количество стоянок, распространенных на широкой территории, охватывающей большую часть юга Средней Азии¹⁸. Несмотря на значительную удаленность стоянок друг от друга, найденный во всех трех районах материал довольно единообразен.

Керамика вылеплена от руки из глины, содержащей примесь дресвы, песка и часто раковины. Наружная поверхность заглажена, имеет бурый, розовый или серый цвет, черепок в изломе черный или розовый. По форме выделяются сосуды трех типов: баночные (первый тип); горшковидные с раздутыми боками, иногда с уступчиком, с прямой шейкой и прямым или слегка отогнутым округлым или уплощенным сверху венчиком (второй тип); горшковидные с сильно раздутыми боками и небольшим цилиндрическим горлом (третий тип).

Некоторые сосуды первого и второго типа орнаментированы. Орнамент располагается чаще всего в верхней части сосуда. Он нанесен, как правило, гладким штампом, реже применяются средне- или крупнозубчатый штампы. Среди мотивов орнамента преобладают зигзаг, елочка, а также равнобедренный заштрихованный треугольник; иногда встречаются более сложные узоры, составленные из поперечно-заштрихованных полос, веерообразных треугольников и треугольников с бахромой. Некоторые сосуды украшены налепным валиком с косыми насечками. Сосуды третьего типа, как правило, или не орнаментированы, или имеют по плечу налепной валик с косыми насечками и насечки по краю венчика.

Интересно, что в некоторых комплексах, например на Красноводском п-ове, представлены только сосуды третьего типа; в то же время в ряде сборов из подгорной полосы керамика третьего типа не представлена. Это позволяет предполагать, что при более широких исследованиях удастся выделить локальные варианты и хронологические этапы развития степной культуры. Однако в настоящее время из-за фрагментарности и малочисленности материала проследить существенные различия между отдельными комплексами не удается.

Какова же культурная принадлежность рассмотренных материалов? К каким из известных памятников степного бронзового века они наиболее близки?

Вопрос об их культурной принадлежности в настоящее время исследователями еще не решен. Э. Шмидт характеризовал эту культуру как варварскую¹⁹, А. Ф. Ганялин назвал ее «кочевнической»²⁰, Б. А. Латы-

¹⁶ Выступление А. А. Марущенко на заседании секции Средней Азии 28 марта 1957 г. на пленуме ИИМК. Архив ИА АН СССР, № РЗ-659, стр. 78.

¹⁷ С. А. Ершов. Археологическая коллекция с Келифского Узбоя.— «Изв. ТФАН», 1951, № 3, стр. 89, рис. 3—5.

¹⁸ В Секторе археологии Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР хранится еще ряд сборов степной керамики из Южной Туркмении. Материал не опубликован. Принимаю благодарность Сектору за разрешение ознакомиться с коллекцией.

¹⁹ R. Pumpelly, E. Schmidt. Explorations in Turkestan, v. 1. Washington, 1908, p. 49, 149.

²⁰ А. Ф. Ганялин. Указ. соч., стр. 86.

нин считает ее андроновской²¹, М. А. Итина рассматривает узбойские находки как памятники тазабагъябской культуры²², В. М. Массон характеризует туркменскую степную керамику как тазабагъябско-андроновскую²³. Действительно, среди представленных в сборах фрагментов встречаются обломки от сосудов, по-видимому, весьма близких тазабагъябским. Особенно сближает туркменскую керамику с тазабагъябской господство елочной орнаментации, крайне редкое употребление зубчатого штампа, применение дресвы и раковины в тесте сосудов, профилировка венчиков, наличие у небольшого процента сосудов уступика на плечике, а также представленные в некоторых сборах сосуды с сильно раздутыми боками и сравнительно малым диаметром горла, известные по тазабагъябским поселениям и в могильнике Кокча²⁴.

Однако малочисленность материала не позволяет решить, достаточны ли указанные признаки для отнесения этих памятников к тазабагъябской культуре, которая сама, кажется, имеет право на существование только как локально-выделенная среди евразийских степных культур²⁵. Поэтому условно дадим описанным памятникам название культуры степного типа эпохи бронзы, чтобы подчеркнуть только эпоху и локализацию в определенной ландшафтной зоне.

Керамика, очень близкая по форме и по орнаментации керамике памятников Хорезма, была найдена на стоянках на Махан-Дарье и в Гурдушском могильнике²⁶, а также в погребениях под Ташкентом²⁷, на стоянках в Кайрах-Кумах²⁸, в Вуадильском²⁹ и других могильниках в Фергане. Все эти памятники относятся к культуре степной бронзы Средней Азии и объединяются целым рядом общих признаков.

Кроме находок керамики, на юге Средней Азии был сделан ряд случайных находок бронзовых изделий, которые также, по-видимому, относятся к памятникам степной культуры. В их числе втульчатый дву-

²¹ Б. А. Латынин. О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы.— СА, 1958, № 3, стр. 46, 48.

²² М. А. Итина. Памятники первобытной культуры..., стр. 259, 316.

²³ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 116—117.

²⁴ М. А. Итина. Могильник бронзового века Кокча 3.— «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 5. М., 1961, рис. 4, 6; 5, 1; Она же. Новые стоянки тазабагъябской культуры.— «Материалы и исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I. М., 1959, рис. 6, 1; 7; 6; 9; Она же. Раскопки стоянок тазабагъябской культуры в 1957 г.— Там же, т. IV, 1960, рис. 5, 10, 12, 13, 14 и др.; Она же. Первобытная керамика Хорезма.— «Труды Хорезмской экспедиции», т. IV. М., 1959, рис. 17, 2, 7 и др.

²⁵ Следует отметить, что в могильнике Кокча 3 отсутствует ряд типов керамики, представленных в туркменских сборах, в частности керамика с напелным валиком и насечками, которая известна в Хорезме только на стоянках Ангка V и II (М. А. Итина. Новые стоянки тазабагъябской культуры, рис. 7, 8; Она же. Раскопки стоянок тазабагъябской культуры в 1957 г., рис. 5—9; Она же. Первобытная керамика Хорезма, рис. 10, 2, 4, 6; 11).

²⁶ Я. Г. Гулямов. Археологические работы в западной части Бухарского оазиса.— «Труды Института истории и археологии АН Уз. ССР», вып. VII. Ташкент, 1956; А. Аскаров. Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана.— «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3. Ташкент, 1962.

²⁷ М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН Уз. ССР у ст. Вревской в 1947 г.— «Труды Музея истории народов Узбекистана», вып. 1. Ташкент, 1951; Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской обл.— КСИИМК, 1955, вып. 59.

²⁸ А. П. Окладников. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г.— «Археологические работы в Таджикистане в 1954 г.», Душанбе, 1955; Б. А. Литвинский. Археологические исследования в Таджикистане в 1955 г. Душанбе, 1956; Он же. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Кайрах-Кумах.— «Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии». М.—Л., 1959; Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрах-Кумов. Душанбе, 1962.

²⁹ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине.— КСИИМК, 1956, вып. 63, стр. 85—94; Они же. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины.— СА, 1957, № 3.

лопастной наконечник дротика со стоянки Бала-Ишем 8. Он сходен с бронзовой стрелой из Алексеевского поселения, со стрелами из Вуадила и Бричмуллинского клада.

В двух верстах от Ашхабада, в районе, где сделан ряд сборов лепной керамики, П. И. Шукиным, при прокладке железной дороги, было найдено бронзовое копье³⁰ (рис. 3, 24). Копье листовидное, втульчатое, небольших размеров. Втулка круглая, диаметром 2,2 см, с двумя отверстиями, в узкой части пера втулка переходит в четырехгранное в сечении ребро. Копье отлито в двусоставной литейной форме. Подобные копья очень широко распространены в памятниках степных культур эпохи бронзы.

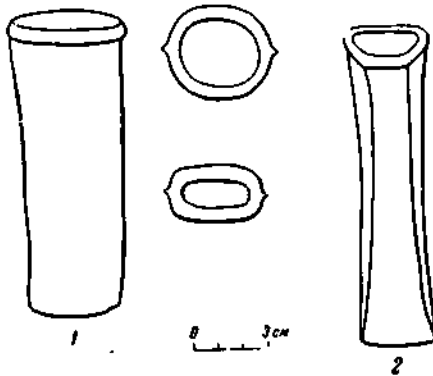

Рис. 4. Бронзовые орудия, найденные на юге Средней Азии

1 — бронзовый кельт из окрестностей Варакши; 2 — бронзовое тесло из окрестностей Регара

Литой бронзовый кельт-тесло, четырехгранный в сечении, был найден в 1941 г. на Кулин-тепе у Регара в разрушенном погребении³¹ (рис. 4, 2).

В Бухарской обл., в окрестностях пос. Варакша, вблизи территории, где находятся многочисленные стоянки и могильники на Махан-Дарье, было найдено бронзовое кельтообразное втульчатое орудие, овальное в сечении, с утолщенным бортиком по краю втулки³² (рис. 4, 1).

На юге Таджикистана, между устьями Тупаланг-Дарьи и Санггардак-Дарьи, в 1927—1928 гг. были сделаны находки медных теслообразных топоров, ножей и серпов, лежавших вместе с кремневыми стрелами и копьями³³.

Изучение кладов и случайных находок бронзовых изделий Средней Азии позволяет сделать вывод, что в эпоху средней бронзы на территории Средней Азии вплоть до Ферганы были распространены изделия, связанные своим происхождением с культурой Анау и Гиссара. Это в первую очередь некоторые находки из могильника Заман-Баба³⁴, вся культура которого несет следы несомненного южного влияния³⁵, а также Хакский и Ауглатунский клады, топоры из Пенджикента и Шар-Шара³⁶ и др. Направление культурных влияний в это время шло с юга на север. В эпоху поздней бронзы, наоборот, прослеживается распространение на юг изделий степного типа — керамики и металла, которые охватывают большую площадь.

Как же могут быть датированы эти памятники степной бронзы на юге Средней Азии?

Сравнение с материалом более северных областей позволяет предположительно сопоставить их с памятниками алакульскими и позднеандроновскими, с одной стороны, и срубно-хвалынскими, — с другой. Но хронология андроновской и срубной культур является весьма спор-

³⁰ Хранится в ГИМ, инв. № 86405, оп. 1313.

³¹ Г. В. Парфенов. Находки на Кулин-тепе и в его окрестностях. — Изв. отд. общественных наук АН Тадж. ССР, вып. 14. Душанбе, 1957, стр. 64, 65. Хранится в Термезском музее, инв. № 746 — 1.

³² Хранится в музее при Институте истории и археологии АН Уз. ССР в Ташкенте.

³³ М. Е. Массон. Прикладные задачи археологии и их тематика в Средней Азии. Ташкент, 1937, стр. 11—12. (Вещи утеряны, подробное описание их отсутствует.)

³⁴ Я. Г. Гулямов. Указ. соч.

³⁵ Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-Баба. — СЭ, 1958, № 2.

³⁶ А. И. Тереножкин. Археологические находки в Таджикистане. — КСИИМК, 1948, вып. XX, стр. 74—77.

ной и не может служить основанием для датировки более южных родственных памятников. Никаких находок, дающих датировку, на стоянках сделано не было, за исключением двух пунктов в подгорной полосе, о которых говорилось выше, где М. В. Воеводским были найдены фрагменты керамики, возможно, стадии Намазга VI. Однако ввиду того, что культурный слой стоянок развезен и стратиграфически невозможно установить соотношение керамики Намазга VI со степной, они также не могут быть использованы для синхронизации степной и анауской керамики. Поэтому решающее значение для установления датировки степной культуры имеют находки фрагментов лепной керамики в культурном слое стадии Намазга VI или Анау III f, g, на ряде земледельческих поселений Южной Туркмении. Первые такие находки были сделаны еще в 1908 г. экспедицией Р. Пампелли и Э. Шмидта на южном холме поселения Анау на террасах А, В и С в среднем ярусе III культуры. Они были интерпретированы американскими археологами как варварская керамика³⁷. Это фрагменты грубых, довольно толстостенных лепных сосудов среднего размера, с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком и плоским дном. Тесто содержит примесь песка, обжиг серый, наружная поверхность иногда слегка заглажена. Несколько фрагментов украшены нанесенным гладким штампом орнаментом в виде вертикальных зигзагов, один — равнобедренными заштрихованными треугольниками, другой — небрежно выполненным орнаментом из пересекающихся линий. Есть несколько неорнаментированных фрагментов лепной керамики и один фрагмент сосуда с узким горлом, сильно раздутыми боками и наlepным валиком с насечками под горлом (рис. 3, 16—23).

К изделиям степной бронзы близок также бронзовый нож без обособленной рукоятки с квадратным отверстием в ней. Э. Шмидт сопоставил его с ножами, известными в районе Урала-Алтая³⁸. Возможно, к этому же кругу культуры относятся и черешковые кремневые стрелы.

Кроме того, американской экспедицией была найдена степная орнаментированная керамика на поселении Серманча-тепе³⁹.

На поселении Намазга-тепе в верхнем слое шурфа А Д. Д. Букиничем в 1937 г. были найдены фрагменты лепных грубых сосудов серого обжига с большой примесью песка⁴⁰. На том же поселении Б. А. Куфтин сделал находки керамики степной бронзы в верхней части VI слоя на вышке⁴¹. Степная керамика на этом поселении была найдена также А. Ф. Ганялиным в слое на вышке (VII, по его периодизации)⁴². В нижнем (I) слое на поселении Елькен-тепе при раскопках А. А. Марущенко встречены фрагменты лепных сосудов серого обжига с примесью песка, украшенные вертикальной елочкой, косыми насечками по венчику и наlepным валиком с насечками⁴³. В очень интересных

³⁷ Часть коллекции хранится в МАЭ (инв. № 948, В), другая часть была передана в Берлин.— R. Pumpelly, E. Schmidt. Указ. соч., табл. XV, 7, 8, 9, стр. 142, 143; Е. Кобранов. Историческое и культурное значение Анау. Ашхабад—Полторацк, 1927, табл. 35, рис. 7, 8, 9, стр. 31.— Возможно, что к этой же группе относятся два фрагмента лепной грубой керамики со штрихами заглаживания из шурфов Д. Букинича в траншее южного холма Анау (хранится в МАЭ, инв. № 5471).

³⁸ R. Pumpelly, E. Schmidt. Указ. соч., стр. 182, рис. 271.

³⁹ А. Ф. Ганялин. Указ. соч., стр. 84.

⁴⁰ Коллекция Д. Д. Букинича. МАЭ, инв. № 6011.

⁴¹ Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культур Анау.— «Иzv. АН Туркм. ССР», 1954, № 1, стр. 25; В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина.— «Труды ЮТАКЭ», т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 312.

⁴² А. Ф. Ганялин. К стратиграфии Намазга-тепе.— «Труды Института истории археологии и этнографии АН Туркм. ССР», т. V, Ашхабад, 1959.

⁴³ А. А. Марущенко. Елькен-тепе.— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР», т. V, Ашхабад, 1959, стр. 60—62, табл. V.

стратиграфических условиях найдена степная керамика на поселении Теккем-тепе, где она перекрывает верхнюю часть культурного слоя Намазга VI, погибшего в результате пожара, и перекрыта снова слоем Намазга VI. Выше располагается слой вторичного освоения поселения степным населением, что позволяет реконструировать картину гибели поселения после пожара и прихода на пепелище соседних степных племен, а затем восстановление поселка основными жителями и новое разрушение его.

Среди найденной на Теккем-тепе керамики имеются фрагменты сосудов грубой ручной выделки, содержащие обильную примесь дресвы; наружная поверхность их слегка заглажена, черепок в изломе черный, снаружи коричневый. А. Ф. Ганялин выделяет небольшие по размеру горшки с округлыми плечиками и слегка отогнутым наружу венчиком. Некоторые сосуды украшены насечками по краю венчика, косыми крестами по плечикам, зигзагом, косыми параллельными линиями, заключенными между двумя горизонтальными полосами⁴⁴. К числу изделий степной бронзы с Теккем-тепе относятся, по мнению А. Ф. Ганялина, круглая каменная булава, а также бронзовые браслеты с несомкнутыми концами из выпукло-вогнутой пластины, типичные как для тазабагыябских, так и для андроновских памятников⁴⁵.

Степная керамика была найдена также в дельте р. Мургаба в подъемном материале на поселении Аучин-тепе и в культурном слое на поселении Тахирбай-тепе 3 при разведках В. М. Массона⁴⁶. Керамика содержит примесь дресвы и раковины, имеет слегка заглаженную поверхность и украшена отрисками гладкого или изредка зубчатого штампа. Чаще всего встречается мотив вертикального зигзага, а иногда заштрихованные и противостоящие треугольники, косо заштрихованные пересекающиеся полосы и насечки. Возможно, северное степное происхождение имеют бронзовый дротик и круглые бронзовые бляшки так называемого карасукского типа с поселения Тахирбай 3, а также массивные двусторонне обработанные черешковые кремневые стрелы, найденные на Тахирбае и Аучине⁴⁷.

Приведенное описание лепной керамики, найденной на земледельческих поселениях подгорной полосы и Мургаба, показывает, что она идентична керамике, происходящей из сборов в пустыне. Относительная датировка устанавливается на основании ее залегания в верхней части слоя стадии Намазга VI.

Кроме перечисленных поселений, где были сделаны находки степной бронзы, к этому этапу относятся могильник Янги-кала, поселения Яссыдепе у Душака и Алтын-тепе у Меана, а также в дельте Мургаба поселения Тахирбай 4, Якипер и два безымянных. Для культуры Намазга VI характерна керамика, изготовленная на гончарном круге: вазы на высоких поддонах, чаши с вогнутым венчиком, сосуды с подкошенным усеченно-коническим дном и цилиндрическим туловом. Керамика прекрасно обжигается, красноангобированная или серая.

Датировка стадии Намазга VI устанавливается как на основании стратиграфии самих памятников, так и по иранским и другим параллелям. Первоначально Б. А. Куфтин датировал этап Намазга VI среди-

⁴⁴ А. Ф. Ганялин. Теккем-тепе..., стр. 67, 73, 78, 85, рис. 9, 1—4.

⁴⁵ Там же, стр. 73.

⁴⁶ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 59, рис. 31, табл. XI; Он же. Первобытнообщинный строй на территории Туркмении.— «Труды ЮТАКЭ», т. VII, стр. 251; Он же. Древнемаргианское поселение Яз-депе.— «Изв. АН Туркм. ССР», 1955, № 3; Он же. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба.— КСИИМК, 1957, вып. 69, рис. 19.

⁴⁷ В. М. Массон. Изучение древнеземледельческих поселений..., стр. 59; Он же. Древнеземледельческая культура Маргианы, табл. XIII.

ной II тыс. до н. э.⁴⁸ В. М. Массон указал, что дата Б. А. Куфтина занижена и предложил датировать этот период второй половиной II тыс. до н. э., аргументируя изменение даты находками в слое андроновского типа керамики⁴⁹. Однако датировка последней является весьма спорной и требует проверки с помощью материала южных районов, позволяющих установить стратиграфию культурных слоев. В своей последней работе В. М. Массон дал развернутую аргументацию датировки этапа Намазга VI⁵⁰.

Этот слой перекрывает слой Намазга V, с которым, несмотря на существенные различия, удается проследить генетическую связь. Верхняя дата слоя Намазга V основана на четких параллелях с Шах-тепе II А и Гиссар III В, С. Некоторые типы вещей в самом слое Намазга VI находят непосредственные аналогии в других памятниках соседних земледельческих культур. Так, печати с поселения Аучин-тепе сходны с печатями Джухукара, вазы Тахирбай 3 напоминают постхарапповские сосуды могильника R 37⁵¹; серп из Анау аналогичен серпу из Сялалка (некрополя А). А. А. Марущенко обратил внимание на сходство некоторых типов теккемовской керамики с керамикой Сялалка V (некрополь А) и Гяна I⁵²; А. Ф. Ганялин указал на сходство с атрекской сероглиняной керамикой культуры Мадау⁵³. Таким образом, дата Намазга VI зависит от дат Сялалка и Гяна, а нижняя дата — от датировки Гиссара III С. Хотя дата последнего спорна, общепринятой считается дата конца III — начала II тыс. до н. э.⁵⁴ (см. схему).

Дата сялалковского некрополя А (культура V) в ранней работе определялась Р. Гиршманом XIV—XII вв. до н. э.⁵⁵, в публикации Сялалка

Период	Анау (Фон-Колл)	Намазга	Ташкен	Елькен	Тахирбай 3	Гиссар	Гяна	Сялалка
III-VI в. до н. э.	IV а			III	Яз II			
I-III в. до н. э.	360			II	Яз I			Умер В
III-V в. до н. э.	III б	V		I			I	Умер А
IV-VII в. до н. э.							II	
Нов. II тыс. до н. э.	III в	V				III С		

1 2 3

Сравнительная схема стратиграфии культурных слоев поселений Южной Туркмении, содержащих находки лепной керамики степного типа, и синхронных памятников Ирана

1 — стратиграфическая колонка поселений, содержащих степную керамику; 2 — примесь в культурном слое лепной керамики с геометрическим орнаментом; 3 — примесь в культурном слое лепной керамики с напленным валиком и насечками

⁴⁸ Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. ..., стр. 25.

⁴⁹ В. М. Массон. Первобытнообщинный строй на территории Туркмении, стр. 258.

⁵⁰ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., стр. 25—28.

⁵¹ Эти аналогии, очень интересные в смысле исторических связей, не имеют существенного значения для датировки памятников, поскольку индийская хронология не разработана.

⁵² А. А. Марущенко. Елькен-тепе, стр. 61.

⁵³ А. Ф. Ганялин. Указ. соч., стр. 82.

⁵⁴ E. Schmidt. Excavations at Tepe-Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937; D. McCown. Comparative stratigraphy of Early Iran. Chicago, 1942, tabl. II; C. Schaffer. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. Oxford, 1948, tabl.; R. Ehrlich. Relative chronologie in Old World Archaeology. Chicago, 1954; S. Pigot. Prehistoric India to 1000 B. C. London, 1952.

⁵⁵ R. Ghirshman. Rapport préliminaire sur les fouilles de Tépé-Sialak. — «Syria», t. XVI. Paris, 1935.

Гиршман предложил дату XII—XI вв. до н. э.⁵⁶ По Шефферу, дата некрополя А Сялка — 1400—1200 гг. до н. э.⁵⁷ Датировка Гиана была установлена Г. Контемо и Р. Гиршманом как 1800—1400 гг. до н. э. для II слоя и 1400—1100 гг. до н. э. для I слоя⁵⁸ и пересмотрена Шеффером, который отнес оба слоя к 1500—1200 гг. до н. э.⁵⁹ Дата Гиана II получила подтверждение в работе Г. Франкфорта, сопоставившего печать из Гиана II с сирийской печатью, относящейся к XV—XIV вв. до н. э.⁶⁰

Следовательно, при всей спорности датировок сопоставимых с Намазга VI памятников дата середины и второй половины II тыс. до н. э. кажется более или менее убедительной.

Верхняя дата слоя Намазга VI устанавливается стратиграфически, поскольку на поселениях Анау и Елькен-тепе этот слой перекрыт генетически связанным с ними слоем «эпохи варварской оккупации» (Елькен-тепе II), синхронным стадии Яз I на Мургабе. Этот слой в свою очередь перекрыт слоями Анау IV, Елькен III, Яз II, датировка которых — VII—IV вв. до н. э. — обосновывается, во-первых, по находкам скифских стрел⁶¹, во-вторых, на основании сопоставления с родственными культурами Афрасиаб I⁶², Кобадан I⁶³, Беграм⁶⁴. Таким образом, слой «эпохи варварской оккупации» может быть датирован примерно X—VIII вв. до н. э., а эпоха Намазга VI должна быть доведена до конца II тыс. до н. э., что дает основание датировать степную керамику, найденную в этом слое.

Интересно, что степная керамика на разных поселениях в пределах слоя Намазга VI находится в разных стратиграфических условиях. На поселении Анау найдена керамика без налепного валика и насечек по венчику, с довольно аккуратно нанесенным геометрическим орнаментом, сопоставимая с керамикой алакульского этапа северных степных культур. Она лежит в средней части слоя Намазга VI и, следовательно, может быть датирована временем около третьей четверти II тыс. до н. э. Среди комплексов, найденных в пустыне, также известны пункты, где отсутствует керамика с налепным валиком и насечками и преобладает довольно богатая орнаментация. Это позволяет предположить, что отдельные группы степных племен вошли в контакт с земледельческим населением южной Туркмении уже с третьей четверти II тыс. до н. э. Однако этот вывод нуждается в дополнительном подтверждении новым, стратиграфически обоснованным материалом.

На остальных поселениях подгорной полосы — Намазга-тепе, Елькен-тепе и Теккем-тепе, а также на одном участке поселения Анау — степная керамика отличается грубостью и бедностью орнамента; на

⁵⁶ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. II. Musée du Louvre, série archéologique, t. V. Paris, 1939, p. 467, 675.

⁵⁷ C. Schaffer. Указ. соч. Хронологическая таблица.

⁵⁸ G. Contenu, R. Ghirshman. Fouilles de Tépé-Giyan. Louvre, 1942, p. 86—87.

⁵⁹ C. Schaffer. Указ. соч. Хронологическая таблица.

⁶⁰ H. Frankfort. Cylinder Seals, London, 1939, p. 273.

⁶¹ И. М. Дьяконов на основании анализа стрел Кавказа высказал предположение, что двухлопастные стрелы Яз I должны быть датированы несколько более поздним временем (И. М. Дьяконов. Рецензия на кн. В. М. Массона «Древнеземледельческая культура Маргианы». — ВДИ, 1960, № 3, стр. 198). Однако в Средней Азии и Казахстане двухлопастные стрелы появляются, несомненно, раньше трехлопастных и трехгранных и восходят к широко распространенным прототипам эпохи поздней бронзы (алексеевского типа).

⁶² А. И. Тереножкин. Согд и Чач. — КСИИМК, 1950, вып. 33, стр. 155, 156, табл. 70.

⁶³ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении р. Кафир-нигана. — МИА, 1953, № 37, стр. 279—282.

⁶⁴ R. Ghirshman. Bégram. — MDAFA, t. XII. Caire, 1946, p. 43, 53.

ряде фрагментов имеется налепной валик с насечками, другие украшены косыми крестами или насечками.

Эта керамика на всех поселениях располагается в верхней части культурного слоя Намазга VI и, таким образом, должна быть датирована последней четвертью II тыс. до н. э. Полученная на основании стратиграфии южных памятников датировка этой керамики имеет большое значение для периодизации северных степных культур, поскольку за последнее

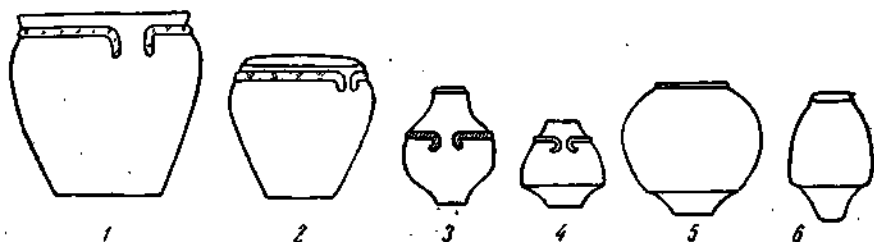

Рис. 5. Сосуды с налепными валиками с опущенными усами и сосуды с подкошненным дном

1 — Алексеевское поселение (андроновская культура); 2 — Ивановка близ Хвалыиска (срубная культура); 3, 4 — Тепе-Гьян I; 5 — могильник Янг-кала; 6 — Намазга-тепе VI

время все чаще встает вопрос о датировке валиковой керамики, на основании которой некоторые исследователи выделяют замараевский хронологический этап или даже замараевскую культуру и датируют ее началом I тыс. до н. э.

Теперь можно сказать, что, по крайней мере, у южных степных племен эта керамика бытует, видимо, начиная с последней четверти II тыс. до н. э.

Мы не будем здесь касаться проблемы происхождения валиковой керамики.

С. П. Толстов и М. А. Итина выдвинули предположение, что она возникла под влиянием валиковой керамики древнеземледельческих цивилизаций Передней Азии и Ирана⁶⁵. Однако такое сопоставление не может иметь значения для установления датировки валиковой степной керамики, поскольку, как указывают сами авторы, она известна в Передней Азии начиная с периода Джемдет-Наср. Валиковая керамика Азии, как правило, изготовлена на гончарном круге, применение которого позволяло придавать сосудам вычурную форму, что принципиально отличает ее от лепной керамики с налепным валиком. Однако интересно, что грубая лепная керамика с налепным валиком и косыми насечками и с геометрическим орнаментом в виде заштрихованных треугольников, меандра и т. д., близко напоминающая керамику поздней бронзы евразийских степей, встречена в слое VII В Трои, где кстати, впервые появляются кости лошади. К. Бледжен датирует слой 1200 г. до н. э. и связывает его с вторжением степных племен⁶⁶.

Нельзя не остановиться также на одном типе сосудов из Гьяна I⁶⁷. Это довольно крупные, вытянутых пропорций сосуды с характерным подкрашенным профилем дна (рис. 5, 3, 4), близко напоминающие по форме один из ведущих типов керамики Намазга VI — сосуды с под-

⁶⁵ С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суяржанской культуры. — СА, 1960, № 1; М. А. Итина. Новые стоянки тазабагыбской культуры, стр. 59.

⁶⁶ C. Blegen. Troy III, settlements VIIa, VIIb, VIII, v. IV. Princeton, 1958, p. 2, tabl. 282, 284, 285.

⁶⁷ C. Shaffer. Указ. соч., рис. 242, 39, 76, § 197, 199.

кватом (рис. 5, 5, 6). Под горлом этих сосудов проходит налепной валик с опущенными усами и часто с косыми насечками, напоминающий валики алексеевской и позднесрубной керамики⁶⁸ (рис. 5, 1, 2). Такое сходство вряд ли можно считать случайным. В конце эпохи бронзы, в XII—X вв. до н. э., валик получил распространение также на лепной керамике в ряде культур Западной Европы, что позволяет ставить вопрос о распространении в конце эпохи бронзы «моды» на валиковую керамику на широкой территории.

Таким образом, рассмотрение материала стоянок, случайных находок и материала культурных слоев поселений юга Средней Азии позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, в эпоху бронзы на юге Средней Азии была распространена степная культура (или родственные культуры), видимо входившая в ареал культур срубно-андроновского круга и наиболее близкая материалам тазабагыбских стоянок Хорезма и других степных памятников Средней Азии.

Во-вторых, анализ находок степной керамики в культурном слое на земледельческих поселениях впервые при изучении степных культур азиатской части СССР позволяет на основании материала, стратиграфически обоснованного и синхронистически увязанного с соседними земледельческими памятниками Ирана, датировать распространение этой степной культуры временем, начиная, видимо, с середины II тыс. до н. э., и, главным образом, последней четвертью этого тысячелетия.

В-третьих, расположение лепной керамики с налепным валиком в верхней части культурного слоя стадии Намазга VI на ряде земледельческих поселений позволяет датировать распространение налепного валика концом II тыс. до н. э.

Многочисленные стоянки степных племен свидетельствуют о том, что в конце II тыс. до н. э. эти племена на юге Средней Азии придвинулись вплотную к земледельческим оазисам.

Находки степной керамики на шести поселениях эпохи Намазга VI, в том числе на всех пяти поселениях, подвергавшихся систематическому исследованию, приводят к заключению, что степное население вошло в тесный контакт с земледельцами. Причем картина пожаров домов на Теккем-тепе позволяет предполагать, что связи эти иногда были отнюдь не мирными.

Какова дальнейшая судьба населения на юге Средней Азии?

Следующий за Намазга VI период культуры Анау был назван Э. Шмидтом «эпохой варварской оккупации». По мнению Шмидта, развитие земледельческой культуры было прервано вторжением варварских племен, приведшим к резкой смене культуры⁶⁹. По существу, к этой же точке зрения склонялись М. Е. Массон⁷⁰ и Б. А. Куфтин. Последний объяснял кризис эпохи Намазга VI наступлением ксеротермического периода, усилением борьбы за источники воды и отмечал, что конец культурного слоя Намазга VI совпадает с распространением кочевнической керамики⁷¹.

По-иному подошел к проблеме В. М. Массон. Он показал, что культура Яз I генетически тесно связана с предшествующей культурой Намазга VI в ее мургабском варианте⁷².

⁶⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник.— «Труды ГИМ», т. XVII. М., 1948, рис. 61, 71, 72; Она же. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46, рис. 9, 1, 7 и др.

⁶⁹ E. Schmidt. Указ. соч., стр. 49, 149.

⁷⁰ М. Е. Массон. Южно-туркменская археологическая комплексная экспедиция 1947 г.— «Труды ЮТАКЭ», т. II, Ашхабад, 1953, стр. 24.

⁷¹ Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г., стр. 25, 29.

⁷² В. М. Массон. История Туркменской ССР, т. 1, кн. 1. Ашхабад, 1957, стр. 50—51.

Не отрицая связи культуры Намазга VI с последующей культурой «эпохи варварской оккупации» А. А. Марушенко, а вслед за ним А. Ф. Ганялин выдвинули предположение, что степные племена все же сыграли существенную роль в формировании культуры «эпохи варварской оккупации». По их мнению, генетически связанная с более древними земледельческими культурами культура Елькен I — Намазга VI (по периодизации А. Ф. Ганялина, Намазга VII) вошла в соприкосновение со степными культурами тазабагьябского типа; разрушение этими племенами земледельческой культуры Елькен I на рубеже I тыс. до н. э. привело к появлению культуры Елькен II (Анау «эпохи варварской оккупации», или Яз I), в которой древний местный этнический элемент, а также древние культурные традиции были ассимилированы степным северным населением⁷³.

Археологический материал из слоев «эпохи варварской оккупации», действительно, показывает несомненную генетическую связь с материалом Намазга VI.

Однако господство огрубевшей лепной керамики вместо высококачественной гончарной, производство которой в Анау имело многовековую традицию, значительное увеличение количества костей домашних животных, отражающее временное преобладание скотоводства над земледелием, и распространение некоторых типов металлических изделий, в том числе стрел, характерных для степных областей, — все эти факты свидетельствуют о том, что степные племена сыграли существенную роль в сложении культуры «эпохи варварской оккупации». В керамике Яз I сохраняются некоторые черты, типичные для степной керамики позднебронзового века: налепные валики, иногда со спускающимися усами, косые насечки и т. д.

Все это позволяет предполагать, что в последней четверти II тыс. до н. э. и в первой четверти I тыс. до н. э. население юга Средней Азии находилось в контакте с населением среднеазиатских степей.

Каким было хозяйство в «эпоху варварской оккупации»? Как уже указывалось, главную роль в хозяйстве играло не земледелие, а скотоводство. Разводились крупный и мелкий рогатый скот, лошади, верблюды. Орудия изготовлялись из бронзы, железо не применялось⁷⁴. Интересно сопоставить эти археологические данные с картиной быта, которую рисуют древнейшие части Авесты — Гаты и Яшт «О похищении скота». Население занимается земледелием⁷⁵, но главным его занятием является оседлое скотоводство⁷⁶. На первом месте в составе стада стоит бык *gauš-urva* — центральный образ Гат, а также лошадь; существенную роль играют верблюд и собака, мелкий рогатый скот тоже известен.

Еще Гейгер отметил, что общество Авесты не знало применения железа⁷⁷. Особенное внимание на это обстоятельство обратил М. М. Дьяконов. Сопоставление археологического материала среднеазиатских городов VII—IV вв. до н. э. с Авестой привело его к заключению, что весь хозяйственный уклад Авесты рисует общество доахеменидской эпохи⁷⁸.

⁷³ А. А. Марушенко. Анау, стр. 101; Он же. Елькен-тепе, стр. 56, 64, 70; А. Ф. Ганялин. Теккем-тепе, стр. 84.

⁷⁴ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 38.

⁷⁵ Термин, употребляющийся в Авесте для обозначения земледельца-общинника — *vastrya-šuat* (доставляющий траву скоту), отражает совсем недавний переход населения к занятию земледелием (E. Benveniste. *Les classes sociales dans la tradition Avestique.* — JA, t. CCXXI. Paris, 1932, p. 117—134); о процессе перехода населения к земледелию свидетельствует и страстная проповедь Заратуштры, объявляющего занятия земледелием первой добродетелью истинного сторонника Ахура-Мазды.

⁷⁶ M. Dhalla. *Zoroastrian civilisation.* N. Y., 1922.

⁷⁷ W. Geiger. *Ostiranische Kultur im Altertum.* Erlangen, 1882, S. 147, 148.

⁷⁸ М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в северной Бактрии.—

Красной нитью в древнейших частях Авесты проходит описание столкновений и борьбы оседлых скотоводов — арья с кочевыми скотоводами — тура⁷⁹, которые также несомненно были иранцами по языку, находились в этническом родстве с арьями и первоначально имели общие с ними религиозные представления, что отразилось в сходстве религиозной терминологии⁸⁰.

Относительно места сложения Авесты у исследователей нет единого мнения⁸¹. Однако последние работы показывают, что язык Авесты наиболее близок языку древнехорезмийскому⁸². В Средней Азии, вероятно, следует локализовать и Эран-Ведж — легендарную прародину и обетованную землю ариев⁸³.

Есть основания предполагать, что в предахеменидский период хорезмийцы продвинулись на юг, овладели долинами Герируд и Теджен и создали конфедерацию племен, в состав которой входили парфяне, гирканцы по южному берегу Каспийского моря и арахозяне⁸⁴. Видимо, часть населения к югу от Хорезма стала говорить на хорезмийском языке⁸⁵. Во главе этой конфедерации иранских племен стоял правитель Хорезма, названный в Михр-Яште «владыкой всех областей»⁸⁶.

Не позволяя ли эти данные письменных источников, свидетельствующие о наступлении степных племен на юг и включении территории подгорной полосы в сферу их влияния, вновь вспомнить сходство архео-

СА, 1954, № 19, стр. 140 и сл. — Античная традиция также относит проповедь Заратуштры к глубокой древности (E. Benveniste. *The Persian religion according to the Chief Greek Texts*. Paris, 1929).

⁷⁹ В. И. Абаев. Скифский быт и реформа Зороастра. — «Archiv Orientalni», t. XXIV, č. d. Praha, 1956.

⁸⁰ См., напр.: E. Benveniste, L. Renou. *Vrta et Vrðragna*. Paris, 1934; A. Christensen. *Essais sur la demonologie iranienne*. Copenhagen, 1941; J. Duchesne-Guillemin. *Ormazd et Ahriman*. — «Mithes et religions», 1953, № 31.

⁸¹ Среднеазиатское происхождение Авесты можно считать доказанным. В настоящее время никто не разделяет старых точек зрения о локализации Авесты в Мидии, высказанных Анкетилем дю Перроном, Дармстетером, Херцфельдом и др. (Anquetil du Perron. *Zend-Avesta, ouvrage du Zoroastre*. Paris, 1771; J. Darmesteter. *Etudes iraniennes et le Zend-Avesta*. Paris, 1893; E. Herzfeld. *Zoroaster and his World*, t. 1. Princeton, 1947 p. 11). Мнение о среднеазиатском происхождении Авесты в русской литературе разделяют В. В. Бартольд, А. А. Фрейман, Е. С. Бертельс, С. П. Толстов, К. В. Тревер, В. В. Струве, М. М. Дьяконов, И. М. Дьяконов, В. И. Абаев и др. (В. В. Бартольд. К истории персидского эпоса. — ЗВОРАО, т. XXII, вып. 1. Пг., 1914, стр. 257—282; А. А. Фрейман. Среднеперсидский язык и его место среди иранских языков. — «Вост. зап. ЛИЖВЯ», т. 1. Л., 1927, стр. 49; Е. С. Бертельс. Новые работы по изучению Авесты. — «Уч. зап. ИВАН», т. III, 1951, стр. 257—271; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948; К. В. Тревер. Гопат-шах — пастух-царь. — ТОВЭ, т. II. Л., 1940, стр. 71—85; В. В. Струве. Родина зороастризма. — СВ, т. V, 1948, стр. 6—34; Он же. Восстание в Маргиане. — «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1. Ашхабад, 1949; М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в Бактрия; Он же. Очерк истории Ирана. М., 1961; В. И. Абаев. Скифский быт; И. М. Дьяконов. История Мидии. М. — Л., 1956). Среди западноевропейских ученых этого же взгляда придерживаются Гейгер, Маркварт, Бартоломе, Нюберг, Хеннинг, Гершевич, Бенвенист и др. (W. Geiger. *Ostiranische Kultur...*; J. Marquart. *Eranšahr nach der Geographie des Moses Xorenae*. Berlin, 1901; C. Bartolomae. *Die Gáthas des Avesta*. Strassburg, 1905; Он же. *Zarathustra's Leben und Lehre*. Strassburg, 1924; H. Nyberg. *Die Religionen der Alten Iran*. Leipzig, 1938; W. Henning. *Zoroaster-Politician or Witch-doctor?* London, 1951; J. Gershevitch. *The Avestian Hymn to Mithra*. Cambridge, 1959; E. Benveniste. *L'Eran-Vež*. Paris, 1933—1935).

⁸² В лексике хорезмийских памятников вплоть до XII—XIII вв. сохраняется целый ряд слов, не известных в других иранских языках, кроме хорезмийского и авестийского (W. Henning. Указ. соч., стр. 44, 45).

⁸³ См.: E. Benveniste. *L'Eran-Vež et l'origine legendaire des Iraniens*. — BSOAS, VII, 1934, p. 265—271; W. Henning. Указ. соч.; J. Gershevitch. Указ. соч.

⁸⁴ Точку зрения о существовании доахеменидского государства в Хорезме, где сложилась Авеста, высказал Маркварт (J. Marquart. *Wehrot und Arang*. Leiden, 1938) и развил В. Хеннинг, основывавшийся, в частности, на данных Геродота (W. Henning. Указ. соч., стр. 42).

⁸⁵ Может быть, поэтому Гекатей и поместил хорезмийцев к востоку от парфян?

⁸⁶ J. Gershevitch. Указ. соч., стр. 296 и др.

логического материала памятников степной культуры Средней Азии и земледельческой культуры подгорной полосы и Мургаба? Не дают ли они возможности сопоставить доахеменидское общество юга Средней Азии с обществом древних частей Авесты? Не напоминает ли, вместе с тем, картина хозяйственной и социальной жизни Авесты быт степняков «эпохи варварской оккупации», ассимилирующих земледельческое население подгорной полосы, переходящих к земледелию (арья) и вступающих в конфликт со своими родственными, продолжающими кочевать соседями (тура)? Если бы новые археологические и лингвистические данные смогли подтвердить эту гипотезу, можно было бы считать доказанным иранское происхождение степных племен Средней Азии в конце эпохи бронзы.

Гипотеза об иранской принадлежности среднеазиатских племен высказывалась уже давно. Этот взгляд распространен среди советских иранистов.

Особенно усиленно защищает его И. М. Дьяконов⁸⁷, проследивший по исторической топонимике продвижение в начале I тыс. до н. э. иранских племен с востока на запад по иранскому плато⁸⁸. В ассирийских анналах, описывающих походы на восток Салманасара III, Семирамиды и Саргона, упоминаются ариби востока, отождествляемые с ариями⁸⁹, приводится ряд этнических названий⁹⁰ и личных имен⁹¹, имеющих иранскую этимологию, а также сообщается, что с востока приведен двугорбый верблюд⁹². Эти данные ассирийских источников привели И. М. Дьяконова к выводу, что заселение Ирана арийскими племенами происходило из Средней Азии⁹³ и что, следовательно, население Средней Азии было иранским по языку уже, по крайней мере, на рубеже II тыс. до н. э.

⁸⁷ И. М. Дьяконов, основываясь на данных В. М. Массона о генетической связи культур Яз I и Намазга VI, считает возможным предполагать иранское происхождение населения юга Средней Азии, начиная уже с эпохи Намазга IV (И. М. Дьяконов. Рецензия на кн. В. М. Массона «Древнеземледельческая культура Маргианы», стр. 199).

⁸⁸ И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 150, 151 и др. Следует отметить, что противоположной точки зрения придерживается Р. Гиришман, считающий, что иранцы пришли из евразийских степей через Кавказ (R. Ghirshman. L'Iran des origines à l'Islam. Paris, 1951, p. 57, 59, 102—104; Он же. Village de Perse Achéménide.— «Mémoires de la mission archéologique en Iran», t. XXXVI. Paris, 1954; Он же. Notes iraniennes, IV. Le trésor de Sakkés.— «Artibus Asiae», 1952, t. XIII, p. 3, Карта; Он же. Доклад на XXV конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г.)

⁸⁹ J. Marguier. Untersuchungen zur Geschichte von Iran. Leipzig, 1905, Bd. II, S. 32, 33; F. Lenormant. Lettres Assyriologiques sur l'histoire de l'Asie antérieure. Paris, 1871; D. Luckenbill. Ancient Records of Assyria and Babylonia, t. 1. Chicago, 1926, p. 46; И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 148, 219—221; И. Алиев. История Мидии. Баку, 1960, стр. 98; М. М. Дьяконов. Очерк истории Ирана, стр. 43.

⁹⁰ Среди мидийских племен появляется арийское племя аризантов, которые жили в степной полосе на востоке Мидии (И. М. Дьяконов. Очерк истории Ирана, стр. 46; И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 149; И. Алиев. История Мидии, стр. 98); иранскую этимологию имеют также названия племен паретакенов и стругатов.

⁹¹ E. Meyer. Die ältesten datierten Zeugnisse der iranischen Sprache, 1908, S. 14.

⁹² Н. Б. Янковская. Некоторые вопросы экономики ассирийской державы.— ВДИ, 1956, № 1.— Верблюд назван иранским словом urdu. Археологически двугорбый верблюд в это время известен только в Казахстане и Средней Азии (Е. Е. Кузьмина. Древнейшее изображение двугорбого верблюда из Оренбургской обл.— СА, 1963, № 2).

⁹³ В этой связи следует вспомнить сходство, отмеченное исследователями, между памятниками Южной Туркмении и Сялал-теле VI (некрополь В), культуру которого Р. Гиришман считает созданной прошлыми арийскими племенами (R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, près de Khashan, t. II. Paris, 1939, p. 104). Интересно отметить, что Сялал-теле расположен именно в той части Ирана, где обычно локализуются племена ариби востока (И. М. Дьяконов. История Мидии; карта Мидии IX—VII вв. до н. э.).

Античная традиция, как кажется, также подтверждает гипотезу о древних иранских корнях степного населения Средней Азии⁹⁴.

Новые археологические материалы более северных районов позволяют исследователям рассматривать иранское по языку население степей VII—IV вв. до н. э. (савроматов⁹⁵, массагетов, саков) как прямых потомков носителей местных степных культур эпохи бронзы — срубной и андроновской и тем самым предполагать, что носители этих культур также были иранцами по языку.

⁹⁴ Античные авторы признают большую древность сакских племен, указывают, что эти племена в древности продвинулись на юг и основали Бактрию и Парфию (Помпей Гроз. Филиппинская история, II, 4; XII, 1—6; Диодор. Библиотека, II, 43—44; Страбон. География, VII, 3, 12; XI, 8, 6—9).

⁹⁵ К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов.— СА, 1957, № 3, стр. 8, 14.

М. Ф. Косарев

ХРОНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ РАННИХ НИЖНЕТОМСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Эпоха бронзы в Нижнем Притомье представлена сейчас значительным числом памятников. Раннебронзовый век наиболее хорошо изучен по материалам Самусьского могильника¹, могильника на Старом мусульманском кладбище² и Томского могильника (Большой мыс)³; эпоха развитой бронзы лучше всего представлена материалами Самусьского поселения⁴ и Томского могильника (Малый Мыс)⁵. Перечисленные памятники образуют две локальные группы: самусьскую и томскую. Первая группа расположена приблизительно в 40 км ниже Томска, в окрестностях поселка Самусь; вторая — в непосредственной близости от Томска.

САМУСЬСКАЯ ГРУППА ПАМЯТНИКОВ

Самусьский могильник. Керамика Самусьского могильника включает осторожные, круглодонные и плоскодонные сосуды, причем последние преобладают. Основной керамический комплекс по ряду признаков довольно близок керамике ранних памятников Свердловско-Тагильского района. К уральским или урало-сибирским элементам орнамента на посуде Самусьского могильника следует отнести «шагающую скобку»⁶, фигуры, выполненные «ложной гребенкой»⁷, волнистые узоры⁸, покрывающие всю поверхность сосудов и т. д.

Интересно отметить группу сосудов (рис. 1, 14, 16), которая дает возможность проследить деградацию орнамента, имитирующего (в своем первоначальном виде) сплошную крупную плетенку (рис. 1, 14). Этот тип посуды свидетельствует о значительном влиянии лесных культур Прибайкалья (ср. например, сосуд на рис. 1, 16 с сосудом, опубликованным А. П. Окладниковым⁹). О влиянии культур ангаро-красноярской лесной полосы говорят и некоторые типы каменных орудий: удлиненные

¹ Раскопки В. И. Матющенко в 1953—1955 гг. Коллекция хранится в Музее истории материальной культуры ТГУ.

² Раскопки А. П. Дульзона в 1955 г. Коллекция хранится в Томском областном краеведческом музее.

³ Раскопки С. К. Кузнецова в 1899 г. Материал хранится в Эрмитаже.

⁴ Раскопки В. И. Матющенко в 1957—1958 гг. Коллекция хранится в Музее истории материальной культуры ТГУ.

⁵ Раскопки А. В. Андрианова в 1887 г. Материал хранится в ГИМ и Эрмитаже.

⁶ М. Ф. Косарев. О происхождении ирменской культуры. — Настоящий сборник, стр. 172, рис. 2, 186.

⁷ Там же, рис. 2, 18а.

⁸ Там же, рис. 2, 16.

⁹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I и II. — МИА, 1950, № 118, рис. 58 и др.

шлифованные тесла ангаро-байкальского типа (рис. 1, 15), каменные грузики, весьма напоминающие глазковские (рис. 2, 2, 3) и т. д.

Вместе с тем следует отметить известное влияние южных (лесостепных и степных) культур. В этой связи обращает на себя внимание небольшая чашка, покрытая сплошными вдавлениями четырехугольной палочки (рис. 1, 18). Такой орнамент исключительно характерен для керамики Томского могильника из погребений на Большом Мысу¹⁰. Весьма интересна также находка в Самусьском могильнике хорошо профилированного плоскодонного горшка с резным орнаментом (рис. 1, 19).

Исключительную разнотипность керамики Самусьского могильника следует объяснять, по-видимому, не хронологическими отличиями, а результатом разнородных влияний. Компактность могильника, известная правильность расположения погребений относительно друг друга, аналогичность кремневого инвентаря в могилах и т. д. — все это не дает основания считать, что период существования Самусьского могильника был слишком длительным.

Самусьское поселение. Судя по мощности культурного слоя (в некоторых местах до 1,2 м), поселение существовало довольно длительное время. Керамика Самусьского поселения делится на три группы:

горшкообразные (реже баночные) сосуды, обычно с округлым венчиком и плоским (иногда уплощенным) дном (рис. 2, 5, 6; 3, 3). Вся или почти вся боковая поверхность этих сосудов покрывалась волнистыми или прямыми (иногда зигзаговыми — см. рис. 3, 3) линиями, выполненными отступающей гребенкой. Встречены горшки, поверхность которых орнаментирована сплошными взаимопроникающими рядами треугольников¹¹. Днища иногда украшались несложными и довольно небрежно выполненными узорами;

баночные (реже горшкообразные) сосуды очень тщательной выделки. Орнамент преимущественно желобчатый (рис. 2, 7—11, 14—19, 25, 26). В верхней части сосудов, под венчиком, наносился ряд желобчатых (прямых или волнистых) линий, ниже которых шло сплошное заполнение стенок рядами отступающей гребенки (рис. 2, 7), или наносились антропоморфные (реже зооморфные) изображения (рис. 2, 18, 25, 26). Нередко встречаются четырехугольные, шестиугольные и даже восьмиугольные формы днищ. Днища украшались сложными геометрическими фигурами (рис. 2, 7, 9, 10, 11), солярными изображениями (рис. 2, 8, 15, 17, 19), спиральными узорами (рис. 2, 14) или рисунками человеческого лица (рис. 2, 16). Посуда этой группы, по-видимому, имела культовое назначение;

горшкообразные сосуды, в орнаменте которых большое место занимают фигурные штампы (в основном ромбические), а отступающая гребенка и желобчатые линии уходят на задний план (рис. 2, 21—24).

Первые две группы одновременны, третья — более поздняя.

В Самусьском поселении встречена также керамика не местного происхождения: фрагменты среднеиртышского облика (рис. 3, 2, 6) и сосуды типа Окунева улуса (рис. 3, 1, 5). Изучение этой керамики в связи с собственно самусьскими комплексами позволяет прийти к выводу, что для Самусьского поселения почти на всем протяжении его существования основными были восточные, енисейские, связи. Однако к концу существования поселения они теряют свое значение и основными становятся западные, иртышские, связи.

¹⁰ М. Н. Комарова. Томский могильник. — МИА, 1952, № 24, стр. 13, табл. V.

¹¹ М. Ф. Косарев. Указ. соч., рис. 2, 22.

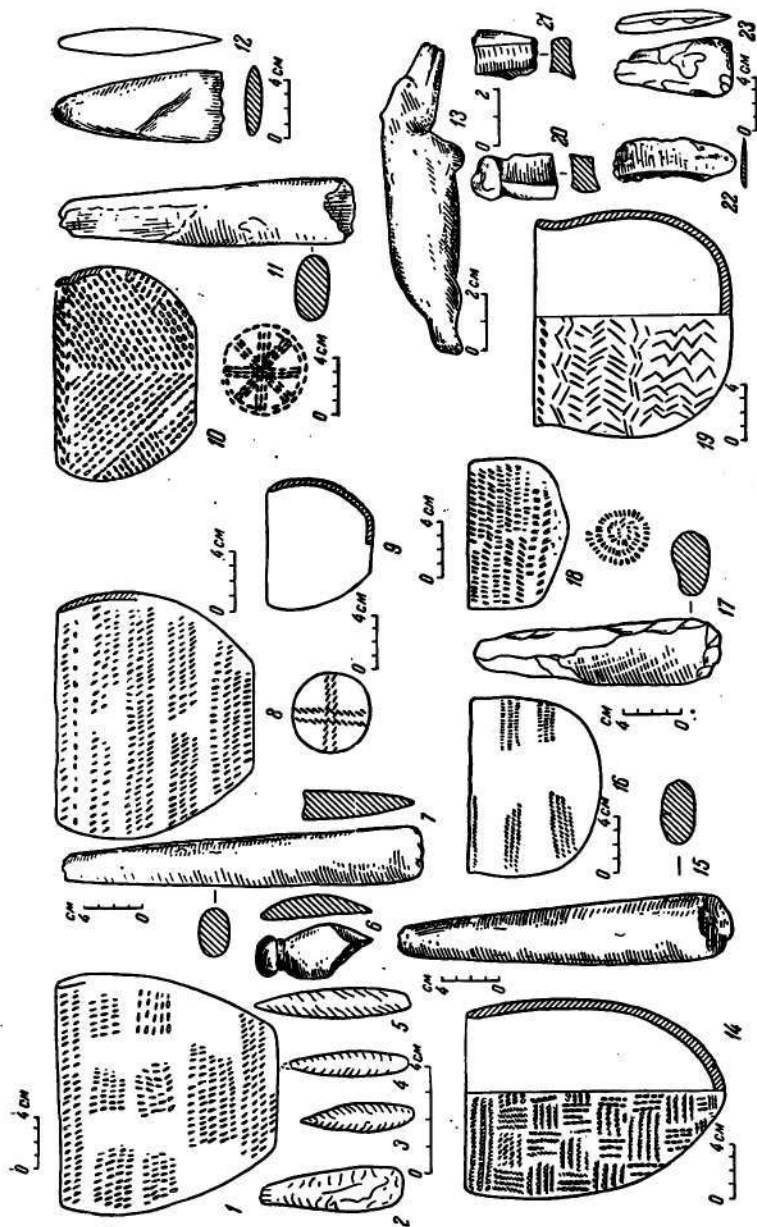

Рис. 1.

Могильник на Старом мусульманском кладбище. 1, 8-10 — керамика; 2, 3-5 — каменные наконечники стрел; 6 — каменный грузик; 7, 11 — каменные тесловидные орудия; 12 — каменный топорик; 13 — скульптурное изображение медведы (камень) Самусьский могильник 14, 16, 18, 19 — керамика; 15, 17 — каменные тесловидные орудия; 23 — каменный топорик; 20, 21 — обломки топилец; 22 — нефритовый нож

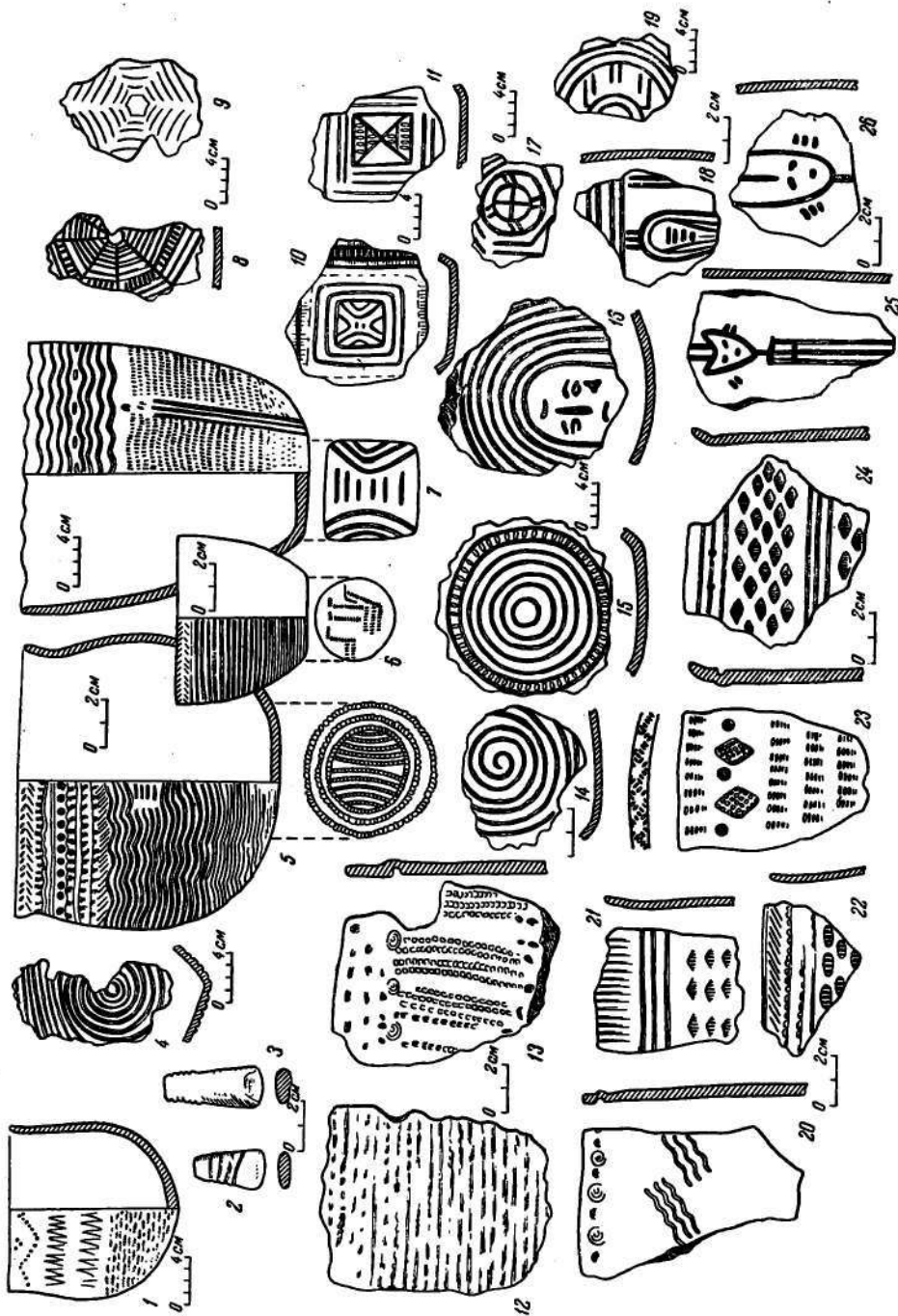

Рис. 2. Самусьский могильник
 1, 4 — керамика; 2, 3 — каменные грузики
 Самусьское поселение 5—26 — керамика

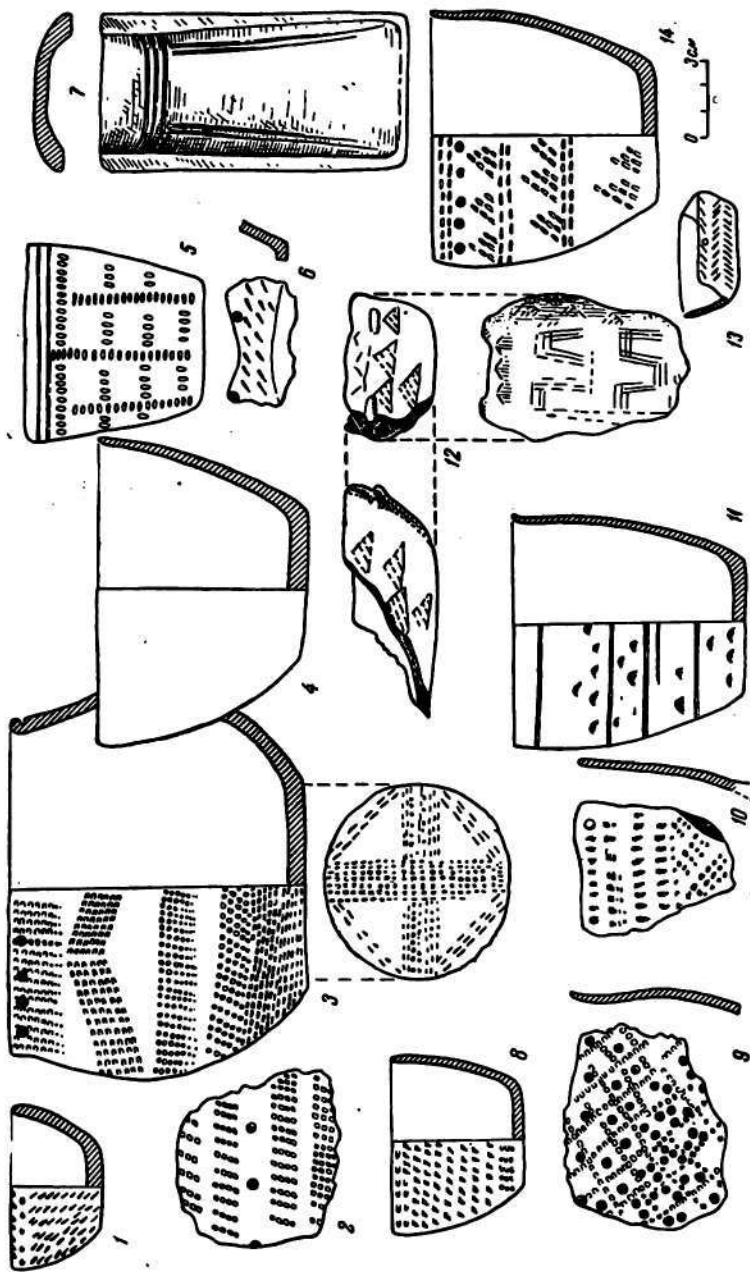

Рис. 3. Самусьское поселение
 форма кельта. Томский могильник (Малый Мыс)
 1-6 — керамика; 7 — литейная форма кельта. Томский могильник (Малый Мыс)
 8-14 — керамика

Самусьское поселение хорошо датируется формами для отливки орудий турбинско-сейминского типа (рис. 3, 7)¹². Облик керамики, каменных орудий, стиль скульптурных изображений и т. д. позволяет говорить, что жители Самусьского поселения унаследовали свои вкусы, навыки и традиции от населения, оставившего Самусьский могильник. Характер материала обоих памятников говорит о том, что если они и не следуют друг за другом непосредственно, то хронологический разрыв между ними не настолько велик, чтобы относить Самусьский могильник к III тыс. до н. э. как это делают томские археологи.

ТОМСКАЯ ЛОКАЛЬНАЯ ГРУППА

Могильник на Старом мусульманском кладбище. Могильник по ряду признаков синхронен Самусьскому могильнику. Об одновременности этих памятников свидетельствуют, в частности, найденные в них длинные шлифованные тесла (рис. 1, 7, 15), небольшие топоры с приостренным обушком, грузики, напоминающие глазковские (рис. 1, 6, 2, 2, 3), изображения медведя (рис. 1, 13; ср. с рисунком, помещенным в отчете Матющенко В. И. за 1955¹³) и т. д.

В отличие от многообразия форм керамики Самусьского могильника посуда могильника на Старом мусульманском кладбище однотипна. Вся она плоскодонная, баночной формы. Наиболее характерный орнамент — зонально расположенные ряды из вдавлений наклонно поставленной палочки (рис. 1, 1, 8). Встречаются неорнаментированные сосуды. Хорошо прослеживается тенденция к сплошному заполнению боковых стенок¹⁴.

Томский могильник (Большой Мыс). Материал опубликован М. Н. Комаровой¹⁵. Керамика показывает явную генетическую связь с посудой могильника на Старом мусульманском кладбище. Вся посуда плоскодонна, баночной формы. Техника нанесения орнамента, по существу, та же, но оттиски палочки образуют уже не зональное, а сплошное заполнение боковых стенок. Такой орнамент встречен и на одном сосуде из Самусьского могильника (рис. 1, 18). Каменные топоры имеют хорошо выраженное шестигранное сечение; кремневый инвентарь, в целом, несколько более позднего облика, чем инвентарь могильника на Старом мусульманском кладбище.

Томский могильник (Малый Мыс). Материал частично опубликован М. Н. Комаровой¹⁶. Он показывает непосредственную генетическую связь с материалом погребений на Большом Мысу. Посуда, орнаментированная по всей боковой поверхности оттисками палочки (орнамент, исключительно характерный для керамики Большого Мыса), в значительной мере типична и для погребений на Малом Мысу (рис. 3, 8)¹⁷. Вместе с тем для керамики погребений на Малом Мысу характерны отпечатки крупнозубой гребенки (рис. 3, 9)¹⁸, которые иногда имитируют сплошной ямочный орнамент¹⁹. Вся посуда плоскодонна, баночной формы. В орнаменте некоторых сосудов можно видеть более или менее ясно выраженные андроновские мотивы²⁰. Встречено два четырехугольных блюда федоровского типа (рис. 3, 12, 13).

¹² См. также: В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. — СА, 1959, № 4, стр. 160, 161, рис. 3, 4.

¹³ Архив ИА АН СССР, д. 1085.

¹⁴ М. Ф. Косарев. Указ. соч., рис. 2, 25—27.

¹⁵ М. Н. Комарова. Томский могильник, табл. IV—VI.

¹⁶ Там же, табл. XII—XIV, XVI.

¹⁷ См. там же, стр. 29, табл. XVI, 2, 6, 7.

¹⁸ Там же, табл. XVI, 1, 8, 9; М. Ф. Косарев. Указ. соч., рис. 2, 29, 31.

¹⁹ М. Ф. Косарев. Указ. соч. рис. 2, 29.

²⁰ Там же, рис. 2, 30, 31.

Первая попытка проследить древнюю историю нижнетомских племен была предпринята М. Н. Комаровой. Она обработала богатейший материал Томского могильника, выделив, в частности, 8 погребений, относящихся к неолиту (Большой Мыс), и 12 погребений, относящихся к бронзовому веку (Малый Мыс). Неолитическая принадлежность погребений на Большом Мысу весьма сомнительна прежде всего потому, что Большой Мыс непосредственно предшествует Малому Мысу, относящемуся к эпохе развитой бронзы. Материал этих двух групп погребений органически связан, керамика Большого и Малого Мыса частично однотипна и, по существу, представляет единый комплекс, разывать который на две части и относить одну к неолиту, а другую к развитой бронзе было бы ошибкой. Кроме того, Большой Мыс хронологически следует за могильником на Старом мусульманском кладбище, который дает материал, в целом, раннебронзового характера и вряд ли относится ко времени более раннему, чем начало II тыс. до н. э.

Характеризуя материал 12 погребений на Малом Мысу, М. Н. Комарова на основе находки здесь прямоугольного блюда федоровского типа (рис. 3, 13) и исходя из наличия «андроноидных» мотивов в орнаменте некоторых сосудов²¹, склонна относить эту группу погребений к андроновской культуре. С такой трактовкой культурной принадлежности погребений на Малом Мысу вряд ли можно согласиться. Крупнозубая гребенка, сплошное заполнение боковых стенок оттисками короткого зубчатого штампа и т. д., характерные для посуды из погребений на Малом Мысу (рис. 3, 9, 10)²², совершенно не типичны для классической андроновской керамики. Погребения Томского могильника исключительно богаты кремневым инвентарем (в том числе шлифованными каменными топорами и т. д.)²³, что не характерно для андроновских погребений. Материал Малого Мыса свидетельствует об ином (отличном от андроновского) характере хозяйства, ином погребальном обряде и т. д. Вопрос о культурной принадлежности погребений на Малом Мысу в значительной мере упирается в вопрос — каков же, собственно, критерий в отнесении того или иного памятника к андроновской культуре? Таковым, очевидно, является не наличие в орнаменте некоторых «андроноидных» мотивов, а андроновский (по существу, а не по формальным признакам) характер керамики, орудий, хозяйства и погребального обряда. В целом, керамика погребений на Малом Мысу по форме сосудов и по орнаменту (крупнозубая гребенка, сплошное заполнение боковых стенок оттисками короткого зубчатого штампа, вертикальная елочка, vyplненная крупнозубой гребенкой и т. д.) весьма близка посуде восточно-казахстанских поселений, отнесенных С. С. Черниковым к канайскому этапу (XV—XIII вв. до н. э., по С. С. Черникову)²⁴.

По-видимому, одной из ошибок археологов, которым приходится обращаться за аналогиями к андроновской культуре, является известный формализм при определении андроновской принадлежности керамики. Основное внимание акцентируется на элементах сходства определяемого сосуда с классическими андроновскими (федоровскими) образцами; при этом зачастую не учитывается, насколько поверхностно сходство и насколько глубоки различия.

Необходимо иметь в виду, что архаичный геометрический орнамент, одинаково характерный в неолите от Урала до Верхнего Приобья, в энеолите получает дальнейшее развитие лишь в лесостепном Зауралье.

²¹ Там же, рис. 2, 30; см. также: М. Н. Комарова. Указ. соч., стр. 29, табл. XVI, 1.

²² М. Н. Комарова. Указ. соч., стр. 29, табл. XVI, 8, 9.

²³ Там же, табл. XII—XIV.

²⁴ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, 1960, № 88, стр. 270, табл. LXXVIIa, 20—22.

Именно отсюда нам известны энеолитические керамические комплексы со многими прафедоровскими элементами орнамента — треугольными фестонами, меандрами, ромбами и т. д. Необходимо учитывать также близкое соседство степи и постоянные контакты с арало-казахстанскими племенами, которые на протяжении веков вносили в зауральское лесостепье и постоянно поддерживали там своеобразный аральский колорит.

В орнаменте энеолитической керамики лесостепного Приобья склонность к геометризму была выражена в очень незначительной мере. Кроме того, южная граница лесостепья сдвинута здесь далеко к югу, в результате чего Приобье было особенно удалено от центров древних степных цивилизаций. Видимо, в силу этих и других причин юго-восточная часть некогда единой урало-сибирской общности, начиная с энеолита, ведет особую (не «федоровскую») генетическую линию, которая находит свое завершение в Томском могильнике и отчасти в поселениях канайского этапа в Восточном Казахстане — памятниках, материал которых имеет некоторые «андроноидные» признаки; но эти памятники нельзя отнести к андроновской культуре ни в федоровском, ни в алакульском ее вариантах. В этой связи нельзя не остановиться на точке зрения К. В. Сальникова, касающейся происхождения андроновской культуры. Он считает, что в основу «общности племен андроновской эпохи» легло три компонента: «В первой половине II тыс. до н. э. мы видим на востоке указанной территории энеолитическую афанасьевскую культуру, носители которой уже были знакомы со скотоводством. Неолитические культуры Центрального и Северного Казахстана и среднего течения реки Урала нужно рассматривать как второй компонент андроновской культуры. Наконец, на северо-западе, в бассейне нижнего течения реки Исети, андреевские и раннешигирские племена охотников и рыболовов лесостепи также трансформировались в носителей андроновской культуры»²⁵.

Следует отметить, что К. В. Сальников в общем прав, усматривая известную генетическую близость федоровских и шигирско-горбуновских памятников; однако основанный на этом вывод о многокомпонентности андроновской культуры ошибочен. Наблюдаемые им признаки генетической близости свидетельствуют о том, что горбуновская и андроновская («федоровская») культуры возникли на единой урало-сибирской основе. Сложение андроновской культуры не есть результат слияния нескольких культур; наоборот, для этого времени характерен процесс углубления локальных различий между отдельными частями некогда единого урало-сибирского этно-культурного массива, завершившийся появлением ряда культур: горбуновской, андроновской («федоровской»), сузгунской, самусьской и т. д.

Андроновские племена, имевшие керамику федоровского типа, прошедшие на восток, в Минусинскую котловину, вряд ли задерживались в лесостепном Приобье; они оставили свой след лишь постольку, поскольку Верхнее Приобье лежало на пути их движения к верховьям Енисея.

В последние годы, благодаря раскопкам В. И. Матющенко (самусьские памятники) и А. П. Дульзона (могильник на Старом мусульманском кладбище), накопился значительный материал, позволивший В. И. Матющенко рассмотреть древнюю историю томских племен в более широком плане и по-новому подойти к решению некоторых вопросов. Однако предложенная им хронологическая схема и его трактовка культурной принадлежности нижнетомских памятников вряд ли приемлемы.

²⁵ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья.— МИА, 1951, № 21, стр. 145

Обращаясь при датировке Самусьского могильника к материалам нижнеобских памятников, В. И. Матющенко сравнивает в качестве аналогичных удлиненные шлифовальные тесла Самусьского могильника (рис. 1, 15)²⁶ с каменными топорами из неолитических стоянок бассейна Северной Сосьвы²⁷, которые совершенно не похожи на самусьские по пропорциям, технике обработки и поперечному сечению. Не учитывая в достаточной мере трудности (а порой и невозможности) типологического разделения поздне-неолитических и раннебронзовых орудий, В. И. Матющенко нередко иллюстрирует неолитическую принадлежность Самусьского могильника типами орудий, которые одинаково характерны для позднего неолита и бронзового века (треугольные наконечники стрел, концевые скребки и т. д.)²⁸.

На наш взгляд, существенным в датировке Самусьского могильника является факт его непосредственного соприкосновения с Самусьским поселением, которое определено относится к эпохе развитой бронзы. Заслуживает внимания находка в погребении 6 Самусьского могильника очень архаичного остродонного сосуда²⁹ и хорошо профилированного плоскодонного горшка с резным елочным орнаментом (рис. 1, 19), что свидетельствует о сосуществовании архаичных неолитоидных типов посуды с керамикой, достаточно характерной для бронзового века.

Кремневый инвентарь Самусьского могильника в силу ряда причин (в частности, из-за слабой изученности смежных лесных и лесостепных районов) трудно использовать в качестве датирующего материала. Однако характерность для Самусьского могильника каменных грузиков (рис. 1, б), весьма близких глазковским, глазковских нефритовых ножей (рис. 1, 22), точилец (рис. 1, 20, 21), топоришков с пристроенным обушком (рис. 1, 23), достаточно типичных для памятников эпохи бронзы, не позволяет относить Самусьский могильник ко времени более раннему, чем первая треть II тыс. до н. э.

Выше уже говорилось об одновременности Самусьского могильника и могильника на Старом мусульманском кладбище. Это достаточно хорошо подтверждается не только близостью каменного инвентаря, но также находкой в Самусьском могильнике и в могильнике на кладбище одинаковых по форме сосудов, орнаментированных крупными взаимопроникающими треугольниками, выполненными «ложной» гребенкой (рис. 1, 10)³⁰. Н. П. Кипарисова убедительно показала, что «ложная» гребенка появляется не ранее II тыс. до н. э. и что ее нельзя отождествлять с более архаичным приемом «отступающей» палочки, которым нередко выполнялась та же самая орнаментальная композиция³¹. Таким образом, находка в обоих могильниках аналогичных сосудов не только свидетельствует об одновременности этих памятников, но и лишний раз подтверждает, что Самусьский могильник и могильник на Старом мусульманском кладбище вряд ли датируются более ранним временем, чем начало II тыс. до н. э. В этой связи интересно также отметить, что на днищах некоторых сосудов из могильника на Старом мусульманском кладбище имеются украшения в виде крестов и взаимопересекающихся полос (рис. 1, 8, 10). Подобное украшение дна типично для керамики

²⁶ См. также: В. И. Матющенко. Вопросы датировки томских неолитических памятников. — «Уч. зап. Томского ун-та», 1960, вып. 35, стр. 206, табл. III, 1, 5.

²⁷ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. — МИА, 1953, № 35, стр. 21, табл. VI, 1—3.

²⁸ В. И. Матющенко. Указ. соч., стр. 203.

²⁹ М. Ф. Косарев. Указ. соч., рис. 2, 17.

³⁰ Там же, рис. 2, 18а.

³¹ Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья. — СА, 1960, № 2, стр. 16—18.

степных и лесостепных памятников эпохи бронзы и не встречается в III тыс. до н. э.

Характеризуя эпоху развитой бронзы в Томской обл., В. И. Матющенко относит одновременные Самусьскому поселению памятники бассейна р. Томи (в том числе и погребения Томского могильника на Малом Мысу) к одной культуре, которую он называет «томской». С таким выводом трудно согласиться. Материал Томского могильника характеризует культуру, сложившуюся в лесостепной части Приобья, имеющую ряд «андроноидных» черт и уходящую основной частью своего ареала в сторону Восточного Казахстана. Для этой культуры можно оставить уже введенный В. И. Матющенко термин «томская».

Культура, представленная материалом Самусьского поселения, сложилась в таежной части Приобья. Она продолжает в своем развитии автохтонные урало-сибирские традиции, прежде всего в орнаменте посуды: волнистые узоры, отступающая гребенка, взаимопроникающие треугольные зоны, желобчатый орнамент и т. д. Ряд прямых и косвенных данных позволяют предполагать, что основной массив этой культуры (мы называем ее самусьской) уходит в Нарымское Приобье, на территорию, где много позднее складывается хорошо известная в археологической литературе кулайская культура.

Определяя культурную принадлежность нижнетомских памятников, М. Н. Комарова и В. И. Матющенко исходили из мнимой единокультурности Среднего Приобья. Оба исследователя в значительной мере игнорировали тот факт, что здесь на протяжении почти всего бронзового века граничили несколько культурных областей.

Положение Среднего Приобья на стыке нескольких культур создает определенные трудности при археологическом изучении этого района; вместе с тем именно такое положение Среднего Приобья поможет при дальнейшем его изучении глубже понять характер сложных культурно-исторических процессов, происходивших на территории Сибири в глубокой древности.

М. Ф. Косарев

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В конце бронзового века в Среднем Приобье распространяются памятники ирменского типа (IX—VIII вв. до н. э.). Сейчас их известно более двадцати (поселения Ирмень I, Каменка, Красный Яр и другие в Новосибирской обл.; Батуриновское селище, городища Басандайское, Шеломок, Каштак, Томское Лагарное, местонахождение у поселка Чекист и другие памятники в Томской обл.).

Керамика ирменских памятников очень стандартна. Это плоскодонные горшки с низкой, прямой, несколько отогнутой наружу шейкой и достаточно резким переходом от шейки к тулову (рис. 1, 36—45; рис. 3, 2, 4, 5, 7, 9, 10, 12, 13). Орнамент почти исключительно резной геометрический. Верхнюю половину шейки занимают один или два ряда равно-сторонних резных треугольников, которые могут располагаться в разных комбинациях, но всегда с соблюдением определенной симметрии. Место треугольников нередко занимает резная сетка (рис. 3, 2, 9, 10) или ряд наклонных резных лесенок (рис. 3, 7). Эта орнаментальная полоса обычно ограничивается снизу и сверху резными линиями. В нижней части шейки почти всегда располагается ряд «жемчужин», чередующихся с насечками, ямками или вдавлениями лопаточки. На границе шейки и плечиков проходят две-три (иногда больше) резных линии, ниже которых, в верхней половине тулова, располагались либо треугольные фестоны (рис. 1, 37, 40, 44; рис. 3, 10), либо усложненные зигзаговые полосы (рис. 1, 36, 39, 45; рис. 3, 2, 5), либо несколько рядов наклонных вдавлений ребра пластины, образующих горизонтальную елочку (рис. 1, 43). Придонная часть не орнаментировалась.

В связи с археологическим изучением Приобья и Минусинской котловины исследователи много раз обращались к ирменскому материалу, нередко по-разному интерпретируя его. М. П. Грязнов относит памятники ирменского типа к карасукской культуре, которая, по его мнению (вопреки точке зрения С. В. Киселева о юго-восточном происхождении карасукской культуры), сложилась на месте на основе андроновской культуры¹.

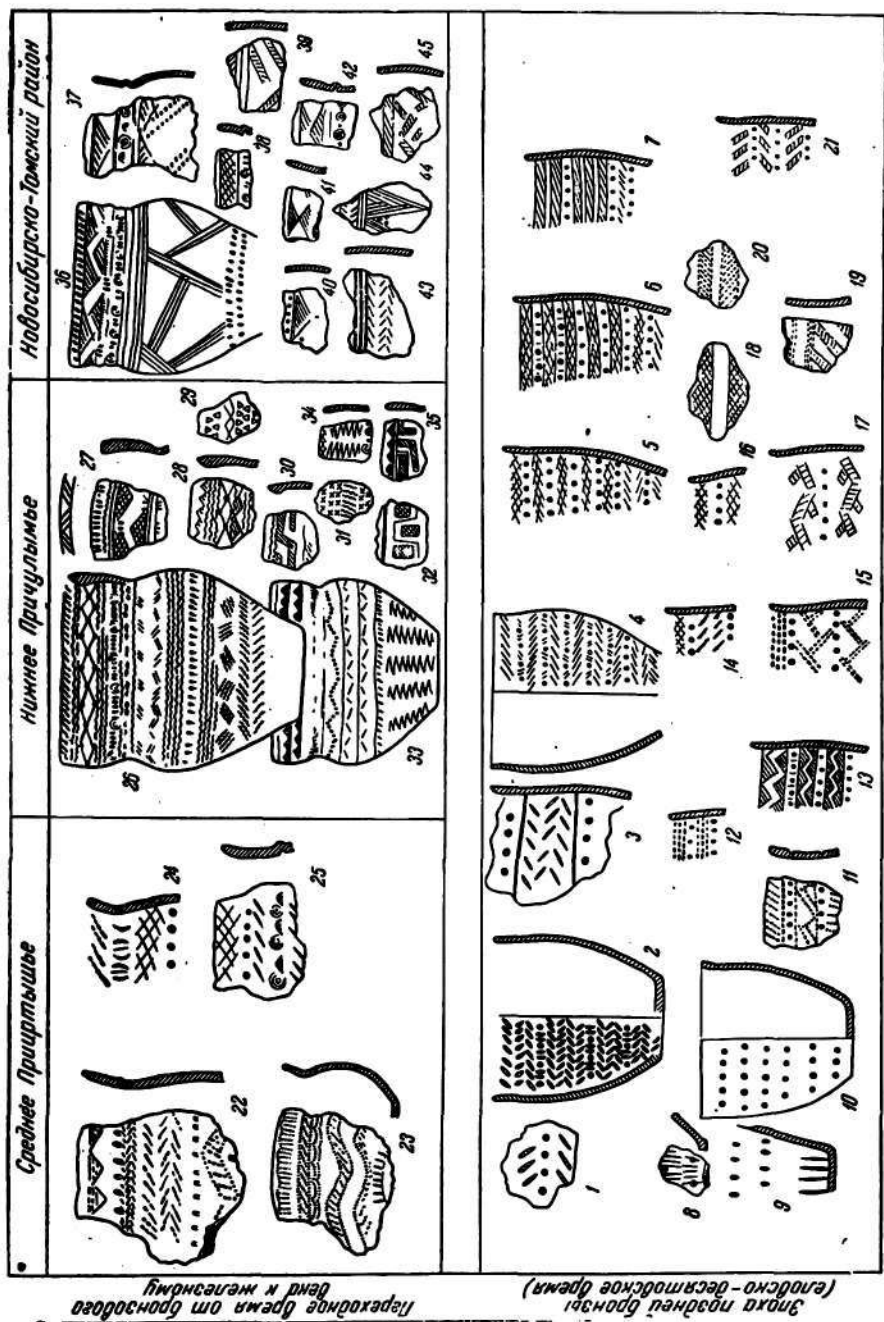
Н. Л. Членова считает, что культура, представленная материалами ирменских памятников, явилась результатом активного воздействия северного лесного населения на местные андроновские племена².

Таким образом, эти точки зрения существенно не отличаются одна от другой. Оба исследователя исходят из местной, андроновской, основы ирменской³ культуры.

¹ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби.—МИА, 1956, № 48, стр. 36—41.

² Н. Л. Членова. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири.—СА, 1955, № 23, стр. 50 и сл.

³ Это название предложено Н. Л. Членовой (Н. Л. Членова. Указ. соч., стр. 55).

Переходное время от бронзового века к железу

Эпоха поздней бронзы (голдско-десятое время)

Рис. 1. Схема культурного развития Среднего Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы (по керамике): 1, 8, 9, 19, 20, 22, 23 — из разных мест Омской обл.; 4—7, 10, 12, 13, 15, 17, 21, 27, 29, 31, 32, 34, 35 — Десятовское поселение (Томская обл.); 2, 11, 36 — Самульское поселение (Томская обл.); 3, 37—41, 43 — Басандайское городище (г. Томск); 24, 25 — городище Большой Лог (близ г. Омска); 26, 28, 30, 33 — городище Остайская гора (Томская обл.); 44 — местонахождение у пос. Чекист (близ г. Томска); 14, 16, 18 — поселение у дер. Камень (Новосибирская обл.); 42, 45 — поселение у дер. Красная Яр (Новосибирская обл.)

Была ли в Среднем Приобье андроновская культура и можно ли говорить о местной, андроновской, основе ирменской культуры? Археологический материал дает на этот вопрос отрицательный ответ.

В энеолите в Среднем Обь-Иртышье четко определяются три линии развития, которые привели в эпоху развитой бронзы к сложению трех культур: самусьской (рис. 2, 19—23), томской (рис. 2, 29—31) и среднеиртышской (рис. 2, 7—12). В последней четверти II тыс. до н. э. наблюдается продвижение среднеиртышского населения в Среднее Приобье, где оно сменяет ранее жившие здесь племена, известные нам по памятникам типа Самусьского поселения и Томского мопильника. В результате на всей громадной территории Среднего Обь-Иртышья воцаряется единая культура, представленная материалами Евгашинского и Екатерининского поселений в Омской обл., Еловского и Десятовского поселений в Томской обл., ранними комплексами из поселений Камень и Красный Яр в Новосибирской обл., т. е. более чем 20 памятниками (рис. 1, 1—21). Керамика этих памятников (будем называть ее керамикой еловско-десятовского типа по наиболее изученным поселениям) имеет следующие отличительные признаки: горшкoобразная (приближающаяся к открытой баночной) форма, очень плавный переход от шейки к тулову и сравнительно небольшое плоское дно (диаметр дна приблизительно в 2—2,5 раза меньше диаметра устья). Сущность орнаментальной композиции заключается в однообразном чередовании поясков в виде сеток (рис. 1, 6, 5), горизонтальной елочка (рис. 1, 1—4), заштрихованных лент (рис. 1, 7) и т. д. с рядами ямочных вдавлений. Орнамент покрывает всю боковую поверхность сосудов. Для керамики еловско-десятовского типа характерен хороший обжиг и желтая или светло-коричневая (нередко лощеная) поверхность. На ряде памятников удалось установить, что керамика еловско-десятовского типа лежит выше позднесамусьского слоя (в Еловском и Десятовском поселениях) и подстилает слой ирменского времени (Десятовское поселение, поселение у дер. Камень и т. д.). Все это, наряду с другими данными, позволяет нам относить еловско-десятовские памятники к XII—X вв. до н. э.

Еловско-десятовская посуда имеет многие признаки, характерные для ирменской керамики. Так, например, и для еловских и для ирменских сосудов типичны резная сетка (рис. 3, 8—10), зигзаговые полосы (рис. 3, 3, 4), зигзаги из взаимозаходящих линий (рис. 3, 1, 2), взаимно-проникающие резные треугольники (рис. 3, 11—13), наклонные резные лесенки (рис. 3, 6, 7) и т. д. В орнаменте еловско-десятовской керамики обычны ряды круглых ямок, перемежающихся с отпечатками гребенки или ребра пластины (рис. 3, 8). Этот мотив характерен и для ирменских орнаментов с тем отличием, что здесь место ямок занимают вдавления изнутри — «жемчужины» (рис. 3, 4, 9, 13). Однако если для еловско-десятовских сосудов в каждом отдельном случае характерен обычно лишь один элемент, который, однообразно повторяясь, заполняет всю боковую поверхность (рис. 1, 1—24), то в ирменской керамике наблюдается усложнение орнаментальной композиции. Орнаментальное поле делится на несколько не одинаковых зон, где каждому элементу отведено строго определенное место. Так, взаимопроникающие резные треугольники, сетка и наклонные резные лесенки располагаются лишь в верхней части шейки (рис. 3, 2, 7, 9, 10, 13), ряд «жемчужин», чередующихся с насечками (рис. 3, 4, 13), встречается лишь у основания шейки, зигзаговые полосы и елочка располагаются лишь в верхней половине тулова.

Таким образом, непосредственная генетическая преемственность еловской и ирменской керамик несомненна. Однако в сложении ирменской культуры принял участие еще один компонент.

В начале I тыс. до н. э. еловско-десятовское население начинает подвергаться активному двустороннему воздействию: с севера — таежных

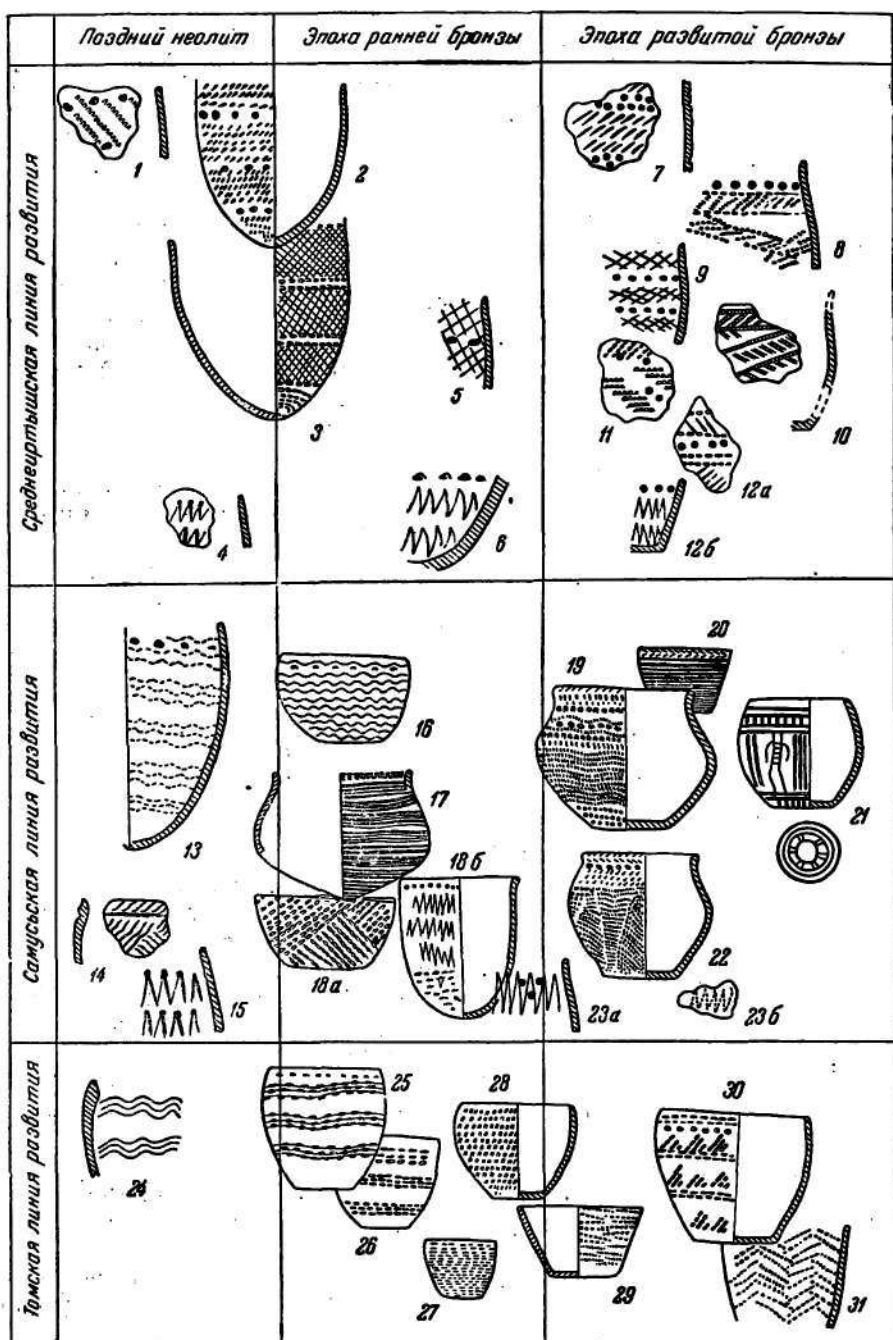

Рис. 2. Схема культурного развития Среднего Обь-Иртышья в эпоху неолита и бронзы (по керамике)

1-6 — Екатерининская стоянка (Омская обл.); 7-12 — из разных мест Омской обл.; 13 — местонахождение у дер. Лавровка (Томская обл.); 14-18 — Самусьский могильник; 19-23 — Самусьское поселение (Томская обл.); 24-27 — могильник на Старом мусульманском кладбище (г. Томск); 28-31 — Томский могильник (г. Томск)

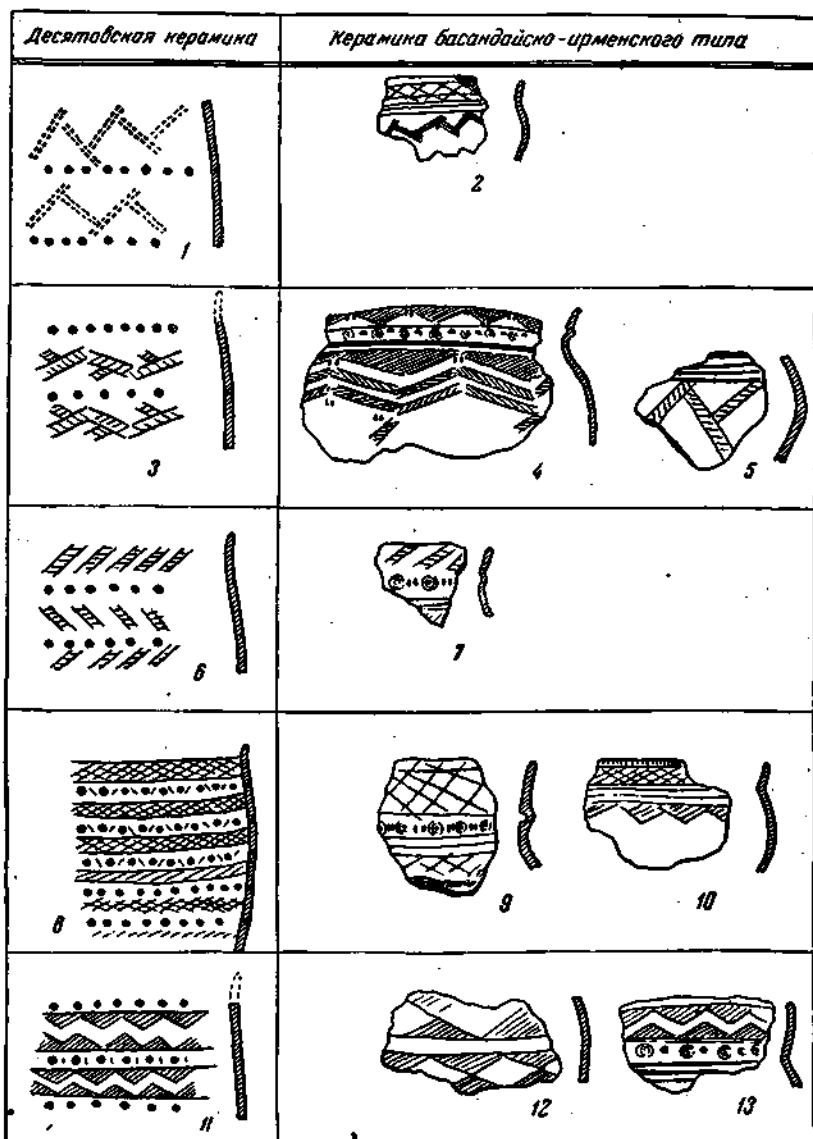

Рис. 3. Совпадение орнаментов на десятковской и ирменской посуде
 1, 3, 6, 8, 11 — Десятковское поселение (Томская обл.); 2, 4, 10, 13 — Басандайское
 городище (г. Томск); 7 — Сборы на р. Ирмень (Новосибирская обл.); 5, 9, 12 — посе-
 ление у дер. Красный Яр (Новосибирская обл.)

племен Нарымского Приобья, с юго-востока — карасукцев. Под воздействием северных таежных культур в северной части Среднего Обь-Иртышья складывается своеобразная культура, сочетающая в себе северные (лесные) и еловско-десятковские черты (городище Остяцкая Гора, поздний комплекс Десятковского поселения, Красноозерка II и т. д.), (рис. 1, 26—35). В Нижнем Притомые и в Новосибирской части Приобья под воздействием карасукского населения, пришедшего из Минусинской котловины, складывается ирменская культура, сочетающая еловско-десятковские и некоторые карасукские признаки. К числу карасукских элементов в ирменской керамике следует отнести, по-видимому, удлиненные

треугольные фестоны в верхней части тулова (нередко со встречной штриховкой) и резные линии на границе шейки и плечиков. Орнаментальная композиция ирменской керамики тоже в общем близка карасукской. Влияние карасукской культуры на эту часть Приобья (в особенности на Нижнее Притомье) подтверждается также массовым распространением здесь карасукских бронзовых вещей, что в значительной мере подавило местную бронзовую металлургию.

Возвращаясь к точке зрения М. П. Грязнова, хочется выразить сомнения в приложимости термина «карасук» к ирменским памятникам. В течение ряда лет в понятие «карасукская культура» вкладывалось вполне определенное содержание, связанное с Карасукскими могильниками в Минусинской котловине. Выше мы уже пришли к выводу, что ирменская культура сложилась на еловско-десятовской основе (при известном влиянии карасукской культуры). Какова же основа Минусинского карасука? Если мы даже будем принимать поочередно все существующие точки зрения — А. Н. Липского (афанасьевская основа), М. П. Грязнова (андроновская основа), С. В. Киселева (юго-восточное происхождение), то во всех случаях мы должны прийти к выводу, что нет оснований относить ирменское население и минусинских карасукцев к одной культурной группе.

Неопределенность и двусмысленность терминов «новосибирский карасук», «томский карасук» и т. д. привела к тому, что томские археологи, принявшие терминологию М. П. Грязнова, склонны относить к карасукской всякую керамику, на которой имеется резной геометрический орнамент. А. П. Дульзон отнес к карасукской культуре даже такой глубоко не карасукский (и даже не ирменский) по облику памятник, как городище Остяжская Гора (рис. 1, 26, 28, 31, 33).

Сам М. П. Грязнов выделил более десяти вариантов карасукской культуры, в том числе новосибирский и томский (к которым он отнес памятники ирменского типа), еловский (к которому он отнес Еловское поселение) и усть-тобольский (к которому он отнес культовое место Сузгун II в Нижнем Прииртышье). Следует отметить, что М. П. Грязнов в общем прав, усматривая некоторые общие признаки в сузгунской, еловской и ирменской керамиках (наличие усложненных зигзаговых полос, заштрихованных лент и т. д.); однако некоторые сходные элементы не свидетельствуют ни о единокультурности, ни об одновременности этих памятников, а лишь говорят о том, что в основе сузгунской, еловской и ирменской (последняя выросла на еловской основе) культур лежит, в конечном счете, единый тоболо-иртышский субстрат. Н. Л. Членова, касаясь происхождения ирменской культуры, по-видимому, неправда в том, что

игнорирует явное наличие карасукских элементов в ирменской керамике;

исходит из того, что Среднее Приобье в предырменское время населяли «местные андроновские племена»;

преувеличивает роль северных лесных влияний в сложении ирменской культуры;

неправомерно распространяет территорию ирменской культуры далеко за пределы собственно томско-ирменского района.

Остановимся на двух последних пунктах (о первых двух уже говорилось выше).

Если ирменская культура возникла в результате того, что «лесные племена двинулись к югу и смешались здесь с местным андроновским населением»⁴, то почему тогда ирменская культура является более степной по своему облику, чем все предшествующие ей на этом месте куль-

⁴ Н. Л. Членова. Указ. соч., стр. 54.

туры? На самом деле для ирменской керамики характерен резной геометрический орнамент, не типична «гребенка» и совершенно не встречаются обычные в это время на посуде северных лесных культур ромбический, мелкоструйчатый и крестовый штампы.

Почему «лесной» орнамент на небольшом фрагменте⁵, найденном при раскопках Басандайского городища, должен свидетельствовать о том, что «местные» андроновцы (которые, кстати, никогда не жили в Нижнем Притомье) смешались здесь с пришлыми лесными племенами? Ведь, во-первых, этот черепок является единственным в большом позднебронзовом керамическом комплексе Басандайки и поэтому не дает оснований для таких выводов; во-вторых, он абсолютно чужд керамике ирменского типа, что не дает права относить его к ирменской культуре.

Почему изыхские сосуды⁶ (тоже абсолютно чуждые ирменской керамике) должны свидетельствовать о том, что ирменская культура распространяется на восток до Абакана?

Упомянутый выше басандайский черепок с «лесным» орнаментом находит очень близкие аналогии в керамике Остяцкой Горы и других одновременных Ирмени памятниках (рис. 1, 26—35), которые локализируются в северной части Среднего Обь-Иртышья и граничат на юге с территорией распространения ирменской культуры. Случаи находок единичных черепков с «лесным» орнаментом в ирменских комплексах, так же как случаи находок единичных фрагментов ирменской керамики на Остяцкой Горе, вполне естественны; они лишь свидетельствуют об одновременности и близком соседстве двух разных культур (рис. 1, 26—45).

Вопрос о происхождении ирменской культуры очень важен, так как с ним связаны многие нерешенные проблемы этнокультурной истории Приобья. Возвращение к этому вопросу и обсуждение его специалистами поможет глубже уяснить сложный процесс взаимодействия культур на территории Сибири в эпоху бронзы.

⁵ Там же, стр. 55, рис. 9, 7.

⁶ Там же, стр. 51, рис. 7, 6, 4.

В. В. Волков

БРОНЗОВЫЕ КЕЛЬТЫ ИЗ МУЗЕЕВ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Памятники бронзового века Монголии крайне слабо изучены. Поэтому введение в научный оборот даже небольшой коллекции предметов эпохи бронзы, происходящих с территории Монгольской Народной Республики, представляет известный интерес.

Целью настоящей статьи является публикация серии бронзовых кельтов, хранящихся в Центральном государственном и ряде областных краеведческих музеев МНР.

Кельты в Монголии сравнительно редки. Мне известно около 12 кельтов, представляющих собой случайные находки. Несмотря на малочисленность они весьма разнообразны как по форме, так и по характеру орнамента и могут быть разделены на следующие группы:

I. Кельты с двумя боковыми ушками.

II. «Пещерные» кельты.

III. Кельты-тесла с лобным ушком.

IV. Кельты с поясками по краю втулок.

V. Кельты с выпуклым валиком по краю.

I. Кельты с двумя боковыми ушками. Эта группа наиболее многочисленна; к ней относится 6 кельтов.

Большинство кельтов, входящих в эту группу, разновременны. Но почти каждый из них представляет собой лишь различные этапы в эволюции двуушковых кельтов; поэтому они объединены в одну группу.

1. Двуушковый кельт из Гоби-Алтайского музея (рис. 1, 10). Этот сравнительно крупный кельт (длина его 15 см) найден на территории Гоби-Алтайского аймака.

Кельт в поперечном сечении шестигранный, заканчивается овальной втулкой. Там, где втулка переходит в узкие боковые грани, расположены ушки. Одно из них несквозное.

Боковые узкие грани отделены от широких выступающими ребрами. Лезвие несколько шире втулки, особенно у острия. На кельте рельефно-линейный орнамент. Вокруг втулки на уровне ушек на небольшом расстоянии друг от друга идут два выступающих пояска. Пространство между ними заполнено четырьмя вертикальными валиками, ниже идет орнамент из треугольников.

В собрании Центрального государственного музея МНР еще недавно находился двуушковый кельт, близкий к гоби-алтайскому. В настоящее время он утерян, осталась лишь фотография. Она хранится в Архангайском краеведческом музее.

Этот кельт отличается более вытянутыми пропорциями. Длина его примерно раза в четыре больше ширины. Втулка овальная. Низкое качество фотографии не позволило детально выяснить его форму, но орнамент виден отчетливо: на уровне ушек узкий поясок с косой штриховкой, под ним ряд треугольников, обращенных вершинами к острию.

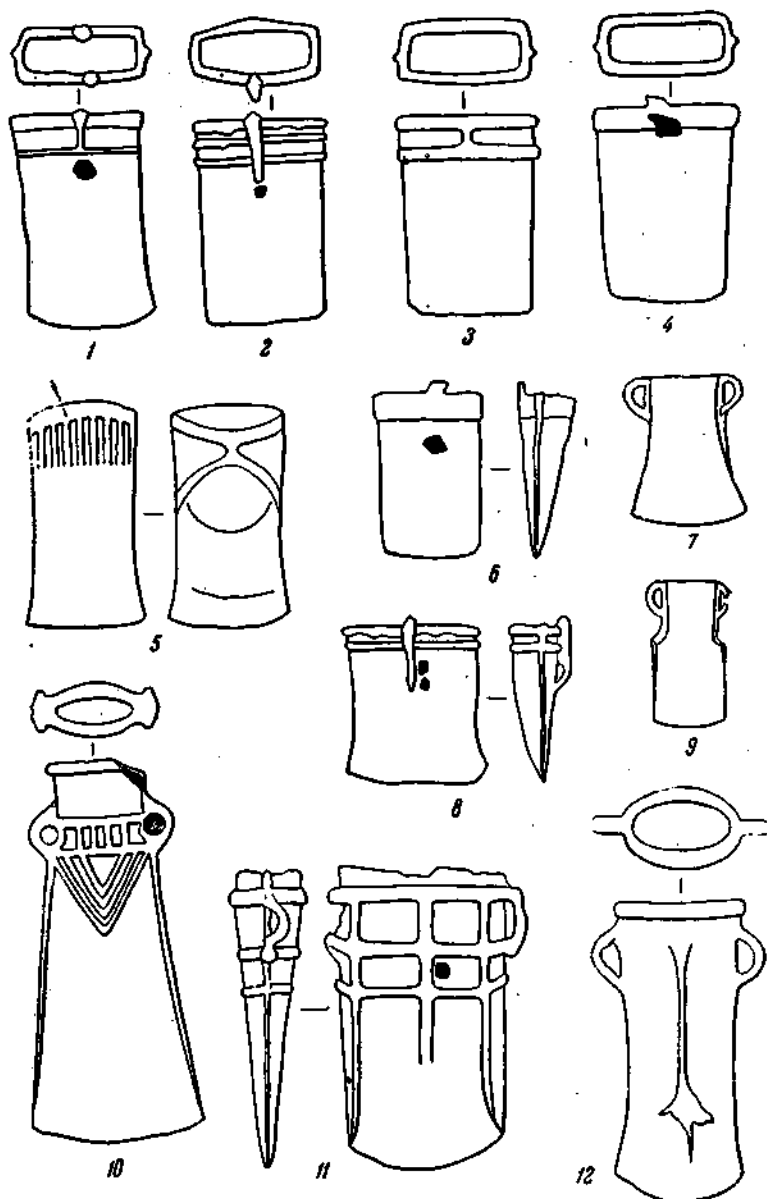

Рис. 1. Бронзовые кельты из музеев МНР

1 — найден в Хубсугульском аймаке (колл. преподавателя Монгольского гос. ун-та тов. Пуревджава); 2 — место находки неизвестно, хранится в Центральном гос. музее; 3, 11 — найдены в Убурхангайском аймаке, хранятся в Убурхангайском краеведческом музее; 4 — найден в Архангайском аймаке, хранится в Архангайском краеведческом музее; 5 — найден в Хентийском аймаке, хранится в Краеведческом музее г. Ундурхан; 6 — найден в Гоби-Алтайском аймаке, хранится в Гоби-Алтайском краеведческом музее; 7, 9 — место находки неизвестно, хранится в Центральном гос. музее; 8 — найден в Среднегобийском аймаке, хранится в Среднегобийском краеведческом музее; 10 — найден в Гоби-Алтайском аймаке, хранится в Гоби-Алтайском краеведческом музее; 12 — найден в Увс аймаке, хранится в Центральном гос. музее

Нетрудно заметить, что как гоби-альтайский кельт, так и кельт, известный нам только по фотографии, близки к кельтам сейминского типа Сибири.

Основная масса находок двушковых кельтов сейминского типа приходится на районы восточнее Урала. Это позволило М. П. Грязнову считать их местным вариантом (в отличие от безушковых) и назвать их сейминско-сибирскими¹.

Как полагает Б. Г. Тихонов, кельты сейминского типа впервые появляются где-то в области Алтая в середине II тыс. до н. э. и затем быстро продвигаются на запад до бассейна р. Волги, а исчезают примерно в XII в. до н. э.²

Интересно, что единственный пока в Монголии кельт сейминско-сибирского типа, место находки которого известно, происходит из района, прилегающего к Монгольскому Алтаю, т. е. тяготеет к предполагаемой родине сейминских вещей. Наиболее вероятным временем бытования орудий этого типа в Монголии, по аналогии с Сибирью, следует считать XV—XII вв. до н. э.

2. Кельт из Убурхангайского краеведческого музея (рис. 1, 11). Это массивный двушковый кельт, отлитый из красноватой бронзы. Отделка и отливка крайне небрежны.

В поперечном сечении он шестигранный. Втулка низкая, с неровными краями. Одно из ушек сломано, второе погнуто.

Орнамент выполнен рельефными валиками. Они, переплетаясь, образуют ряд квадратов, опоясывающих кельт. Первый ряд квадратов приходится на уровень ушек, второй проходит ниже.

По краям широких граней валики опускаются почти до острия, отделяя их от узких сторон, и напоминают выступающие ребра сейминских кельтов.

По форме и характеру орнаментации он наиболее близок к так называемым поясковым карасукским. М. П. Грязнов выводит их из сейминских и датирует карасукским временем³. Очевидно, к тому же времени относится и убурхангайский кельт.

3. Кельт из Увс аймака (рис. 1, 12). Хранится в Центральном государственном музее в г. Улан-Баторе.

В поперечном сечении он овален. По краю втулки кельта проходит валик. От него к острию по плоскостям кельта спускаются выпуклые валики. Ушки находятся на некотором расстоянии от края втулки. Это обстоятельство сближает кельт из Увс аймака с поясковыми карасукскими кельтами Сибири, хотя в данном случае пояс сок отсутствует. Украшение же линиями, опускающимися вниз по плоскостям кельта, характерно уже для кельтов Внутренней Монголии шань-иньского и более позднего времени⁴. Наиболее вероятное время публикуемого кельта — XIII—VIII вв. до н. э.

4. Более поздними в группе двушковых кельтов являются кельты из коллекций Центрального государственного музея в г. Улан-Баторе (рис. 1, 7, 9), впервые опубликованные С. В. Киселевым и отнесенные им к скифо-тагарскому времени⁵.

С орудиями тагарского времени их сближает то, что ушки расположены у самого края втулки, как это обычно бывает на тагарских кельтах⁶.

¹ М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей.— «Труды Отд. истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа», т. 1. Л., 1941, стр. 252.

² Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы.— МИА, 1960, № 90, стр. 41, 44.

³ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 248.

⁴ СА, 1960, № 4, стр. 262—263.

⁵ С. В. Киселев. Монголия древности.— «Изв. АН СССР», серия истории и философии, 1947, т. 4, № 4, стр. 362, рис. 3; См. также: СА, 1960, N 4, рис. 9.

Кроме того, один из них имеет широкую секирообразную рабочую часть и этим напоминает некоторые кельты Гирина и Внутренней Монголии⁷.

II. «Пещерные» кельты. Пока известен лишь один целый кельт такого типа, происходящий из Хентейского аймака, и небольшой обломок, по-видимому, аналогичного кельта, который найден в южном районе Сухэ-Баторского аймака почти на границе с Китаем (рис. 1, 5).

Хентейский кельт-тесло отлит из прекрасной золотистой бронзы. Переднюю, «парадную», плоскость его украшают семь расположенных в ряд выпуклых линий, спускающихся от края втулки примерно на $\frac{1}{3}$ длины самого кельта. Край втулки, а также верхняя часть отверстия — «пещерки» обрамлены рельефным валиком. С задней стороны над «пещеркой» находится небольшая петелька, почти сплошь заполненная металлом при отливке кельта.

Область распространения «пещерных» кельтов, аналогичных монгольскому, очень широка, и бытуют они длительное время. В южно-русских степях они относятся, например, к предскифскому и даже скифскому временам⁸. Особенно много их в Минусинской котловине и на Алтае. Так, на Алтай с прилегающими к нему районами приходится около 20 «пещерных» кельтов с ушком на задней стороне⁹.

Несколько «пещерных» кельтов известно и из Забайкалья¹⁰.

Большинство сибирских кельтов представляет собой случайные находки. М. П. Грязнов, расклассифицировавший этот подъемный материал, поместил «пещерные» кельты в 16-ю и 17-ю строки корреляционного поля и датирует их карасукским временем¹¹.

Единственный раз «пещерный» кельт найден в погребении на р. Бее и при этом в определенно карасукском комплексе¹².

Таким образом, бытование «пещерных» кельтов в Сибири довольно точно определяется XIII—VIII вв. до н. э.

III. Кельты-тесла с лобным ушком. К этому типу относятся 2 кельта. Один из них происходит из Среднеобийского аймака (рис. 1, 8) и хранится в областном краеведческом музее этого аймака. Место находки второго (из фондов Центрального государственного музея в г. Улан-Баторе) неизвестно (рис. 1, 2). В поперечном сечении они оба почти прямоугольны. По краям втулок их и ниже проходят два-три рельефных валика, образующих соответственно один-два узких пояска. На одной из широких сторон располагаются уплощенные с боков ушки. Верхняя часть их выступает над обрезом втулки.

На среднеобийском экземпляре отчетливо видна небольшая асимметричность, что наряду с наличием лобного ушка указывает на использование кельтов III группы в качестве тесел. По форме они наиболее близки к забайкальским кельтам тапхарского этапа (VII—V или VIII—VI вв. до н. э.)¹³ и маленьким кельтам-теслам Минусинской котловины¹⁴.

Каменная форма для отливки подобных кельтов найдена в одном из погребений большереченской культуры — в Томском могильнике¹⁵.

Вместе с тем монгольские кельты III группы обладают рядом особенностей, отличающих их от сибирских. Это, прежде всего, выступающие за обрез втулки ушки. На сибирских кельтах они расположены обычно

⁶ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 248.

⁷ СА, 1960, № 4, стр. 263, рис. 9.

⁸ С. В. Киселев. Рецензия на кн. М. П. Грязнова «История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ Б. Речка». — СА, 1958, № 1, стр. 278.

⁹ Б. Г. Тихонов. Указ. соч., стр. 247.

¹⁰ Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. — Улан-Удэ, 1958, стр. 51.

¹¹ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 262.

¹² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 118, табл. XI, 13.

¹³ Н. Н. Диков. Указ. соч., стр. 40, табл. XXXII, 5, 6.

¹⁴ М. П. Грязнов. Указ. соч., табл. VIII, 8, 9.

¹⁵ М. Н. Комарова. Томский могильник. — МИА, 1952, № 24, стр. 46, рис. 26.

ниже края втулки, задняя стенка короче или имеет овальный выем. Наконеч, украшение в виде нескольких параллельных валиков также не типично для сибирских кельтов с лобным ушком¹⁶. Наиболее вероятным временем бытования их на территории МНР следует считать VIII—V вв. до н. э.

IV. Клиновидные кельты с поясками по краю втулок. По характеру украшений эти кельты сходны с кельтами с лобным ушком. Очевидно, близки они к ним и по времени. Известно 2 кельта этого типа. Один из них найден в Убурхангайском аймаке (рис. 1, 3) и хранится в местном краеведческом музее. Второй (рис. 1, 1) находится в коллекции бронзовых вещей из Хубсугульского аймака (коллекция преподавателя Монгольского государственного университета тов. Пурэв-жава).

V. Асимметричные кельты с выпуклым «валиком» по краю. Пока известно только 2 кельта этого типа из Архангайского (рис. 1, 4) и Гоби-Алтайского (рис. 1, 6) аймаков.

В поперечном сечении они прямоугольны. На гоби-алтайском кельте хорошо видна асимметричность сторон. На одной из широких плоскостей у обоих кельтов находятся отверстия, в которые забивались деревянные гвозди при насадке кельта на рукоятку.

Края втулок усилены выпуклыми поясками-валиками. На муфточках обоих кельтов имеются шипообразные выступы. По смыслу это то же, что и выступающие за обрез втулки ушки у кельтов III группы. Очевидно, в том и другом случае выступы как-то помогали более прочному креплению кельта на рукоятке.

Совершенно идентичные монгольским кельты встречаются в Забайкалье. Н. Н. Диков на основании сходства с позднетагарскими кельтами Минусинской котловины относит их к V—VIII вв. до н. э.¹⁷ К этому же времени следует отнести и монгольские кельты с валиками на краю втулки.

Таким образом, монгольские кельты, несмотря на малочисленность, представляют почти все этапы бронзового века этой страны.

Древнейший из них — гоби-алтайский (I группы) почти без отклонений повторяет сейминско-сибирские образцы.

Кельты убурхангайский из Увс аймака (I группы), а также хентейский «пещерный» кельт близки к карасукским изделиям и относятся к эпохе развитой бронзы Монголии, имевшей много общего с Южной Сибирью.

Остальные монгольские кельты связаны уже с финальными этапами бронзового века. Наиболее ранние из них (VIII—V вв. до н. э.) — кельты с лобным ушком и кельты с одним или двумя поясками по краю втулки. Наиболее поздними следует считать кельты с валиками по краю втулки. Последние, по-видимому, уже целиком относятся к началу железного века.

Близость монгольских и сибирских кельтов позволяет предполагать, что их эволюция протекала примерно так же, как в Енисейском крае и Забайкалье.

¹⁶ СА, 1960, N 4, рис. 9, 14, 16.

¹⁷ Н. Н. Диков. Указ. соч., стр. 52, табл. XXXII, 8, 9.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН Каз. ССР — Академия наук Казахской ССР
АН Уз. ССР — Академия наук Узбекской ССР
ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР
ВДИ — Вестник древней истории
Вост. Зап. ЛИЖВЯ — Восточные записки Ленинградского института живых восточных языков
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИВАН — Институт востоковедения Академии наук СССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. АН Туркм. ССР — Известия Академии наук Туркменской ССР
Изв. ТФАН — Известия Туркменского филиала Академии наук ССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МГУ — Московский государственный университет
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
Тадж. АН — Таджикская Академия наук
ТГНИИ — Туркменский государственный научно-исследовательский институт
ТГУ — Томский государственный университет
ТОВЭ — Труды Отдела востока Государственного Эрмитажа
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies
JA — Journal Asiatique
MDAFA — Mémoires de la Délégation-Archéologique Française en Afghanistan

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
<i>Л. В. Кольцов.</i> Стоянка у с. Коприно на Верхней Волге	7
<i>Г. Н. Матюшин.</i> Следы мезолитических слоев на неолитических стоянках Южного Урала и Зауралья	18
<i>И. И. Артеменко.</i> Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР	31
<i>О. С. Гадзяцкая.</i> Милославский фатьяновский могильник	88
<i>Е. Н. Черных.</i> О металле абашевской культуры	97
<i>О. Н. Евтюхова.</i> Керамика абашевской культуры в Среднем Поволжье	110
<i>Е. Е. Кузьмина.</i> Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры	121
<i>Е. Е. Кузьмина.</i> О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии	141
<i>М. Ф. Косарев.</i> Хронология и культурная принадлежность ранних нижнетомских памятников	159
<i>М. Ф. Косарев.</i> О происхождении ирменской культуры	169
<i>В. В. Волков.</i> Бронзовые кельты из музеев Монгольской Народной Республики	176

**Памятники каменного и бронзового веков
Евразии**

*

*Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР*

*

Редактор Издательства *Е. М. Фомберг*
Художник *Е. Е. Лансерг*
Технический редактор *Н. Д. Новицкова*
Корректор *О. М. Кролл*

Сдано в набор 31/X 1963 г. Подписано к печати 4/II 1964 г.
Формат 70x108¹/₁₆. Печ. л. 11,5 Усл. печ. л. 15,75 Уч.-над. л. 14,8
Тираж 1200 экз. Т-00461. Изд. № 2140.
Тип. зак. № 2896.

Цена 99 коп.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Изд-ва «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
61	12 стр.	14, 15 — кости животных	14 — кости животных; 15 — кости левой руки
74	25 св.	^{1/1,2}	^{11/1,2}
95	7 стр.	Имановой	Ивановой
153	7 стр.	подкрашенным	подкошенным
159	7 стр.	А. В. Андрианова	А. В. Адрианова
169	7 св.	Лагарное	Лагерное

Памятники каменного и бронзового веков